

С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ, А.А. КОЛЕСНИКОВ

С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ
А.А. КОЛЕСНИКОВ

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

глазами
русских
путешественников

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР

Издательство «НАУКА» Казахской ССР

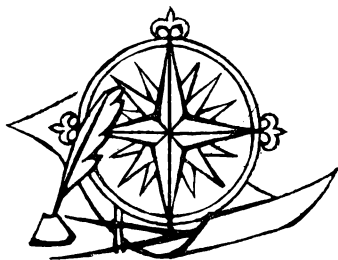
ИНСТИТУТ УЙГУРОВЕДЕНИЯ

С.Г. КЛЯШТОРНЫЙ
А.А. КОЛЕСНИКОВ

ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН

глазами
русских
путешественников

(вторая половина XIX в.)

АЛМА-АТА · 1988

Кляшторный С. Г., Колесников А. А. Восточный Туркестан глазами русских путешественников: (вторая половина XIX в.). — Алма-Ата: Наука, 1988. — 224 с.

В книге представлены работы русских исследователей о Восточном Туркестане, посетивших его во второй половине XIX в. Материал, собранный путешественниками, приводится в систематизированном и обобщенном виде, с комментариями и позволяет получить представление о географии, этнографии края, социально-политической и культурной жизни населявших его народов.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов исторических факультетов.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук Г. М. Исхаков

Вступительная статья — С. Г. Кляшторный

Главы I—IV — А. А. Колесников

К $\frac{0504000000-111}{407(05)-88}$ 9.88

ISBN5—628—00008—6

© Издательство
«Наука»
Казахской ССР,
1988

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемая читателям книга написана о Восточном Туркестане. Авторы — востоковеды, кандидаты исторических наук. Турколог А. А. Колесников и специалист по древнетюркским и древнеуйгурским памятникам С. Г. Кляшторный, рассказывая о деятельности знаменитых русских путешественников XIX в. (Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова и др.), в то же время открывают малоизвестные страницы географического изучения и историко-этнографического описания этой страны, оставленные потомкам русской наукой.

На наш взгляд, достоинство издания состоит в том, что оно, позволяя оценить огромный вклад русских исследователей в востоковедение, при этом вводит в научный оборот новые материалы. Работы исследователей, представленные в этой монографии, дают возможность судить о самобытной культуре народов Восточного Туркестана (ныне Синьцзяно-Уйгурский автономный район КНР). Материалы русских путешественников конца XIX в. важны, в частности, для новой, интенсивно развивающейся востоковедческой науки — уйгуроведения. Внимательное ознакомление с результатами экспедиций показывает, что они являются достоверными источниками изучения данного региона, который с тех пор больше не подвергался такому специальному исследованию.

О необходимости изучения истории уйгуров писал российский востоковед XIX в. А. Казем-Бек: «Мы должны употребить все средства к исследованию этого сословия или племени (уйгуров.— *Г. И.*), от которого остались

нам памятники литературы и о котором всякое открытие разольет новый свет на историю всего народа тюркского»¹.

Впервые в научном плане поставили вопрос об истории уйгуров Ю. Клапрот и Н. Бичурин (Иакинф). Первый из них на основании знакомства в Семипалатинске в 1812 г. с уйгуром из Турфана и изучения материалов китайской историографии пришел к выводу, что уйгуры — один из тюркских народов, но, встретив в китайских хрониках сообщение о племенах хойху, он не усмотрел в них уйгуров. По-другому отнесся к этому вопросу Н. Бичурин, указавший, что хойху — это уйгуры, но они монгольского происхождения. Неточность Н. Бичурина исправил А. Казем-Бек, доказав, что хойху (уйгуры) являются одним из древних тюркских народов.

Важный этап в развитии уйгуроведения связан с открытием и изучением древнетюркских и древнеуйгурских текстов в Монголии и в Восточном Туркестане в конце XIX — начале XX в. После открытия рунических памятников в востоковедении наступил период разработки рукописных и ксилографических памятников уйгурского письма².

Русские востоковеды, изучая историю народов Центральной Азии, уделили внимание разработке отдельных проблем уйгуроведения, что привело к появлению литературы об уйгурах. Периодом активного исследования и накопления материала по этому направлению востоковедения был XIX в., когда русское уйгуроведение обогатилось источниками по истории, этнографии, культуре этого народа, добытыми русскими экспедициями в Восточном Туркестане. Первый казахский ученый-просветитель Ч. Валиханов, изучив уйгурский язык, собрал большое количество не известных ранее сведений по географии, истории и этнографии уйгуров Кашгарии, нашел ценные исторические рукописи. По материалам своей поездки Ч. Ч. Валиханов написал работу «О состоянии Алтышара, или шести восточных городов китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) в 1858—1859 гг.», получившую мировую известность в востоковедческой науке. Ч. Ч. Валиханов впервые указал на особый харак-

¹ Казем-Бек А. Исследования об уйгурах // Журнал Министерства народного просвещения. 1841. Ч. 31. С. 41.

² См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М.; Л., 1951. С. 96.

тер цивилизации Восточного Туркестана, базирующейся на земледелии в тех районах, которые расположены в предгорных полосах и оазисах.

Всемирно известны путешествия Н. М. Пржевальского (1839—1888 гг.), их было четыре: 1870—1873; 1876—1877; 1879—1880; 1883—1885. Результаты экспедиций (собранный материал по географии, истории и этнографии) явились крупным вкладом в познание Восточного Туркестана.

В это же время здесь побывали и другие экспедиции. Так, в 1876—1877 гг. с дипломатическим поручением в Восточный Туркестан ездил А. Н. Куропаткин. После смерти Н. М. Пржевальского его работы продолжил М. В. Певцов, активный член Русского географического общества.

Следует отметить, что, хотя многие экспедиции направлялись в Восточный Туркестан по заданию военного ведомства России, они носили характер серьезных научных предприятий, так как поручались людям, далеким от казенной идеологии, прогрессивного образа мыслей³. Такими, например, были исследователи Ч. Валиханов, Г. Потанин, М. Певцов и др.

До настоящего времени не обо всех русских экспедициях в Восточный Туркестан, их результатах известно широкому кругу читателей. Между тем такие исследователи, как Богоявленский, Куропаткин, Маннергейм, Каульбарс и др., оставили интересные описания географического, исторического и этнографического значения, которые дают возможность познакомиться с жизнью уйгуров Восточного Туркестана в восприятии русских путешественников. Такие описания впервые приведены в данной книге. Путешественники рассказывают об этой стране с присущей им бережностью к деталям быта, обычаев народа, с уважением к нему. Путевые записи открывают богатый мир народного искусства, обычаев и традиций, сохранившихся с незапамятных времен. Однако, признавая большую ценность собранного материала, необходимо дифференцировать фактические и субъективные оценки описаний. Так, читая высказывание М. Певцова: «Литературы в Кашгарии не существует, за исключением десятка сочинений бухарских и арабских...», — следует делать скидку на то, что автор мог не

³ См.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 12.

знать деятелей уйгурской классической литературы XIX в., таких, как Билал Назым, Низари, Гариби, Зияи, Молла, Шакир, Садыр Палван, Сеит Мухаммет Каши и др. Так же извинительны какие-то неточности в описаниях быта, обычаев, они не являются основанием для сомнений в достоверности этнографических сведений, ибо сами исследователи были заинтересованы в точности, а не в преднамеренном искажении фактов.

Представляется, эта книга поможет понять историю крупного региона Азии, осмыслить его особенности, так глубоко описанные русскими исследователями, и будет интересна не только ученым, но и широкому кругу читателей.

Отметим, что издание — это первая часть задуманной серии, посвященной путешествиям по Восточному Туркестану не только русских, но и китайских и европейских исследователей.

ИСТОРИЯ ТЮРКСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА

Вступительная статья

До середины XIX в. Восточный Туркестан оставался «неведомой землей» для европейской науки. Но еще за два тысячелетия до появления там русских и английских исследователей китайский путешественник Чжан Цян составил первое описание страны. С той поры в течение почти тысячи лет информация о Западном крае (Си юй) фиксировалась главным образом в китайских исторических и географических сочинениях. В изложении и переводах европейских и русских синологов эта информация оставалась практически главным источником тех знаний о Внутренней Азии, которые использовали европейцы в XVII — первой половине XIX в. при формировании географической и этнографической «картины мира».

А между тем Восточный Туркестан задолго до эпохи великих географических открытий был отнюдь не историческим захолустьем. Страна находилась на перекрестке мировых торговых путей, здесь бывали, а нередко и оставались, основывая поселения-колонии, купцы, ремесленники, даже крестьяне-иммигранты из многих стран. Среди европейцев, впервые описавших некоторые города Восточного Туркестана, выделяется фигура Марко Поло.

Знал Восточный Туркестан и свою ученую и литературную традицию. Во второй половине I тыс. н. э. сведения о стране запечатлены древнетюркскими и древнеуйгурскими письменными памятниками, созданными в самом Восточном Туркестане или по соседству с ним. Эти памятники стали достоянием науки только в конце XIX—XX вв. А вместе с ними на столы ученых востоковедов легли ветхие бумажные и кожаные листки, дере-

вянные дощечки и костяные пластинки, которые, веками погребенные в песках, сохранили нам образы иного мира — религиозные и литературные памятники, отчеты администраторов и частную переписку, хозяйственные записи и юридические документы. Их писали разные люди, преследуя разные цели — миссионерские, политические, торговые, ритуальные, эпистолярные. Их писали на санскрите и китайском, тохарском и согдийском, парфянском и среднеперсидском, тибетском и сирийском. Неожиданно оказалось, что под барханами пустыни Такла-Макан и в сухих предгорьях Тянь-Шаня обнаружены памятники, казалось бы, навсегда утраченные в тех странах, где они были первоначально написаны — тексты из Индии, Китая, Ирака. Вместе с тем древняя литература Сериндии (так назвал эту страну великий английский путешественник А. Стейн) — яркое свидетельство блестящей и многообразной собственной цивилизации. В ней совместились, сплелись, создав иное единство духовного прошлого и художественного настоящего, культуры едва ли не всех стран Внутренней, Южной и Передней Азии, Дальнего Востока и северных степей. Последнее столетие труднейшего научного поиска выдвинуло больше новых задач, чем разрешило старых проблем. Сериндийское наследие ждет новых поколений исследователей.

А на грани тысячелетий в X—XI в. появились собственная литература и собственная историография Восточного Туркестана, созданные в русле мусульманской традиции. Эта литература родилась в государственных и культурных центрах Караханидского каганата. Она открывается великими именами Махмуда Кашгарского и Юсуфа Баласагунского. Как всякая иная литература, она порождала деятелей глубокого ума и блестящего пера, но также плодила посредственных эпигонов и заурядных традиционалистов. И все же в своем единстве вся эта литература — нераздельное и незаменимое свидетельство все еще малоизвестного прошлого Восточного Туркестана. Без изучения прошлого невозможно правильно оценить то состояние, которое предстало взору первых русских и европейских путешественников в Восточном Туркестане.

Этот регион никогда не был однородным в экономическом и культурном отношении. На его территории сосуществовали земледельческое, оазисное и экстенсивное

кочевое скотоводческое (в горных и горно-степных районах) хозяйства. Причем оба типа хозяйственного уклада были постоянно взаимосвязаны, что нашло отражение и в культуре народа. Наиболее ярко сращение двух хозяйственно-культурных типов проявилось на севере страны, где богатые оазисные города-государства Таримского бассейна на протяжении всей их истории поддерживали самые тесные связи с кочевниками Семиречья, Восточного Тянь-Шаня, Джунгарии и Западной Монголии.

Начало I тыс. до н. э. — период ранних кочевников, когда племена, населявшие Центральную Азию, включая горно-степные районы Восточного Туркестана и Ганьсу (Хэси), создали кочевническую культуру скифского типа. Они освоили металлургию бронзы и железа, металлообработку, колесные повозки и всадничество. Жилищем им служила полусферическая с коническим верхом войлочная кибитка, которую при перекочевке укрепляли на большой повозке, влекаемой быками. Свойственный скифам тип вооружения и конского убора, характерность «скифской» одежды, «звериный стиль» в искусстве — все это засвидетельствовано раскопками по соседству с Восточным Туркестаном — в Семиречье, на Алтае, в Туве и Монголии — так же хорошо, как и в Причерноморье.

Распространение подобного типа культуры в Восточном Туркестане подтверждается раскопками китайских археологов. Они открыли многочисленные могильники и поселения, оставленные сакскими (восточноскифскими) племенами. Так, в могильниках — Сенбабай близ Ташкуртана и на южном берегу р. Гункайсы (бассейн р. Или) — найдены десятки погребений сакского типа с типичным бронзовым инвентарем (трехгранные стрелы, котлы на трех ножках, кольца с изображениями зверей), с грубой керамикой, и все эти находки датируются V—IV вв. до н. э. В двух сакских могильниках близ оз. Лобнор оказались мумифицированные тела погребенных, а в числе инвентаря — типичные для саков остроконечные колпаки из войлока. В районе Баликун в остатках оседлого поселения наряду с типично сакскими бронзовыми предметами (котел, блюдо) обнаружены зернотерки, свидетельствующие о каких-то формах земледелия.

Облик скифской культуры Центральной Азии, восстановленный по археологическим материалам, плохо

дополняется письменными источниками¹. Возможно, однако, что сами кочевники уже в VI—V в. до н. э. знали письмо, ведь существует загадочная надпись на серебряном сосуде из скифского погребения в Иссике (Казахстан V—IV вв. до н. э.). Но поиск памятников этой предполагаемой скифской письменности, как и ее дешифровка,— дело будущего. Пока же единственные крайне скудные свидетельства о тогдашнем населении Центральной Азии сохранились лишь в китайских письменах.

В иньских надписях, относящихся в XIV—XI вв. до н. э., на панцирях черепах и лопаточных костях животных северные соседи протокитайских племен обычно именуются *цянами* или, позднее, уже в исторических трактатах, *жунами*. В текстах встречаются такие словосочетания, как «лошадиные цяны» и «во множестве разводящие лошадей цяны». Другие северные соседи китайских государств VIII—VII вв. до н. э.— *ди* — также относились к скифоидным племенам, о чем говорят археологические находки «ордосских бронз» — великолепных памятников скифского искусства Центральной Азии.

Ранние рассказы о «северных варварах» собрал в своих «Исторических записках» Сыма Цянь (135—767 г. до н. э.). Все его сведения по этому сюжету отрывочны, бессистемны, предельно кратки и ничем не напоминают обширные повествования Геродота о причерноморских скифах. Кочевников, которые населяли Центральную Азию в VII—VI вв. и которые названы Сыма Цянем *жун* и *ди*, позже именовали *ху*. В ту же эпоху в степях Внутренней Монголии, Южной Маньчжурии и в отрогах Большого Хингана жили *шань жуны* («горные жуны») и *дунху* («восточные варвары»). Северные племена были постоянными участниками политической жизни

¹ Отрывки из китайских источников даются далее в переводах: Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 1—3; Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. М., 1968; 1973; Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. Новосибирск, 1974; Он же. Историческая география Центральной Азии. Новосибирск, 1981. Используются также переводы: Hulsewé A. F. P. China in Central Asia. The early stage: 125 B. C.—A. D. 23. Leiden, 1979; Mau-tsai Liu. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken. I—II. Wiesbaden, 1958; Mackerras C. The Uighur Empire according to the T'ang Dynastic Histories. Canberra. 1972.

древнекитайских государств (в частности, Ханьской империи): то сражались с ними, то вступали в коалиции воюющих друг с другом царств, получая за это вознаграждение.

Сыма Цянь ярко описал «варварский» образ жизни и общественное устройство северных племен. Жуны и дунху обходились без политического объединения, «все они были рассеяны по горным долинам, имели собственных вождей и, хотя нередко собиралось свыше ста (племен) жунов, они не сумели объединиться в одно целое»². Судя по источникам у жунов и дунху существовали посевы проса, но главным их занятием являлось кочевое скотоводство: «Переходят со скотом с места на место, смотря по достатку в траве и воде. Постоянного пребывания не знают. Живут в круглых юртах, из коих выход обращен к востоку. Питаются мясом, пьют кумыс, одежду делают из разноцветных шерстяных тканей... Кто храбр, силен и способен разбирать спорные дела, тех поставляют старейшинами. Наследственного преемника у них нет. Каждое стойбище имеет низшего начальника. От ста до тысячи юрт составляют общину... От старейшин до последнего подчиненного каждый сам пасет свой скот и печется о своем имуществе, а не употребляют друг друга в услужение... В каждом деле следуют мнению женщин, одни военные дела сами решают. Войну ставят важным делом»³.

Трудно нарисовать более выразительную картину родоплеменного общества, не знавшего классового расслоения. По словам китайского историографа, у жунов «высшие сохраняют простоту в отношении низших, а низшие служат высшим (т. е. выборным старейшинам и вождям.— С. К.), руководствуясь искренностью и преданностью»⁴. Война и набег с целью захвата добычи — важная сторона их жизни. Но даже во времена наибольшей слабости мелких китайских царств жуны никогда не угрожали им завоеванием. Набеги кочевников сдерживались или ограничивались военными мерами, дарами, подкупом вождей, торговлей. В ходе столкновений китайцы не раз убеждались в достоинствах варварской

² Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. 1968. С. 21.

³ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 1. С. 142—143.

⁴ Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. 1968. С. 11.

конницы, а иногда перенимали одежду и оружие своих противников.

Радикальное изменение общей ситуации в Центральной Азии произошло, согласно Сыма Цяню, в период «воюющих царств», т. е. в 403—221 гг. до н. э. Вместо прежних жунов на севере и западе появились сильные объединения кочевых племен *сюнну* (*гунны*) и *юэчжей*, а про дунху сообщается, что они «достигли расцвета» и у них появился единый правитель. В IV в. до н. э. китайцы впервые называли гуннов среди своих противников; и действительно, позднее те начали ожесточенную борьбу за Ордос с царством Чжао. Война шла с переменным успехом. За это время в составе гуннского объединения оказались те гуннские племена, которые прежде были независимыми. На западе соседями гуннов были юэчжи — по-видимому, восточно-скифские (сакские) племена, занимавшие вместе с родственными им *усунями* огромную территорию от Тянь-Шаня до Центральной Монголии. Геральдические знаки (тамги) вождей юэчжийских племен, недавно обнаруженные на черных скалах ущелья Цагангол в Гобийском Алтае, фиксируют южную границу юэчжийских земель⁵.

В последние десятилетия III в. до н. э. союз гуннских племен во главе с военным вождем — *шаньюем* испытал небывалую ломку традиционных отношений, завершившуюся возникновением примитивного варварского государства. Оно выросло из военной аристократии племен жун VIII—IV вв. до н. э., сформировавшейся в борьбе не на жизнь, а на смерть с соседними племенными союзами и китайскими царствами, и сложилось по желанию создателей и приемников во имя господства «над всеми народами, натягивающими лук» (т. е. над кочевниками), и превосходства над «людьми, живущими в земляных домах»⁶ (над оседлыми земледельцами). Такое государство могло существовать и существовало, оставаясь только централизованной империей, организованной на военно-административных принципах. Основатель хуннской (гуннской) державы Маодунь в ходе войн сумел принудить Ханьскую империю не только к признанию его полного суверенитета, но и к уплате ежегодной дани. В 203—202 гг. Маодунь подчинил племена Саян, Алтая и Верхнего Енисея; в 176—165 гг. он и его наследник,

⁵ Там же. С. 37.

⁶ Там же. С. 43, 46.

Лаошань, одержав над племенами юэчжи победу и вытеснив их в Среднюю Азию, установили контроль над богатыми городами-оазисами бассейна Тарима⁷.

Этнолингвистическая ситуация в евразийских степях (Средней и Центральной Азии) в I тыс. до н. э.— первой половине I тыс. н. э., т. е. до создания государства гуннов, складывалась в общих чертах так.

Оседлое население и кочевые племена в полосе степей и гор севернее Восточного Туркестана были преимущественно носителями индоевропейских языков. Вместе с тем уже тогда в результате интенсивных и постоянных миграций в евразийских степях на территорию Средней и Центральной Азии постоянно проникали более или менее компактные группы не только индоевропейских, но также протоугорских племен из Западной Сибири и Приуралья и так называемых «алтайских» племен из Восточной части Центральной Азии⁸.

Во II—I тыс. до н. э. в среде «алтайских» племен постепенно сформировались пратюрко-монгольская и пратунгусо-маньчжурская языковые общности. Внутри первой из них в середине I тыс. до н. э. началось сложение прототюркских и протомонгольских языков, причем носители протомонгольских языков консолидировались в Северной Маньчжурии и Северо-Восточной Монголии, а прототюркских расселялись главным образом в Центральной и Внутренней Монголии, от Байкала до Ордоса.

Процессы языковой дифференциации протекали весьма сложно и неодинаково в разных областях. На многих территориях прототюркские и протомонгольские племена жили смешанно; в Западной и Центральной Монголии, где до начала II в. до н. э. преобладали ираноязычные юэчжи, прототюркские племена находились в непосредственном соседстве с ними.

Язык собственно гуннов, которые образовали «империю» в Центральной Азии, оттеснив юэчжей и другие сакские племена в Среднюю Азию, не известен, однако ясно, что внутри гуннской конфедерации преобладали

⁷ См.: *Кляшторный С. Г.* Хуннская держава на Востоке // *История древнего мира*. Под ред. И. М. Дьяконова. М., 1983. Изд. 2. Т. 3. С. 170—184.

⁸ «Алтайскими» эти племена названы условно; первоначально они формировались значительно восточнее Алтая, на огромной территории южной полосы Сибири, между Енисеем и Тихим океаном, в Монголии и Маньчжурии и в нынешних провинциях Северного Китая.

племена, говорившие на древнейших тюркских языках⁹.

Именно из Восточного Туркестана началось очень рано проникновение прототюркских и протомонгольских племен на запад: уже у приаральских ираноязычных саков в I тыс. до н. э. антропологи фиксируют монголоидную примесь, а именно «алтайские» племена были носителями монголоидного физического типа. Степи на севере Средней Азии в то время были очагом постоянных языковых и культурных контактов иранских, угорских (приуральских) и «алтайских» племен. Однако, вероятно, лишь после начавшегося на рубеже новой эры движения на запад гуннских племен начали складываться крупные тюркоязычные общности в степной зоне Центральной Азии.

В IV—V вв. н. э. в Поволжье, Западном Казахстане консолидировались так называемые *огурские* племена, из них самые крупные — *булгары*. Они говорили на одном из очень архаичных тюркских языков. По отдельным словам и грамматическим формам, сохранившимся в письменных памятниках, отразивших язык волжских и дунайских булгар (до славянизации последних), установлено, что язык приаральских и волжских булгар был предшественником современного чувашского языка и что его элементы сохранились также в языках татар Поволжья, гагаузов, кумыков и некоторых других тюркоязычных народностей. А во II—V вв. н. э. в Восточном Казахстане и Джунгарии существовало довольно крупное гуннское государство, которое иноземные наблюдатели называли Юебань, а язык его населения сближали с языком племен *гаогюй* (предки уйгуров), т. е. относили к тюркским языкам.

Языковая ситуация в степной зоне, примыкающей к Восточному Туркестану, начала существенно меняться в середине VI в., т. е. после возникновения Тюркского каганата, когда началось массовое переселение сюда древнетюркских племен. В VI—VII вв. на севере Средней Азии и в Поволжье сложилось несколько древнетюркских языковых групп: булгаро-хазарская, западно-тюркская (огузская), карлукская.

Конечно, все названные этнические группы были весьма смешанными по определяющим их языковым

⁹ Следует учесть, что в лингвистическом отношении кочевые племена, входившие в состав гуннской «империи», никогда не были однородны.

признакам из-за постоянного изменения состава входивших в них племен, а также постоянного скрещения и взаимовлияния самых различных племенных диалектов. Так, именно в среде западнотюркских и карлукских племен существовали племена, говорившие на так называемых «джекающих» диалектах, о чем свидетельствуют иноязычные источники¹⁰.

Середина и вторая половина I тыс. н. э. стала периодом постепенной тюркизации населения горно-степных районов к западу от Алтая. Процессы распространения древнетюркских языков и диалектов по всей территории, включающей Восточный Туркестан и Среднюю Азию, происходили как в результате миграции с востока сюда тюркских племен, так и в результате ассимиляции части местного населения, говорившего на индоевропейских языках в тюркоязычной среде.

Письмо, отправленное Маодунем, шаньюем гуннского государства, в 176 г. до н. э. императору Вэньди, подробно информировало двор о разгроме юэчжей и покорении других племен на западе: «Благодаря милости неба командиры и воины были в хорошем состоянии, лошади сильны, что позволило мне уничтожить юэчжей, которые были истреблены или сдались. Я усмирил также Лоулань, усуней, худзе и двадцать шесть других соседних с ними владений, которые все стали принадлежать сюнну»¹¹. Маодунь явно преувеличивал свои успехи — ни юэчжи, ни усунь не были тогда разгромлены и покорены, хотя и понесли тяжкие поражения. Но это было первое упоминание о вторжении гуннов в Восточный Туркестан и о начале утверждения там их власти.

Царство Лоулань¹², расположенное близ оз. Лобнор, оставалось во власти гуннов около столетия, и лишь в 77 г. до н. э., после окончательного утверждения там администрации Ханьской империи, было переименовано

¹⁰ В армянских источниках содержится рассказ о походе в Завказье в 627 г. западнотюркского «Джебухакана» (явная тюркская диалектальная «джекающая» форма титула государей Западнотюркского каганата — ябгу-каганов). По арабским и персидским источникам известно также, что государи семиреченских (алтайских) и тохаристанских (бадахшанских) карлуков именовались в VII—VIII вв. то «ябгу», то «джебгу»; в этом чередовании отразился различный племенной состав карлукского и, вероятно, огузского союзов племен, различия племенных диалектов.

¹¹ *Таскин В. С.* Материалы по истории сюнну. 1968. С. 43.

¹² Хатано-сакское Раурата, в документах кхарошти—Крорайна.

в Шаньшань. *Хуцзе*, одно из племен, соседствовавших с усунями на их первоначальных территориях в Ганьсу, локализовалось северо-западнее Гуанчжоу, т. е. в северо-восточной части Восточного Туркестана. Локализация остальных двадцати шести владений, обычно относимых к бассейну Тарима, все же не ясна.

Безраздельное политическое влияние гуннов в Восточном Туркестане и западной части Ганьсу длилось на протяжении почти столетия. Формы проявления и экономические последствия этого влияния до настоящего времени не исследованы. Однако известно, что политический авторитет гуннских шаньюев в Западном крае¹³ был очень велик. По китайским источникам, «всякий раз, как посланник сюнну с верительными знаками от шаньюя прибывал в одно из государств (Западного края), его сопровождали в пути из государства в государство, снабжали продуктами и никто не осмеливался задержать его или чинить ему помехи»¹⁴. Трепет, который внушала власть шаньюев их западным соседям, заставлял владетелей мелких государств Таримского бассейна признавать сюзеренные права гуннских владык и блюсти их интересы даже после фактического подчинения самих ханьскому двору. Так было, например, с лоуланьским князем в 90-х гг. до н. э., о чем в китайских источниках есть такие строки: «Как скоро владение Лоулань поддалось Китаю, то обязалось представлять дань. Хунны, узнав о сем, произвели нападение: почему лоуланьский владетель послал одного сына в заложники хуннам, другого Китаю»¹⁵. Владетель на упреки государя (императора Уди) дал следующий ответ: «Небольшое государство, лежащее между двумя сильными державами, если не будет под зависимостью обеих, то не может наслаждаться спокойствием... Государь нашел сей ответ справедливым»¹⁶.

Ситуация двоевластия, сложившаяся в Западном крае в течение первой половины I в. до н. э., сохранялась до распада гуннской державы — до 53 г. до н. э., когда Хунань, шаньюй «южных» гуннов, подчинился власти ханьского императора.

¹³ Здесь Восточный Туркестан назван «Западным краем» по отношению ко всей Ханьской империи.

¹⁴ *Hulsewé A. F. P. China in Central Asia. P. 137.*

¹⁵ *Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 2. С. 174.*

¹⁶ Там же.

Успех или неуспех соперников отражал общее соотношение сил между ними. Особенно драматичными были эпизоды борьбы за овладение богатейшим Турфанским оазисом (Чешы); так, между 99—74 гг. до н. э. власть несколько раз попеременно захватывали то ханьцы, то гунны, основавшие там свой военный аванпост.

Экономическое значение оазисов и пастбищ Восточного Туркестана для гуннов было, очевидно, весьма значительным. Сразу после утверждения там власти Маодуня и его наследников Жичжу князь западной границы сюнну учредил должность воеводы (тунбу дувэй) покоренных земель для управления Западным краем. Китайский историк указывал, что «воевода постоянно пребывал в Яньци (Карашаре)... и взыскивал богатства и подати с тех государств»¹⁷. Система даннической эксплуатации гуннами таримских оазисов поддерживалась до 59 г. до н. э., когда князь Жичжу восстал против шаньюя и подчинился ханьскому наместнику. С этого времени и впредь должность воеводы покоренных земель была упразднена. Сюнну очень ослабели и оставили Западный край¹⁸.

Таким образом, к середине I в. до н. э. гунны были отрезаны от земледельческих и ремесленных центров на западе. Их политическая слабость в это время усугублялась экономической зависимостью от поставок из Китая, ставшего для гуннов монопольным обладателем столь важной для кочевников земледельческой продукции. Самые неблагоприятные последствия, во всяком случае для западной части гуннов, имела утрата пастбищ в Западном крае. Когда в 121 г. до н. э. ханьский полководец Хо Цюйбин вытеснил гуннов из горного района Цилян, где когда-то были коренные земли юэчжей, гунны сложили песню об этой утрате, содержание которой передал ханьский комментатор: «Потеря наших гор Цилян привела к тому, что шесть видов нашего скота перестали размножаться»¹⁹.

Большая часть Хэси (Ганьсу) до конца I в. н. э. была населена племенами гуннов и юэчжи. Так, ханьский город Гуцзан²⁰, согласно Цзиньшу, был построен гунна-

¹⁷ *Hulsewé A. F. P. China in Central Asia. C. 73.*

¹⁸ См.: Там же. С. 78.

¹⁹ *Таскин В. С. Материалы по истории сюнну. 1968. С. 147—148.*

²⁰ *Качан* — в согдийском письме 313 г., *Кечин* или *Кечен* — в древнетюркских памятниках, *Кучан* — в персидской географии X в.

ми, а само название — гуннского происхождения. Территория уезда Чжанье (Хэси), согласно Ханьшу, была территорией гуннского князя Кунье (гуннского племени *кунье-хунье*); там же жило еще одно гуннское племя — *сючу*. В конце II в. до н. э. оба племени были подчинены ханьской военной администрации в Цзюцюани²¹.

«Северные» гунны восстановили свое политическое влияние в Восточном Туркестане в начале I в. н. э. Какая-то часть гуннов переселилась на Восточный Тянь-Шань; их кочевья поблизости от Чэши (Турфанский оазис) и Ивулу (Хами) разгромил в 90 г. н. э. ханьский полководец Доу Сянь. Ожесточенная борьба между гуннами и Китаем за обладание Западным краем возобновилась в 73—94 гг. Успех ханьских войск, нанесших гуннам в 91 г. тяжелое поражение, предопределил временное овладение ими всем Восточным Туркестаном. Однако уже в начале II в. общее ослабление Ханьской империи привело к долговременной утрате Китаем Западного края.

Племя *тюрк (ашина)*, вышедшее из среды позднегуннских племен, переселившихся в Восточный Туркестан, оказало особенно сильное влияние на его судьбы. Утвердившись в конце I тыс. н. э. в Таримском бассейне и Джунгарии, один из тюркоязычных племенных союзов — *уйгуры* — стал основным населением региона, полностью восприняв и обогатив хозяйственную и культурную традиции, сложившиеся в иной этнической среде.

Исторические сведения, относящиеся к «доалтайскому» периоду существования племен тюрк, наиболее полно сохранены в Суйшу: «Предками туцзюэ были смешанные ху Пинляна. Их родовое прозвание было ашины. Когда северовэйский император Тай Уди уничтожил Цзюйцую (439 г.), Ашина (вождь племени) с пятьюстами семей бежал к жу-жу (жуань-жуаням). Они (племя ашина) жили из рода в род у гор Цзинь-Шань (Алтай) и занимались обработкой железа»²². Сообщение Суйшу

²¹ Гуннскими по происхождению являются и многие другие топонимы в Хэси: Лудэ (из гуннского титула) Яньчжи (горы — от гуннского названия растения сафлор), Дайлинь (от гуннского названия места для проведения осеннего праздника). Позднейшее китайское название Бешбалыка (города в Джунгарии — Бэйтин) восходит к гуннскому термину, означающему «северная ставка шаньюя». (См.: *Малявкин А. Г. Историческая география... С. 36*).

²² *Mau-tsai Liu. Die chinesischen... V. 1. S. 40.*

тесно связывает раннюю историю племени тюрк (ашина) с историей позднегуннских государств, существовавших на территории Китая в 308—460 гг.

После распада Ханьской империи (206 г. до н. э. — 220 г. н. э.) во внутренние районы Китая началось массовое переселение варварских племен: *гуннов*²³, *сяньби*²⁴, *ди* и *цянов*²⁵, *цзе*²⁶. Только между 276 и 289 гг. в провинции Хэбэй, Шаньси и Шэньси переселилось более 400 тыс. гуннов и сяньби, в Гуанчжун — более 500 тыс. ди и цянов, что составило половину населения этого района. Переселившиеся племена сохранили свою военную и племенную организацию, свой образ жизни, язык и обычаи, хотя сильнейшее китайское влияние на их общественный строй и культуру несомненно; они активно участвовали в политической борьбе, происходившей в Китае, а в начале IV в. выступили как самостоятельная сила.

В 308 г. Лю Юань, шаньюй гуннских племен Шанси, носивший до 304 г. титул князя Хань, провозгласил себя императором. В 311 г. его сын Лю Цун («китайский Аттила») осадил столицу Цзиньской империи — Лоян. Драматические события, последовавшие за взятием города, нашли отражение в одном из интереснейших документов, написанных очевидцем, — в письме согдийского купца Нанай-вандака. Из него известно, что вскоре Цзиньская империя (280—316 гг.) перестала существовать, и лишь на юге страны, в бассейне Янцзы, полководец Сыма Жуи удержал власть и основал династию Восточная Цзинь (317—420 гг.). Созданная Лю Юанем династия Раннее Чжао (316—329 гг.) была уничтожена юэджийским племенем *цзе* (династия Позднее Чжао: 319—350 гг.). На территории Северного Китая возникло несколько эфемерных варварских государств, довольно долго находившихся в состоянии постоянной войны друг с другом. Время с 304 г. по 439 г. в традиционной китайской историографии получило название периода «шестнадцати варварских государств пяти северных племен»²⁷.

²³ Преимущественно тюркоязычные племена.

²⁴ Конгломерат тюркоязычных и монголоязычных племен (с преобладанием последних).

²⁵ Тангуты-тибетские племена.

²⁶ Одно из ираноязычных юэджийских племен.

²⁷ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 25—28.

В конце IV в. усилилось одно из протомонгольских сяньбийских племен на северо-востоке Китая — *табгачи*. В 386 г. их вождь Тоба Гуй основал династию Северное Вэй (386—532 гг.), объединившую под своей властью весь Северный Китай (439 г.). К концу V в. династия и племя табгачи почти полностью ассимилировалось в китайской этнической среде²⁸. В 431—439 гг. вэйский император Тай Уди (424—452 гг.) овладел двумя последними гуннскими государствами на территории Китая — царством Ся (407—431 гг.) в Шэньси и Пиньляне и царством Лян (401—439 гг.) в Хэси. С этими двумя царствами связано первое упоминание племени ашина в китайской историографической литературе.

Проникновение гуннов в Пиньлян и Хэси началось в первой половине II в. до н. э. Оттеснив на запад, в Семиречье и Среднюю Азию, автохтонное население (племена юэцжи и усунь), гунны, однако, не удержались на захваченной территории. Миграция юэцжийских и усуньских племен не была полной — еще в V в. н. э. некоторые из них упоминаются в пределах древней племенной территории. В 25—55 гг. н. э. в Хэси под защиту Великой стены убежали многие роды разгромленных гуннами динлинов, ухуаней и сяньби. Массовое переселение гуннских племен в этот район началось в 265 г., когда «на границе за Великой стеной [роды] Дашуй, Сайни, Хэнаньские и другие, 20 000 с лишком семейств приняли [китайское] подданство. Император, приняв их, отправил на местожительство в Хэси под древний город Иян, и затем снова [они] смешались с цзиньскими людьми. Затем в Пинян, Сихэ, Тайюань, Синьсин, Шандин, Лопин — во всех округах не было [округа], где не было бы гуннов»²⁹.

После распада Цзиньской империи в Хэси и Гаочане утвердилась китайская династия Ранняя Лян. В 376 г. Северный Китай на несколько лет был объединен династией Ранняя Цинь, но уже в 385 г. полководец этой династии Люй Гуан создал в Хэси независимое царство Позднее Лян (385—403 гг.), протекторат которого распространялся на Гаочан и некоторые другие оазисы Таримского бассейна. К началу V в. гунны Ордоса, возглавленные племенем *хэлянь*, захватили северную

²⁸ В древнетюркских рунических надписях именем *табгачи* называлось коренное население Китая.

²⁹ Бернштам А. Н. Очерки истории гуннов. Л., 1951. С. 220.

часть Шэньси и Пиньлян. Их вождь, Хэляньбобо, создал здесь царство Ся (407—431 гг.), последний государь которого погиб в борьбе с сяньбийским племенем Тугухунь, а земли были захвачены вэйским императором Тай Уди. Племя хэлянь и примыкавшие к нему гуннские племена частью подчинились племени табгачи, частью бежали на запад, в Хэси, где в 397—401 гг. гуннским князем Цзюйцюй Менсюнем была основана династия Северное Лян (территория Хэси и Гаочан). В 439 г. император Тай Уди захватил Хэси, но двое из сыновей Менсюна — Ухой и Аньчжоу — с 10 000 семьями бежали в Шаньшань (район оз. Лобнор), а затем в Гаочан, где, опираясь на союз с жуань-жуанями, продержались до 460 г. Когда этот союз был нарушен, по сообщению Цзычжи тунцзянь, «жуань-жуани напали на Гаочан, убили Цзюйцюй Аньчжоу и уничтожили род Цзюйцюев»³⁰.

Исторические сообщения о ранних тюрках коррелируются с древнетюркской генеалогической легендой, сохранившейся в нескольких вариантах. Один из них нашел неожиданное иконографическое подтверждение: открытый в Монголии единственный эпиграфический памятник начального периода существования Тюркского каганата — Бугутская стела с согдийской надписью — имеет на вершине барельефное изображение волчицы, под брюхом которой расположена человеческая фигурка с обрубленными руками и ногами.

Согласно легенде, предки тюрков, жившие на краю большого болота, были истреблены воинами соседнего племени. Уцелел лишь изуродованный врагами (ему отрубили руки и ноги) десятилетний мальчик, которого выкормила волчица, ставшая впоследствии его женой. Скрываясь от врагов, в конце концов убивших мальчика, волчица убежала в горы севернее Турфана. Там, в пещере, она родила десятерых сыновей, отцом которых был спасенный ею мальчик. Сыновья волчицы взяли в жены женщин из Турфана. Один из них по имени Ашина стал вождем нового племени и дал ему свое имя. Позднее вожди ашина вывели своих сородичей на Алтай, где, возглавив местные племена, приняли имя тюрк. Таким образом, по легенде происхождение тюрков связано с Восточным Туркестаном.

³⁰ Franke O. Geschichte des Chinesisches Reiches. Berlin, 1937. Bd. 3: S. 298—299.

Сведения о существовании связей племени ашина с гуннским племенем Пиньяна и Хэси в сопоставлении с тюркской генеалогической легендой делают весьма вероятным предположение, что это племя имигрировало в Ганьсу после 265 г., период массового переселения за Великую стену гуннских и зависимых от гуннов племен Центральной Азии и Южной Сибири. За время обитания в Пиньяне и Хэси племя ашина восприняло в свой состав новый этнический компонент автохтонного неки-тайского и негуннского населения страны («смешанные ху»). После разгрома государства Цзюйцюев в Хэси, племя ашина (вместе с Ухоем и Аньчжоу) бежало в Гаочан, где вскоре после 460 г. попало под власть жуань-жуаней и было переселено к южным отрогам Алтая. Только после этого, согласно легенде, племя приняло наименование тюрк, а старое название стало династийным именем правящего рода.

После 460 г. в предгорьях Южного Алтая постепенно сложилась та группа племен, которую возглавили вожди Асянь-шад, «великий ябгу» Туу и Бумын (460—553 гг.) и которая в 551—555 гг. нанесла сокрушительный удар Жужанскому (Жуань-жуаньскому) каганату. Этому событию предшествовало начало непосредственной торговли тюрков с Китаем и установление дипломатических отношений с государством Западное Вэй. В 545 г. посол западновэйского императора Тайцзу — согдиец из Цзюцюаня (Ганьсу) Аньнопанто — прибыл в ставку князя тюрков, а на следующий год ответное посольство Бумына «представило местные произведения» императорскому двору. Одновременно Бумын вмешался на стороне жуан в их войну с племенным союзом теле (к нему принадлежали уйгуры) и, усилившись за счет разгромленных племен этого союза, «прервал связь с жу-жу (жуань-жуанями)». Формальным предлогом для этого акта послужил оскорбительный отказ жужанского кагана Анахуаня «установить брачное родство» с домом Ашина. В результате начавшейся войны (551—555 гг.) жужане были разгромлены и в большей части физически истреблены. На их землях в Северной Монголии возникла новая центральноазиатская империя — Тюркский каганат (551—744 гг.)³¹.

³¹ См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источники по истории Средней Азии. М., 1964. С. 101—114.

Основателем тюркского государства считается Бумын, который в 551 г. принял титул кагана (умер в 552 г.). Его наследники Кара-каган (552—553 гг.) и Муган-каган (553—572 гг.) довершили разгром жужан. Именно тогда, во второй половине VI в., термин *тюрк* как название союза племен и государства получил самое широкое распространение и был впервые письменно зафиксирован согдийскими и китайскими текстами, а вскоре — и византийцами, арабами, сирийцами, попал в санскрит, в различные иранские языки, а также в тибетский. До создания каганата термин *тюрк* означал лишь союз десяти (десять сыновей волчицы), позднее двенадцати племен, сложившийся вскоре после 460 г. на Алтае. Это значение сохранялось и позднее, что отражено в древнейших тюркских текстах. Наряду с этим термин *тюрк* стал употребляться в чисто политическом значении — как принадлежность различных кочевых племен к державе, созданной тюрками³². Это, последнее, значение получило развитие у арабских историков и географов IX—XI вв.: словом *тюрк* стали называть группы народов и языков, а не какой-либо один народ или государство. Именно в арабской научной литературе появилось общее понятие о генетическом родстве языков, на которых говорили тюркские племена, и генеалогическом родстве самих этих племен³³. Среди самих тюркоязычных племен, несмотря на древнее языковое родство, никакого «тюркского» этнического самосознания не было, как не было и общности их исторических судеб или единства созданных ими в древности и средневековые государственных образований³⁴.

Муган-каган окончательно утвердил господство тюркского эля в Центральной Азии и Южной Сибири, покрыв монгольские племена *киданей* в юго-западной

³² В этом смысле его употребляли византийцы и иранцы (например, в «Шах-наме» Фирдоуси), но не сами тюрки.

³³ Вне сферы мусульманской образованности столь широкая трактовка термина нигде не проявлялась. Так, в русских летописях под 985 г. упоминается племя торков (т. е. тюрков), но как лишь одно из многих кочевых объединений Дикого поля, называемое вместе с берендеями, печенегами, черными клобуками, половцами.

³⁴ Само использование термина *тюрк*, утратившего в середине VIII в. реальный этнополитический смысл, имеет значение лишь для лингвистических и историко-этнографических классификаций. Как конкретный этнополитический термин он возродился в огузской племенной среде Передней Азии и позднее стал названием турецкого народа.

Маньчжурии и тюркоязычных *кыргызов* на Енисее (в Туве и Хакасско-Минусинской котловине). Каганат в эту эпоху фактически превратил оба северокитайских государства — Северное Ци и Северное Джоу — в своих данников. Особенно усилилась эта зависимость при наследнике Муган-кагана Таспар-кагане (572—581 гг.). По словам китайского историографа, «он имел намерение разгромить срединное государство, но двор (Северное Чжоу) поспешил заключить с ним союз мира и родства и ежегодно давал ему 1 000 000 кусков шелковых тканей... Дом Ци страшился их набегов и грабительств и также истощал свои казнохранилища для платы им. Тобо (Таспар.— С. К.) в счастии очень превозносился и приближенным своим говорил: только бы на юге два мальчика (Северное Чжоу и Северное Ци) были покорны нам — тогда не нужно бояться бедности»³⁵.

Освоение новых владений сделало тюрков соседями могущественного государства *эфталитов*, восточные владения которого (Хотан и вассальные княжества в Семиречье) были ими захвачены. Враждебность, сразу же проявившаяся в тюрко-эфталитских отношениях, сдерживалась, однако, не менее 5—7 лет. Эфталиты, связанные войной в Индии и опасностью, угрожавшей из Ирана, не решались на поход в степь. Тюркские вожди считали своей главной целью докончить разгром аваров, которые ушли за Волгу. К 558 г. они завершили покорение Поволжья и Приуралья, в 60-х гг. VI в. разгромили Эфталитское государство.

Правителем западных территорий каганата стал брат Бумын-кагана Истеми³⁶, он носил титул ябгу-кагана, в дальнейшем традиционный для западной ветви тюркской династии Ашина. Именно при Истеми, который умер в 575 г., тюрки достигли на западе пределов своего военного могущества. Те из них, которые двигались на запад, овладели большей частью Восточного Туркестана, Семиречьем и всей степной зоной Средней Азии, вплоть до Сырдарьи и Приаралья. Возможно тогда же сюзеренитет тюркского ябгу-кагана распространился и на Хорезм.

Движение тюрков на запад было не просто завоева-

³⁵ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 1. С. 223.

³⁶ Сильзибул или Дизавул по византийским и Синджибу — по арабским историческим сочинениям.

нием, а крупной миграцией центральноазиатских тюркоязычных племен и заселением ими обширных горностепных районов на севере Восточного Туркестана и востоке Средней Азии. Местные кочевые племена, по языку родственные тюркам, были либо включены в военно-административную систему, созданную тюрками, либо бежали вместе с аварами в степи Юго-Восточной Европы, приняв их этническое имя и значительно усилив военный потенциал авар.

Нет никаких сведений об изменении тюрками в завоеванных ими землях с городским и оседлоземледельческим населением существовавшей там социальной, экономической или политической систем. Напротив, отрывочные сведения источников позволяют предположить, что даже на ранних этапах завоевания тюркский каган ограничился утверждением здесь своего сюзеритета и получением дани. Кочевое же население было организовано в «десятистрельный племенной союз» — он ок бодун³⁷. В то время такая организация вполне соответствовала военно-административной системе, существовавшей и у восточных тюрков. Сам Истеми-ябгу-каган назван в одном из китайских источников «каганом десяти племен»³⁸.

Непрерывные завоевательные войны на время приглушили острые противоречия, возникшие в ходе социальной перестройки тюркского общества, но первые же неудачи быстро изменили обстановку. В 581—588 гг. раздробленный до того Китай был объединен под властью династий Суй (581—618 гг.); осуществленные там реформы привели к быстрому росту экономической и военной мощи империи. Усиление Китая совпало с началом распрей внутри правящей группировки тюрков, прежде всего в самом династийном племени ашина, и со страшным голодом в степи, когда, по сведениям китайских историков, «вместо хлеба употребляли растертые в порошок кости»³⁹. Рост государства и влияние тюркской аристократии, стремившейся к автономному управлению захваченными территориями, обеднение массы рядовых кочевников, вынесших на своих плечах все тяготы не-

³⁷ Именно так Западнотюркский каганат и его население именуются орхонскими надписями: он ок боду, он ок эли («государство десяти стрел») или просто он ок («десять стрел»).

³⁸ Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 1. С. 223.

³⁹ Там же. С. 236.

прерывных войн и лишившихся средств существования после джута 581—583 гг., новая политическая обстановка, не давшая тюркским каганам возможности искать выход в набегах,— все это привело каганат к острейшему социально-политическому кризису и междоусобице. В 582—603 гг. окончательно завершился распад каганата на восточную (центральноазиатскую) и западную (среднеазиатскую) части: между Восточнотюркским и Западнотюркским каганатами велись все это время изнурительные войны.

Последовательность подчинения тюрками государств Восточного Туркестана не известна. Вплоть до 640—647 гг. восточнотуркестанские оазисные владения сохраняли известную степень независимости, хотя и признавали время от времени сюзеренитет своих могущественных западных, восточных и северных соседей. В период между 460—550 гг. многие из восточнотуркестанских государств стали ареной соперничества на Великом шелковом пути между эфталитами, жужанями и непокорным вассалом последних — племенным союзом *теле*. Особенно ожесточенной эта борьба была в Гаочане (Турфане), где ставленники жужаней и эфталитов сменялись ставленниками одного из племен теле — уйгуров. В дела Хотана, Карашара и Гаочана постоянно вмешивались эфталиты, пытаясь утвердить тут свои креатуры. В 560—570 гг. после гибели жужан и разгрома эфталитов их место заняли тюрки. В конце VI в. их сюзеренитет над Восточным Туркестаном был достаточно очевидным. По сообщению Суйшу, в это время «все владения в Западном крае подчинились» тюркским каганам⁴⁰.

Возможно, одна из ставок тюркских каганов находилась на Восточном Тянь-Шане. В августе 568 г. тюркский Муган-каган принял в своей восточнотуркестанской ставке византийское посольство Земарха. В греческом тексте говорится о ставке близ «горы Эктаг». Речь идет о горах, именуемых в китайских источниках Ацзетянь, или Бэйшань,— восточная часть Тянь-Шаня, севернее Кучи.

Однако более, чем западных или восточных тюрков, на севере Восточного Туркестана боялись племен теле, прежде всего уйгуров. В то время как с тюрками поддер-

⁴⁰ См.: *Chavanne S. Documents sur les Tou-Kine (Turcs) occidentaux. Recueillis et Commentés par E. D. Chavannes. St-Pbg., 1903. P. 13—14.*

живал тесные политические связи, подкрепляемые династийными браками⁴¹, уйгурам, своим непосредственным соседям, тот же турфанский владетель платил немалую дань. Так, уйгуры получали большую часть того, что в Турфане взыскивалось в виде пошлин с караванов, идущих по «шелковому пути». Более того, регулярность и точность выплат контролировал сидящий в Турфане уйгурский уполномоченный. К началу VII в. уйгуры вместе с городами Восточного Туркестана стали подданными западнотюркских ябгу-каганов.

Западнотюркский каганат весьма значительно отличался от Тюркского каганата в Монголии. Если на востоке преобладала кочевая жизнь, то на западе значительная часть населения была оседлой и занималась земледелием, ремеслом и торговлей. Социальная структура Западного каганата была несравненно сложнее, и его с большим правом можно считать государством со сравнительно развитыми феодальными отношениями, чем Восточнотюркский каганат. Раннесредневековая городская земледельческая культура Западнотюркского каганата была создана согдийцами, утвердившимися в Семиречье, Джунгарии и Таримском бассейне, и местным тохарским населением.

В городах Восточного Туркестана западные тюрки стремились прочно утвердиться со времени возникновения своего государства. Особенно усилились их позиции в 30—40-х гг. VII в., когда угроза китайского военного вторжения стала реальной. Китайский источник отмечает, что после 630 г. турфанский владетель «вступил в связь с тукюесцами (западными тюрками)»⁴², после чего китайские посольства в Гаочане (Турфане) терпели притеснение. Более того, тюркский ябгу-каган и турфанский князь «соединенными силами напали на Иву (Хами)», владетель которого пытался порвать связи с тюрками, опасаясь Китая. Отмечается «дружба» владетеля Карашара с западнотюркским каганом и участие Карашара в междоусобных войнах в каганате. В 640 г. подчинилась тюркам Куча, а владетель Кашгара скрепил союз женитьбой на дочери кагана⁴³.

После создания в Восточном Туркестане китайских

⁴¹ В конце VI в., например, старшей женой правителя Турфана была дочь тюркского кагана.

⁴² Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах... Т. 2. С. 290.

⁴³ См.: Там же.

военных гарнизонов (40-е гг. VII в.) тюркское политическое влияние там, естественно, ослабло. Однако наследник «государства десяти стрел» — Тюргешский каганат — не только в течение более чем полувека (690—740-е гг.) сдерживал напор с юга и запада, но и успешно противостоял гарнизонам двух китайских наместничеств (Аньси и Бэйтин), отстаивая свои интересы на юго-восточной границе.

В 679—687 гг. восточные тюрки в результате упорной борьбы за независимость с Китаем восстановили свое государство в Монголии, разгромленное Китаем в 630 г. Первым каганом стал Кутлуг (Ильтерес-каган), его ближайшим помощником и советником — Тоньюкук, оставивший описание своих деяний, запечатленное на каменной стеле древнетюркским руническим письмом. Центр каганата находился в Отюкене (Хангайские горы), а его западной границей уже при Ильтересе был Алтай. В 691 г., после смерти Ильтереса, на престол сел его брат Капаган-каган (691—716 гг.), при котором отмечен наивысший подъем военно-политического могущества второго Восточнотюркского каганата. Несколько успешных кампаний против китайских армий в Северном Китае, разгром киданей (696—697 гг.), подчинение Тувы и разгром государства енисейских кыргызов (709—710 гг.) сделали Капагана господином Центральной Азии. Состояние дел в Западном каганате дало ему повод для военного вмешательства.

В 90-х гг. VII в. против последних западнотюркских каганов — ставленников китайского двора — выступил Уч-элиг, вождь племенного союза *тюргешей*, входивших в конфедерацию *дулу*. В 699 г. он вытеснил в Китай претендента на власть в Семиречье и креатуру китайского императорского двора Хосрова Бёри-шада и установил свою власть на всей прежней территории Западного каганата — от Чача до Турфана и Бешбалыка. Вместе с Хосровом Бёри-шадом в Бешбалык, где с 702 г. было возрождено китайское наместничество Бэйтин, ушло 60—70 тыс. человек из подвластных ему западнотюркских племен. Наместничество Бэйтин, где кроме крупного китайского гарнизона, сконцентрировались все подчинившиеся Танской империи вожди из рода Ашина, стала грозным врагом тюргешей. В 704 г. один из претендентов Ашина Сянь вместе с Бёри-шадом совершил глубокое вторжение в Семиречье. Тюргеши предприняли несколь-

ко ответных нападений и начали подготовку к большому походу в Восточный Туркестан.

В Суябе и Кюнгюте (на р. Или) Уч-элиг учредил каганские ставки, страну разделил на 20 областей (тутукств), каждая из которых выставляла 7000 воинов. При наследнике Уч-элига — Сакале — начались первые мятежи племенной аристократии, которую поддерживали китайские войска. Сакал нанес поражение восставшим и разбил армию китайского губернатора в Куче.

Поход 708 г. на Кучу (Аньси) готовился еще Уч-элигом: его задачей было заставить имперские власти прекратить вторжение в Семиречье, постоянно организуемые танскими наместниками. В полевых сражениях китайские войска потерпели сокрушительное поражение, погиб сам наместник Аньси — Ню Шицзян, а вместе с ним и многие другие высшие китайские военачальники. Остатки гарнизона Кучи отсиделись в крепостях наместничества. Угроза с юга на некоторое время исчезла. Однако вслед за этим поднял восстание младший брат Сакала, обратившийся за помощью к Капаган-кагану.

В 711 г. восточнотюркское войско, во главе которого были Инэль, сын Капаган-кагана, и Тоньюкук, апатаркан (главнокомандующий), разбило армию Сакала на р. Болучу в Джунгарии. Остатки тюргешских войск, собранные полководцем Чабыш-чором Сулуком, отступили за Сырдарью и ушли в Припамирье.

В 715 г. Чабыш-чор Сулук вернулся в Семиречье. Воспользовавшись уходом восточных тюрков в Монголию, он восстановил Тюргешское государство. Сулуку приходилось вести борьбу на два фронта: на западе ему серьезно угрожали победоносные арабские армии, в 714—715 гг. не раз переходившие Сырдарью, на востоке китайский двор поддерживал агрессивно настроенных князей из рода западнотюркских каганов, обосновавшихся в Восточном Туркестане. Сулук прежде всего попытался нейтрализовать восточную угрозу. В 717 г. он совершил успешную дипломатическую поездку в Чаннань, столицу Танской империи. Вслед за тем он заключил брачные союзы с тремя опасными для него владельцами: он женился на дочери потомка западнотюркских каганов из рода Ашина и тем узаконил свою власть; второй женой он сделал дочь Бильге-кагана, сменившего в 716 г. Капагана на троне Восточнотюркского каганата; третьей женой Сулука стала дочь царя Тибета.

Своего сына Сулук женил на дочери Бильге-кагана, после чего дружественные отношения между обоими каганатами ни разу не нарушались. Попытки китайских наместников в Восточном Туркестане ограничить суверенитет Сулука решительно им пресекались. В 726 и 727 гг. тюргешская армия (во второй раз — вместе с тибетцами) дважды осаждала Кучу и опустошала округ.

В 739 г. Сулук погиб в борьбе с арабами, после чего началась двадцатилетняя борьба за власть между «желтыми» и «черными» тюргешами, которая привела к распаду и деградации Тюргешского каганата. Междоусобица среди тюргешей дала возможность китайским наместникам в Восточном Туркестане вмешиваться в дела страны. Сначала в Семиречье появился китайский ставленник — «хан десяти стрел» Ашина Сянь, но в 742 г. он был убит в Кулане. Затем в 748 г. китайские войска штурмом взяли Суяб, а в 749 г. — Шаш. Однако, в 751 г. арабская армия Зияда б. Слива в союзе с карлуками нанесла китайскому полководцу Гяо Сяньчжи сокрушительное поражение под Таласом, вытеснив китайские войска с территории Семиречья. Карлуки, усилившиеся здесь после 746 г., к 766 г. покончили с враждовавшими между собой тюргешскими вождями, и карлукский ябгу создал здесь свое государство, подготовившее рождение Караханидского каганата⁴⁴.

Одним из древнейших тюркоязычных племенных союзов Центральной Азии, генетически связанных с позднегуннскими государствами, являются уйгуры. В III—IV вв. они входили в племенное объединение, которое в китайских династийных хрониках носило название «гаогюй» (букв. «высокие телеги»). В конце V — начале VI в. один из уйгурских вождей Афучжило и его наследники успешно соперничали с аварами (жужанами) за власть над оазисами Таримского бассейна.

В V в. в китайских источниках появилось новое название племенного союза, в который входили и уйгурские племена *теле* (*тегрег*). Значительная группа этих племен мигрировала на запад в степи Юго-Восточной Европы и на Северный Кавказ, но большая часть осталась в Центральной Азии. После образования Тюркского каганата племена теле вошли в его состав, но пример-

⁴⁴См.: Кляшторный С. Г. Генеалогия и хронология западно-тюркских и тюргешских каганов VI—VIII вв. // Сб. Из истории до-революционного Киргизстана. Фрунзе: Илим, 1985. С. 164—170.

но с 600 г. и до падения каганата (630 г.) находились в состоянии почти непрерывного мятежа против своих сюзеренов.

В 605 г. западнотюркский Чурын-каган перебил несколько сотен вождей теле, после этого остатки племен бежали в Северную Монголию, создав там обособленную группу теле, получившую в китайских источниках название «девять племен»⁴⁵. С 630 г. токуз-огузы, согласно китайским династийным историям, выступают как заметная политическая и военная сила. В 40-х гг. VII в. лидерство внутри объединения токуз-огузов окончательно утвердилось за уйгурами, точнее за группой из десяти уйгурских племен во главе с племенами *яглакар*.

Вождь токуз-огузов уйгурский эльтебер Тумиду около 647 г. создал свое государство на севере Монголии со ставкой на р. Тола. Китайские хроники сообщают: «Тумиду все же самовольно именовал себя каганом, учредил должности чиновников, одинаковые с тюркскими (должностями)». Танское правительство не признало вновь созданное государство. Более того, в 660—663 гг. между токуз-огузами и Танской империей шла война, в которой китайские войска не смогли одержать победу. Конфликт был урегулирован мирным путем.

В начале 80-х гг. VII в. токуз-огузы потерпели поражение в боях с восточными тюрками, возродившими свое государство. Часть токуз-огузских племен, не желая примириться с господством тюрков, ушла в низовья Эцзингола и поселилась, признав танский протекторат, в Ганьчжоу и Ланьчжоу (Ганьсу). Эта группа уйгурских племен составила ядро Уйгурского государства в Ганьчжоу после 843 г. В 727 г. часть токуз-огузов, спровоцированная на мятеж действиями китайского наместника, вынуждена была бежать в Монголию, под власть тюрков. Именно из этой группы племен выдвинулись впоследствии вожди Уйгурского каганата.

В 744—745 гг. объединенные силы уйгуров, басмылов и карлуков сокрушили Восточнотюркский каганат, а в 746—747 гг. уйгуры нанесли военное поражение уже своим союзникам — подчинили басмылов, при этом большинство карлуков бежало в Семиречье и Джунга-

⁴⁵ В орхонских надписях они известны как токуз-огузы, в мусульманских источниках — токуз-гузы (что означает буквально «девять огузов»).

рию, где впоследствии (766 г.) это племя заняло первенствующее положение среди западнотюркских племен. Возглавил уйгурский каганат Элетмиш Бильге-каган (747—759 гг.), а вскоре его сын Тенгри Эльтутмыш Алп Инги Бильге-каган (757—779 гг.), известный по многим источникам как Бёгю-каган⁴⁶.

Именно в годы правления этих каганов произошло событие, коренным образом изменившее ситуацию в Центральной Азии. В 755 г. китайский военачальник, Ань Лушань, выходец из знатного тюрко-согдийского рода, поднял восстание против императора Сюаньцзуня. Армия Ань Лушаня, состоявшая главным образом из конницы тюркских федератов империи, одерживала над императорскими войсками победу за победой. Император бежал на юг, а обе столицы, Лоян и Чанань, перешли в руки восставших. В этот критический момент танский двор обратился за помощью к Уйгурскому каганату. Элетмиш Бильге-каган выставил конницу, которую возглавлял его сын Эльтутмыш. Нанеся поражение войскам Ань Лушаня и получив от танского двора обещанное вознаграждение, наследник престола вернулся обратно, чтобы принять участие в походе против кыргызов (758 г.). Однако внутренняя война в Китае продолжалась. В 757 г. погиб в результате заговора Ань Лушань. Его сменил опытный полководец — согдиец Ши Сы-мин, а с апреля 761 г. — его старший сын Ши Чаои. Северо-Восточный Китай был опустошен военными действиями, императорские войска терпели неудачи, но и их противник уже не был способен одержать решающую победу. В этой обстановке любые внешние вмешательства могли решить дело.

Танский двор вновь обратился к Уйгурскому кагану, теперь уже к Эльтутмышу Бильге-кагану (Бёгю-кагану). С четырнадцатитысячным отрядом он перешел границу. В ноябре 762 г. с мятежом было покончено, а в 763 г. казнен Ши Чаои. «Эти двое согдийцев (Ань Лушань и Ши Чаои) опустошили весь Китай и только к исходу восьмого года (восстания) в стране воцарился мир»⁴⁷, —

⁴⁶ События, связанные с образованием Уйгурского каганата в Монголии, подробно излагаются в двух древнеуйгурских рунических памятниках — Терхинской надписи (около 765 г.) и надписи из Могон-Шине-Усу (около 760 г.), обе сделаны от имени Элетмиш Бильге-кагана.

⁴⁷ *Rotous R. d. e. Histoire. de Ngan. hou-chan. Paris, 1962. P. 352.*

заклучает свое повествование китайский автор «Жизнеописания Ань Лушаня». Восстание Ань Лушаня — Ши Чаои стало началом конца Танской империи, которая так и не смогла оправиться от потрясений. И Уйгурский каганат, таким образом, сыграл решающую роль в разгроме мятежных армий.

Вместе с военной добычей и императорскими дарами уйгурский правитель увозил в Ордубалык, свою столицу на Орхоне, проповедников нового учения — согдийских миссионеров-манихеев, чью веру он принял в Лояне. Уйгурское манихейство пережило Уйгурский каганат и создало в оазисах Восточного Туркестана свою культуру и искусство, свою письменную традицию на тюркском и согдийском языках. В рукописной литературе сохранилась память о Бёгю-кагане как учредителе уйгурской манихейской общины⁴⁸. После 763 г. и почти до конца столетия уйгуры стали решающей политической силой в делах Центральной Азии. Их соперниками были только тибетцы.

Созданию Уйгурского государства в Восточном Туркестане предшествовал длительный период, за который сформировались и окрепли связи между уйгурами, переселившимися после 679 г. в Ланьчжоу и Ганьчжоу (Ганьсу), и городами-оазисами на трассе Великого шелкового пути. Во главе ганьсуйских уйгуров была та самая яглакарская династия, которая в 744 г. установила свою власть в Отюкенской черни. В тюркских турфанских общинах хорошо помнили князя, возглавившего обратное переселение уйгуров (токуз-огузов) на север, в Монголию, после 727 г. и создавшего там в 744 г. Уйгурский каганат⁴⁹.

При Бёгю-кагане (757—779 гг.) уйгурское влияние в Восточном Притяньшанье приняло форму открытого протектората, который, однако, не исключал ни китайского присутствия, ни автономии местного самоуправления оазисных государств и кочевых племен. Степень

⁴⁸ В одном из тюркских манихейских фрагментов, найденных в Турфанском оазисе, Бёгю-каган именуется «великим каганом», «мудрым уйгурским каганом», «эманацией Мани».

⁴⁹ Один из текстов, найденных в Кочо, называет Бёгю-кагана государем, «воцарившимся на месте Кюль Бильге-илига», а Селенгинская надпись именует каганом основателя династии Кюль Бильге. Вряд ли такая реминисценция в тексте из Кочо случайна — внук (Бёгю-каган) унаследовал не только учрежденный дедом престол, но и особые отношения с восточнотуркестанскими городами.

новой формы политического влияния раскрывают только тюркские манихейские и буддийские тексты из Турфана. Согласно одной из двух надписей на деревянных палках из буддийского храма в Кочо, на втором году правления «нашего Тенгри Бёгю-тенгрикена», т. е. уйгурского Бёгю-кагана, «правителем города Кочо» был некий Алп-Тутук-оге, считавший Бёгю-кагана своим сюзереном. Согласно этой надписи, второй год правления Бёгю-кагана приходится на 760 г. Из другой надписи, где Бёгю-каган именуется более полным титулом, узнаем, что в 767—768 гг. Алп-Тутук-оге все еще оставался правителем Кочо.

Тюркский манихейский текст ТМ 301 также датирован временем, когда «снаружи», т. е. за пределами Кочо, в степи «правил Эльтутмыш Улуг Бильге Тенгри-[каган]», т. е. Бёгю-каган. А «его возлюбленным сыном» назван «правитель города Кочо» иль-огеси Тюзлюк-бег. Ныне издан еще один документ — буддийская посвятельная надпись на стене из монастыря в Тойоке, где донаторы называют своими покровителями «нашего божественного Бёгю-тенгрикена» и «правителя Кочо» Тюзлюк-бега; эта надпись датируется 767—780 гг.

Таким образом, с первых лет своего правления, еще до принятия манихейства, уйгурский Бёгю-каган, чья ставка была на берегу Орхона, признавался тюркскими манихейскими и буддийскими общинами в Турфанском оазисе своим покровителем. Одна из надписей на деревянной палке сообщает, что власть кагана простиралась «от Сачиу (Дуньхуана) на востоке до Нуч-Барсхана на западе». По всей вероятности, и здесь речь идет о покровительстве Бёгю-кагана тюркским манихейским и буддийским общинам в Дуньхуане, Таримском бассейне и в какой-то части Семиречья (Прииссыкулья). Вскоре после 767 г. государем Кочо стал сын Бёгю-кагана.

Последующие события подтверждают предположение о том, что уйгурский протекторат, по крайней мере со времен Бёгю-кагана, распространялся на Кучу, Карашар и Бешбалык, а также на основные тюркские племена Восточного Притяньшанья — басмылов и, может быть, на какую-то часть карлуков. Во всяком случае в Терхинской надписи среди подданных Элетмиш Бильге-кагана (747—759 гг.) упомянуты *ягма*, тогда тесно связанные с племенной конфедерацией карлуков.

В 80-х гг. VIII в. отношения между уйгурской динас-

тием в Монголии и населением Восточного Притянь-шанья резко ухудшились. Вот свидетельство Цзю Гашу: «Первоначально Бэйтин (Бешбалык) и Аньси (Куча) для представления докладов ко двору (т. е. для отправки торговых караванов.— С. К.) пользовались дорогой, идущей через Уйгурское государство. Поэтому и подчинялись [уйгурам]. Варвары были жадны и свирепы, в своих требованиях не знали предела. Бэйтин находился близко к ... варварам. Они брали силой одежду, пищу, другие ценности, у людей ничего не оставалось для жизни. Кроме того, более 6000 аилов шато были тесно связаны с Бэйтином и также находились в подчинении у уйгуров. Уйгуры произвольно грабили их, и народ выражал недовольство»⁵⁰.

А вот как выглядела ситуация с уйгурской точки зрения. Согласно Карабалгасунской надписи, «[подданные], согласившись с негодными коварными разбойниками, стали недостаточно платить дань». Вместе с тем уйгуры оказались лицом к лицу с тибетцами, которые овладели областью между Лобнором и Хотаном и взяли в 787 г. Дуньхуан.

Немалое недовольство в таримских городах вызвал и антиманихейский переворот в уйгурской столице. В 779 г. уйгурский Бёгю-каган стал жертвой мятежа в своей ставке, который возглавил самый влиятельный его сановник и отдаленный родственник Тон бага-таркан⁵¹. Он возглавил антиманихейскую группу заговорщиков при уйгурском дворе и пользовался поддержкой Китая. В числе убитых вместе с Бёгю-каганом были два его сына, ближайшие советники и множество согдийцев, в том числе и манихейских вероучителей из окружения кагана. Глава группы был провозглашен Алп Кутлуг-Бильге-каганом (780—789 гг.). К власти пришла боковая ветвь яглакарской династии и ближайшие наследники Алп Кутлуга: Кюлюг-Бильге-каган (789—790 гг.) и Кутлуг-Бильге-каган (790—795 гг.), которые продолжили политику отца.

Договорные принципы союза и протектората, благо-

⁵⁰ *Малявкин А. Г.* Материалы по истории уйгуров... С. 138.

⁵¹ В Терхинской надписи он именуется «глава внутренних буюров Инанчу бага-таркан» (*Васильев В. П.* Китайские надписи на орхонских памятниках в Кошо-Цайдаме и Карабалгасуне. Спб., 1897. С. 25).

даря которым Бёгю-кагану удалось утвердиться в Таримском бассейне, были нарушены. Выгодам торговли новые уйгурские каганы предпочли прямое налоговое ограбление согдийских и тюркских общин в притяньшаньских городах, где манихейство тогда было едва ли не господствующей религией. Именно согдийские и тюркские манихейские конгрегации были главными координаторами торговых операций на трассе от Семиречья до Внутреннего Китая, частью этой трассы был путь через Ордубалык, закрытый Алп Кутлугом.

Последствия не заставили себя ждать. Как сообщает Цзю Таншу, «карлуки и туцзюэ [тюрки] в белой одежде (т. е. манихеи.— С. К.) жили в согласии с уйгурами, но также жаловались на их грабежи. Тибетцы с помощью дорогих подарков подкупили и завлекли их, и они присоединились к тибетцам. И тогда тибетцы во главе карлуков и [тюрков] в белой одежде в предшествующем году (т. е. в 788—789.— С. К.) вторглись в район Бэйтина. Главный [большой] министр уйгуров Иль Угеси возглавил войска для оказания помощи. Потерпел несколько сильных поражений. Тибетцы атаковали и прочно обложили [Бэйтин]. Жители Бэйтина страдали от уйгуров и в этом году (т. е. в 790 г.— С. К.) всем городом сдались тибетцам. Племена шато также сдались»⁵². Вместе с уйгурами бежали их китайские союзники. Новая уйгурская армия в 50—60 тыс. человек осенью 791 г. попыталась изменить неблагоприятное развитие событий, но также потерпела поражение. После этого карлуки, союзники тибетцев, захватили уйгурские кочевья по р. Ступы в Северо-Западной Монголии, и уйгуры эвакуировали последний оплот сопротивления на западе — Турфанский оазис.

Тяжелая война уйгуров с тибетцами и карлуками продолжалась какое-то время, но ход ее не ясен: уйгуры известили танский двор о своей победе под стенами Бешбалыка (осень 791 г.), однако, правдивость этого сообщения оспаривается. В 795 г. к власти в Ордубалыке пришла новая эдизская династия. Каган Алп Кутлуг (795—805 гг.) резко изменил политику своих предшественников. В 795 г. во всех своих правах была восстановлена «религия света», и манихейский пресвитер вновь сделал своей резиденцией столицу каганата.

⁵² *Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров... С. 138—139.*

Нанеся поражения енисейским кыргызам, уйгурский каган, как сообщает Карабалгасунская надпись, вернул под свою власть Бешбалык и Кучу. Тибетцы и курлуки были разгромлены, уйгурское войско дошло до Ферганы.

В 840 г., после жестоких междоусобиц, Уйгурский каганат рухнул под ударами кыргызов. Теряя по пути отставших и отчаявшихся, остатки пятнадцати племен тогуз-огузов во главе с Яглакаром Панлетегиним (будущим Менглик-каганом), оставив родину енисейским кыргызам, пришли в Восточное Притяньшанье, на свои прежние пограничные земли. Менглик-каган, претендуя на верховную власть, занял Кучу. Очевидно, общее руководство было вскоре утрачено, но сильнейшая уйгурская группа укрепилась в Бешбалыке. Буку Чин, вождь этой группы, в 866 г. «захватил Сичжоу (Турфан) и подчинил все племена»⁵³. Разгромив тибетцев, Буку Чин стал господином положения во всем Восточном Притяньшанье. Так было положено начало новому уйгурскому государству Кочо, первыми столицами которого были Куча и Бешбалык, а позднее Гаочан (Кочо-Турфан).

О раннем периоде истории Уйгурского государства Кочо в источниках нет достаточной информации. Лишь немногие фрагменты древнеуйгурских текстов имеют историографическое значение⁵⁴.

Самые ранние описания восточнотуркестанской Уйгурии содержатся в «Худуд ал-алам» и в труде Гардизи. Соседями уйгуров (тугуз-гузов) названы Китай (Чин) на востоке, на юге и юго-западе — Тибет и курлуки, на западе и на севере — кыргызы и кимаки. Столицей государства назван Чинанджет (Кочо), а летней ставкой «царя» — Пенджикент (Бешбалык). Страна тугуз-гузов по «Худуд ал-алам» — наиболее обширная и густонаселенная «среди других областей тюрок», а жители ее — в основном кочевники, чье главное достояние «овцы, коровы и лошади» и охотничья добыча. Вместе с тем источник упоминает два города и пять больших селений.

По сообщению Гардизи, первой столицей «хакана» —

⁵³ Там же. С. 143—149.

⁵⁴ Отдельные сведения о «стране тугуз-гузов», восходящие к VII—IX вв., содержатся в персидском сочинении Гардизи «Зайн алахбар» (XI в.). Некоторые данные о стране и ее населении дает отчет сунского посла Ван Яньдэ, посетившего Кочо в 981—983 гг. Небольшой раздел «Слово об области тугуз-гузов и ее городах» имеется в персидском географическом сочинении «Худуд ал-алам» (982 г.).

«царя тугуз-гузов» — был Арк, т. е. Карашар, а Пенджикент (Бешбалык) — лишь одним из городов страны. В результате кровопролитной войны между правителем Бешбалыка и хаканом к власти пришла бешбалыкская ветвь династии. В целом страна описывается как земледельческая, с развитым виноградарством и виноделием, имевшая много городов и селений. Однако сами тугузы, точнее, та их часть, которую источник называет «простой народ», вся состояла «из степняков, живущих в шатрах». Даже в качестве штрафа взымался «крытый шатер из нового войлока». Сам хакан жил во дворце, «низком строении», полы которого устилались войлоком, прикрытым китайской парчой. Одежда, однако, была сшита не из шерсти и кож, а из шелка и хлопчатой ткани, «которую носит народ». Очевидно, что оседание пришедших из Монголии племен происходило не сразу и не повсеместно.

В первые десятилетия после переселения не сменилась и вера: и сам хакан, и назначаемые им правители, и их многочисленное окружение были динаверийцами, т. е. манихеями. Так, перед дворцом правителя Чинанджкета, т. е. бека Кочо, «ежедневно собирались 300 и 400 человек из динаверийцев, громкими голосами читали сочинения Мани». Вместе с тем упоминается, что в городе и владениях были христиане, дуалисты (зороастрийцы) и буддисты.

Описываемая система управления не отличалась от той, что сложилась в Уйгурском каганате в Монголии. Царь являлся не только верховным правителем, но и верховным судьей и верховным военачальником. В походе его сопровождал гвардейский тумен тяжеловооруженных копейщиков⁵⁵. Личность царя была по всей вероятности сакрализована. Он редко показывался народу, всегда окруженный блестящей свитой и стражей, появлялся в одежде из парчи с золотым поясом, в золотой диадеме. Народ падал на колени не только перед хаканом, но даже перед его конем, когда того выводили из дворца.

Высшим правительственным органом был совет «десяти визиров», о чем известно и из ранних источников. В Таншу упоминаются «шесть внешних и три внутренних

⁵⁵ В Терхинской надписи они названы *тургак* — «стража». (См.: *Кляшторный С. Г.* Терхинская надпись // Советская тюркология. 1980. № 3. С. 82—85).

министра» уйгурских каганов. Более четкая характеристика этого института имеется в Терхинской надписи, согласно которой кагана окружали девять «великих буюруков»—«внутренних» и «внешних», причем и те и другие имели своего «главу». Одновременно буюруки были командирами войска кагана. Отмечены случаи, когда действительная власть полностью переходила к одному из «великих буюруков», а в двух случаях, в 780 и 795 гг., они смещали каганов и сами занимали престол. Однако престиж яглакарской династии в VIII—IX вв. был еще столь высок, что даже в случае, когда узурпатор принадлежал другому племени, он принимал династическое имя старого правящего рода.

Немногие из сохранившихся фрагментов некоторых колофонов манихейских и буддийских уйгурских памятников позволили установить, что уйгурские государи Кочо (очевидно, через какое-то время после завоевания) перестали именовать себя каганами или ханами. Их полный титул восстанавливается как «арслан бильге тенгри илиг идикут». Не исключено, что слово «арслан» («лев») осознавалось позднее как родовое имя турфанской династии. Во всяком случае, имя Яглакар встречается только у каганов Уйгурского государства в Ганьжоу и последний раз упоминается около 1000 г. Другим сокращенным вариантом царского титула турфанских уйгуров, полностью сакрализированным, было поименование идикут (ыдук-кут). Династия турфанских арсланидов, утратив самостоятельность, сохранилась и после монгольского завоевания. Последним турфанским владельцем, носившим титул идикута, был Токлуг-Тэмюр (1347—1365 гг.).

Если полагаться на сведения Суйшу о «гаочанских уйгурах», еще в 965 г. их владетель именовался каганом. Уже тогда во главе посольства в императорскую столицу он поставил буддийского монаха, а в качестве дара представил зуб Будды. Очевидно, это одно из первых косвенных свидетельств о смене веры в государстве Кочо.

В отчете сунского посла Ван Яньдэ государство Кочо описано как процветающее, где даже бедняки ели мясо, а знать не ведала счета конским табунам. Важное место в хозяйстве принадлежало орошаемому земледелию, обработке металлов, другим ремеслам. В источнике совсем нет упоминаний о военном потенциале страны, сообщается лишь о любви жителей к верховой езде и

стрельбе из лука. Об упорядоченном делопроизводстве свидетельствует существование здесь специального здания государственного архива. Ближайшим советником хана, управляющим делами в его отсутствие в столице, был дядя владетеля, занимавший пост «главного министра» (ата оге). Совершенно определенно сообщается о возвышении буддизма и упадке манихейства, которое связывалось только с «персидскими монахами»⁵⁶.

Информацией Ван Яньдэ исчерпываются сведения о ранней истории государства Кочо. Его продолжающийся хозяйственный и культурный подъем достиг своего апогея несколько позже и хорошо определился к началу XIII в.

В Таримском бассейне и Джунгарии уйгуры унаследовали традиции древней цивилизации городов-государств. По иному сложилась ситуация на западе Восточного Туркестана (в Кашгарии) и в примыкающей к нему части Семиречья. Новая имперская традиция сломала там оазисный партикуляризм в государстве, основанном тюркскими племенами, некогда покинувшими степи Центральной Азии ради горных пастбищ Тянь-Шаня, — в Караханидской державе. Именно здесь в XI в. были созданы два величайших тюркских литературных памятника раннего средневековья — «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагунского и «Диван лугат ат-тюрк» Махмуда Кашгарского⁵⁷.

Девять столетий ведут беседу герои «Кутадгу билиг» Кюн Тогды и Ай Толды, Огдюльмиш и Одгурмыш. Они спорят и поучают, превозносят и осуждают дела и мысли людей и образы их мира. А их миром был тюркский эль, государь которого называл себя слугой и любимцем багдадского халифа и к древнему титулу кагана прибавлял другой, появившийся тогда на мусульманском Западе, — «малик ал-машрик» («царь Востока»).

Сейчас трудно понять, насколько все это казалось несовместимым в глазах поколений тюркского и иранского населения, воспитанных на противопоставлении понятий «ислам» и «тюрки», «Иран» и «Туран». Но жизнь брала свое — то, что в IX в. резало слух и утверж-

⁵⁶ *Маявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров... С. 88—89.*

⁵⁷ *Юсуф Баласагунский. Благодатное знание // Пер. С. Н. Иванова. М., 1983; О Махмуде Кашгарском и его сочинении / С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М., 1951. С. 306—315.*

далось мечом, в XI столетии принималось как должное и укреплялось пером.

Вряд ли случайно первыми дошедшими до нас памятниками, написанными на тюркском языке арабским письмом, были не стихи, а юридические документы из Яркенда, трактующие о купле и продаже, о земле и рабах. Стиль этих документов столь высокопарен, что местами они напоминают оды придворных поэтов. Вряд ли случайно, что первыми стихами, первой поэмой на тюркском языке, написанной арабским курсивом, стала поэма, трактующая о самых прозаических вещах, о самых низменных для поэзии понятиях — о правилах управления и нормах поведения, о торговле и ремесле. Содержание этой поэмы местами столь деловито, а описание столь скрупулезно, что она напоминает юридический документ. Во всем этом — единое мироощущение: вчерашние кочевники осваивали новый сложный мир двух тысячелетий городской культуры и осваивали с самого главного, приспособляясь и овладевая, внедряясь и заполняя его экономическую и социальную структуру.

Несколько литературных традиций сплетаются в «Кутадгу билиг» — в строфах поэмы звучит то патетика древнетюркских эпитафий, то дидактика персидских «зерцал», то отголоски степной лирики, то мистическая символика суфиев. Поэма однообразна и сложна, едина и многослойна, но и в этих ее особенностях отразились этнические и политические реалии Караханидского каганата.

Караханидская эпоха долгое время считалась «темными веками» среднеазиатской историографии. Первое представление о ней, самое имя династии возникают под пером В. В. Григорьева, но только В. В. Бартольд, изучив все немногочисленные свидетельства мусульманских авторов о Караханидах, наметил как контуры их политической истории, так и некоторые тенденции социального и культурного развития их государства.

«Кутадгу билиг» была создана в 1069 г., в Кашгаре, колыбели тюркского ислама; сами тюрки называли этот город Ордукент («ставка», «столица»). Государь, которому была посвящена поэма, носил арабское имя Абу Али ал-Хасан, лакабы Насир ал-хакк ва'д-дин, Малик ал-машрик и тюркский титул Табгач Богра Кара-хакан. Даже это последнее, полное имя и титул государя, ста-

ло известно не из исторических сочинений, а из юридического документа.

Труд единственного караханидского историка, имя которого дошло до нас — младшего современника Юсуфа Хассхаджиба, имама Абу-л-Футуха ал-Гафира ал-Ал-ма'и, — «Тарихи Кашгар» — сохранился лишь в небольших отрывках у Джемаля Карши (XIII в.). Все же ныне возможно предположить ответ на многие из тех, казалось бы, простых вопросов, которые представлялись неразрешимыми во времена В. В. Бартольда. К их числу относится вопрос о происхождении династии, о времени появления и первоначальном характере государства, о его политической структуре, которая не была, однако, неизменной, о причинах легких побед и быстрого упадка империи.

Известно семь гипотез о происхождении Караханидов или, как они именовались современниками, «Дома Афрасиаба», «Мулюк ал-хакания». В. В. Бартольд ограничил круг поисков тремя племенами (карлуки, чигили, ягма). Теперь уже ясно, что и чигили, и ягма, а также тухси, входили в карлукскую конфедерацию племен и их история неразрывна.

В VI—VII вв. карлуки среди прочих племен Тюркского каганата участвовали в его войнах. Часть их тогда создала собственное владение в Тохаристане, а стоявшие во главе карлуков князья из тюркского правящего рода Ашина сменили там эфталитского государя. Однако главная масса карлуков оставалась на своей основной территории — в Джунгарии и на Алтае, включившись наряду с уйгурами в конфедерацию токуз-огузских племен.

После возникновения в 681—682 гг. второго Тюркского каганата в Монголии карлуки подчинились «хозяевам Отюкенской черни», этой традиционной ставки центральноазиатских империй. В 742 г. вместе с уйгурами и басмылами карлуки сокрушили власть старшей ветви династии Ашина и выдвинули кагана из басмылов. Он, как и карлукский вождь, происходил из боковой ветви Ашина. Но двумя годами позднее власть перешла к уйгурской династии, а за карлукскими вождями остался титул «правого (западного) ябгу»; в мусульманской литературе (впервые у Ибн Хордадбеха) титул зафиксирован в его карлукском произношении — с джекающим началом (ал-джабгуйа).

Стремление карлукских ябгу проводить самостоятельную политику быстро привело их к отколу от Уйгурского каганата. В борьбе за господство над западной частью Центральной Азии, развернувшейся во второй половине VIII в. между уйгурами и Танской империей, с одной стороны, и тибетцами — с другой карлуки приняли сторону тибетцев, но использовали ситуацию к своей выгоде. В 766 г. в руки карлукского ябгу перешло все Семиречье с двумя ставками западнотюркских и тюркешских каганов — Таразом и Суябом. А в 766—775 гг. карлуки захватили Кашгарию, основным населением которой были ягма. В начале IX в. попытки карлуков соперничать с Уйгурским каганатом на востоке кончились неудачей, но на Западе они распространили свое влияние до городов-государств средней Сырдарьи и захватили часть Ферганы.

Так окончательно сложилась та территориальная основа, на которой возникло государство караханидов. Так впервые владения карлуков соприкоснулись с частью хоросанского наместничества Аббасидского халифата — Мавераннахром.

Вместе с тем поражения, понесенные карлуками в Джунгарии, и поход уйгурского кагана в Фергану и Семиречье заставил карлуков, если не практически, то теоретически, считать свое государство лишь западной областью Уйгурского каганата в Монголии. События 840 г. — падение Уйгурского каганата и крушение Отюкена как центра степной империи (разгромившие уйгуров кыргызы остались на своих прежних землях) — создали во всей Восточной Азии новую политическую ситуацию.

По свидетельствам ал-Джахиза и Гардизи, Тахира Марвази и ал-Мас'уди, после утраты уйгурами их могущества верховная власть над тюркскими племенами перешла к карлукскому ябгу. Речь идет, конечно, не о далекой Монголии, а о Туркестане, соседствующем с Мавераннахром. Характерна сама тенденция, мысль, страженная в этих сообщениях. Из среды карлуков, пишет ал-Мас'уди, происходит «каган каганов», и он имеет власть над всеми тюркскими племенами, а его предками были Афрасиаб и Шана (т. е. Ашина!).

Легитимная идея единого правящего рода, как это было впоследствии с родом Чингизидов, существовала еще в VI—IX вв. в отношении рода Ашина. Происхожде-

ние из Ашина позволило карлукским вождям облечь в легитимное одеяние ту реальную власть, которой они располагали и, отбросив старый титул ябгу, принять новый — каган. «Ябгу,— пишет автор «Худуд ал-алем» в X в.,— это прежний титул царей карлуков».

Собственно караханидское предание (кашгарская традиция) называет первым государем караханидской династии Бильге Кюль Кадыр-кагана, с которым вел войну один из саманидских эмиров. Удалось установить, что этим эмиром был Нух ибн Асад, в 840 г. совершивший поход против семиреченских тюрок и завоевавший Исфиджаб. Именно в этом году, по сообщению Гардизи, ябгу карлуков принял титул кагана. Круг источников замкнулся — единственным каганом в 840 г. был родоначальник караханидской династии и прежний ябгу карлуков Бильге Кюль Кадыр-каган.

Караханиды не возникли внезапно, не были чем-то неизвестным, как это казалось еще совсем недавно. Возникновение Караханидского каганата было естественным следствием развития древнетюркской государственности, носителями которой стали карлуки. Однако новая империя отнюдь не стала повторением старых образцов.

Власть в Караханидском каганате оказалась разделенной между знатью двух карлукских племен: чигилей и ягма. Внешне это отразилось в разделе империи на две части: восточную и западную со своими каганами во главе. Верховным считался восточный каганат, имевший ставку в Баласагуне (Куз-орду) и носивший титул Арслан Кара-хакан. Он был из чигилей. Западный, младший каган, из ягма, носил титул Богра Кара-Хакан и имел ставку в Таразе, а позднее в Кашгаре.

Кроме этих двух, существовала сложная иерархия правителей, своя в каждой половине каганата: Арслан-илик и Богра-илик, Арслан-тигин и Богра-тигин и другие. Сохранение лестничной системы наследования позволяло каждому рассчитывать на следующую ступеньку иерархии.

Впервые эта дуальная система власти была реализована караханидами при сыновьях первого кагана — Базыр Арслан-хане и Огулчак Кадыр-хане. В конце IX в., за сто лет до завоевания Мавераннахра тюрками, они были современниками и опасными противниками саманида Исмаила ибн Ахмада. Рассказывая о походе Исмаила в земли тюрок, Мас'уди впервые называет

тюркского государя титулом Табгач и говорит о его карлукском происхождении.

У Караханидов находили убежище и опальные члены саманидской династии. С деятельностью одного из них связано обращение в ислам племянника Огулчака, Сатука, правившего в 915—955 г. под титулом Богра-кагана (его мусульманское имя — Абд ал-Карим). Почти совершенно не отражена в источниках та длительная междоусобная война, которую вел Сатук против великого кагана, пользуясь поддержкой Саманидов. Как видно, переход в ислам был политическим актом, предпринятым Сатуком в борьбе за власть, и его военными успехами объясняется конечная исламизация племен, поддерживающих Караханидов. Исламизация была не следствием кратковременных усилий того или иного миссионера-суфия, как изображает легенда, а процессом постепенного проникновения идеологии ислама в тюркскую среду в результате прежде всего реальных политических и экономических выгод, проистекавших из этого обращения.

Именно под лозунгами защиты ислама в конце X в., после того, как великим каганом стал сын Сатука — Муса, была начата и успешно осуществлена экспансия в двух направлениях — в сторону Хотана и в сторону Мавераннахра. Успех обоих предприятий и привел к известным событиям, окончившимся созданием Караханидского каганата с границей на Амударье.

Единство империи просуществовало недолго, и в конце 30-х годов XI в. Караханиды Мавераннахра окончательно отделились от Караханидов Кашгара, а через полтора столетия с небольшим лет погибли последние караханидские князья.

Но время Караханидов ознаменовалось для всех частей их обширной империи значительными экономическими, социальными и культурными сдвигами. Отметим некоторые из них прежде всего потому, что в отношении исторической роли Караханидов все еще бытуют явно неверные представления.

До сих пор иногда пишут, что караханидское завоевание Средней Азии сопровождалось большими разрушениями. Это не так. Действительно, в междоусобицах после завоевания пострадал Термез, но массовых разрушений и опустошений не было. Города не разрушались, а возделанные земли не переходили под пастбища. Как

доказательство упадка земледелия приводят один единственный пример — падение цены на землю в Кушки муюн (в Бухаре). Но это произошло в XII в. при Арслан-хане и было результатом местных политических конфликтов. За пределы Бухары это явление не распространилось.

Распространено мнение, что Караханиды истребили согдийское дихканство. Это тоже не подтверждается — дихканство с утратой политической власти экономически эволюционировало в мелких владетелей земли, но физически сохранилось.

Было распространено мнение и об упадке экономики городов в XI—XII вв. Теперь выяснено, что именно в это время города Мавераннахра, Семиречья и Восточного Туркестана испытывали бурный рост прежде всего за счет расцвета рабадов — торгово-ремесленных кварталов. Резкий рост спроса на ремесленную продукцию лучше всего иллюстрируют такие ремесла, как производство керамики, медной утвари, стекла.

Экономический упадок видят в так называемом «серебряном кризисе» — исчезновении полноценной серебряной монеты. Но как раз это явление отражает резко возросшую потребность в серебре, что связано с интенсификацией товарно-денежных отношений.

Не было после создания Караханидского каганата и культурного упадка. Напротив, развитие художественного производства, расширение городского строительства, создание целого ряда замечательных памятников архитектуры весьма своеобразного стиля свидетельствуют о расцвете материальной культуры.

Что же касается литературы, то предрассудки об известном общем упадке ее опроверг Е. Э. Бертельс, показав, что в Восточном Туркестане и в Мавераннахре шел параллельный процесс сложения тюркской литературы и развития литературы на дари (фарси), причем тесная связь между этими двумя литературами несомненна.

В 1210 г. пресеклась в борьбе с найманами восточно-караханидская династия. В 1212 г. в Самарканде был казнен хорезм-шахом Мухаммедом последний представитель западно-караханидской династии. А вскоре исчезла и ферганская ветвь Караханидов.

Но к этому времени Средняя Азия, Семиречье, Кашгария обрели новое этническое лицо, новую социальную и экономическую структуру, новый тип духовной куль-

туры. Лишь потрясения монгольского завоевания прервали естественный процесс наметившегося развития.

...«Пядь за пядью исходил я все или, селения и степи тюрок», — пишет Махмуд Кашгарский.

Он родился в иле, одним из основателей которого был его прадед. Он носил нисбу ал-Кашгари — по городу, который сами тюрки называли Ордукент — «столица». Он вырос среди народа, который называл хаканийя и который, по его словам, говорил на «самом ясном и самом сладостном из тюркских языков». Центром мира на своей карте он сделал Кашгар и Семиречье. В его «Диване» собрано свыше 9 тыс. тюркских слов и большинство их — из языков племен Кашгарии и Семиречья. Махмуд не стал летописцем своего края, не стал и его поэтом. Но записывая и толкуя слова, он рассказывает и о носителях языка, о том, где они живут и с кем общаются, какие они поют песни и чем они заняты. По этим сведениям нельзя восстановить их историю, но можно многое узнать об их жизни, обществе и культуре. Караханидское государство предстает в «Диване» как бы изнутри, и эту благодатную для историка и социолога особенность еще только предстоит использовать.

Вот некоторые примеры важности сведений Махмуда. «Жители городов Кашгарии, — пишет он, — говорят на хаканийско-тюркском языке». Вряд ли требуется более веское подтверждение тому, что в середине XI в. основными носителями оседлой и даже городской культуры на востоке тогдашнего тюркского мира были сами тюрки, вчерашние кочевники. Богатая средневековая городская культура Восточного Туркестана и Семиречья открыта археологами. «Диван» Махмуда открыл нам, кто же были горожане его времени.

А вот и другое следствие изменения этнического состава городов — тюркский язык жителей городов или тех из тюрок, кто с ними постоянно общается, Махмуд называет «порченным». Тут же следует объяснение — хотя тюрки и возобладали среди населения городов Кашгарии и Семиречья, вместе с ними там жили согдаки и кенчжеки, аргу и хотанцы, тибетцы и тангуты. Груз культурных и исторических традиций был в городах слишком велик, и Махмуд не без грусти свидетельствует, что лишь те из тюрок, кто сохраняет прежний кочевой образ жизни, не общаются постоянно с горожанами, сохраняют самый чистый и правильный язык.

Особое место в Караханидском государстве Махмуд отводит согдийцам, первым носителям среднеазиатской городской культуры в некогда исконных областях кочевого быта. В городях Восточного Туркестана и Семиречья согдийский язык, по свидетельству Махмуда, столь же распространен, как и тюркский. Археологи давно установили, что согдийское заселение Восточного Туркестана и Семиречья началось за 700—800 лет до времени Махмуда. Однако только его «Словарь» фиксирует переживание согдийского языка и культуры в Караханидском государстве, в то время как у себя на родине, в Самарканде и Бухаре, согдийцы утратили свой язык под натиском дари (фарси), а их культура оказалась ассимилированной общемусульманской образованностью халифата. Теперь получены новые документальные подтверждения точности и надежности информации Махмуда, расширяющие наши сведения о культурном воздействии согдийцев на тюрков и уйгуров караханидской эпохи. На территории Киргизии, недалеко от Таласа, в ущелье Терексай, еще в начале века были обнаружены наскальные курсивные надписи. Ныне установлено, что надписи эти — посетительская эпиграфика караханидских князей X в. (одного из них звали Кюльтегин Алитархан), написаны они по-согдийски, а датированы эрой Йездирерда⁵⁸. Другой документ конца X — начала XI в. — ярлык уйгурским письмом из Восточного Туркестана. В нем упомянуты два пленника-согдийца и при этом добавлено, что переписка между тюркскими князьями о судьбе пленников велась первоначально на согдийском языке⁵⁹.

Хорошо известны споры о том, какой же из племенных языков Караханидского государства был родным языком Махмуда. Обычно эти споры сводятся к попыткам этнической атрибуции Караханидов. В. В. Бартольд, как бы предвосхищая критику столь узкой постановки вопроса, еще в 1926 г. писал: «Караханиды называли себя только турками и домом Афрасиаба; ни одна из существовавших турецких народностей не имела в их государстве преобладания и ни один источник не гово-

⁵⁸ Кляшторный С. Г., Лившиц В. А. Согдийская надпись из Бугута / Сб.: Страны и народы Востока. 1971. Т. 10. С. 137.

⁵⁹ Тигушева Л. Ю. Ярлыки уйгурских князей из рукописного собрания ЛО АН СССР / Тюркологический сборник. 1971, 1972. С. 248.

рил, из какой народности вышла сама династия»⁶⁰. Означает ли сказанное В. В. Бартольдом полную детрибализацию караханидского общества и усвоение им не племенной, а какой-то иной государственно-правовой традиции? «Диван» Махмуда свидетельствует, что племена не исчезли, племенное деление сохраняло вполне реальное значение, хотя территориально разбросанные и раздробленные на группировки племена уже не представляли собой некоего политического единства или культурно-идеологической общности, если говорить о каждом из них в отдельности. В самом деле, что общего, кроме происхождения, было у двух групп чигилей, одна из которых названа в «Диване» «племенем кочевников», а о другой говорится как о жителях города близ Тараза, поселившихся там в столь незапамятные времена, что Махмуд приписывает постройку их города Искандеру Зу-л-Карнайну. Вместе с тем Махмуд отмечает и другую тенденцию: он противопоставляет государственный язык, который называет «хаканийским», другим племенным языкам, противопоставляет «речь тюрок» речи туркмен, огузов, чигилей, ягма, кыргызов.

К востоку от Кашгарии лежало буддийское государство уйгурских идикутов с центрами в Турфане (Кочо) и Бешбалыке. В описании уйгуров Махмуд прежде всего подчеркивает их экономическую и социальную близость иранскому населению Восточного Туркестана и Средней Азии, наличие у них высокой письменной культуры. В частности, Махмуд упоминает два алфавита, которыми пользуются уйгуры. Один из них, общеизвестный курсивный, из 24 букв, Махмуд называет «тюркским письмом». Про второй же говорит, что он употребляется для деловых бумаг и читать его умеют только «неверные», т. е. только уйгуры-немусульмане. Почти несомненно — речь идет о древнетюркском руническом алфавите. Вспомним, что самые поздние памятники этого письма связаны именно с Турфаном и что самые ранние уйгурские юридические документы, найденные в Турфане и Дуньхуане, в отличие от основной их массы написаны руническим письмом. Запись Махмуда является, таким образом, последним свидетельством, подтверждающим бережливое бытование рунического письма у турфан-

⁶⁰ Бартольд В. В. Лекции по истории турецких народов Средней Азии / Сочинения. М., 1968. Т. 5. С. 93.

ских уйгуров⁶¹. Из известных нам памятников лишь рунический колофон одной из уйгурских рукописей В. Банг пытался датировать XI—XII вв.⁶².

Махмуд Кашгарский сам принадлежал к роду каранидских ханов. Его отец, Хусейн ибн Мухаммад, был эмиром Барасхана, а его дедом был великий каган (1041—1052 гг.) Мухаммед ибн Юсуф Кадырхан. Но всю свою жизнь Махмуд посвятил собиранию жемчужин тюркского фольклора и объяснению строя тюркского языка. Свою работу он завершил в далеком от родины Исфахане, тогдашней столице государства Сельджуков, в 1083 г. и посвятил свой труд багдадскому халифу. И, может быть, тоской по родным местам и оставленным на востоке сородичам объясним выбор записанной Махмудом кашгарской песни:

Я плакал, я погибал!
Я бередил раны моей души!
Я преследовал убежавшее
счастье,
А в дождливый день
кровоточило
(мое сердце)!

...Восточный Туркестан не претерпел тяжелого урона в ходе монгольских завоеваний. Но именно в период междоусобных войн монгольских князей начался упадок Турфана, Хотана, Яркенда и других городов страны. В XIII—XIV вв. окончательно угасла древняя цивилизация Сериндии, ее высокоразвитая буддийская культура. Оазисы Таримского бассейна стали окраиной чагатайского улуса.

После распада чагатайского улуса и гибели государства Моголистан один из чагатайских эмиров султан Саид-хан основал в 1514 г. новое государство с центром в Яркенде. Впоследствии оно получило название Могольского государства, хотя его основателями и основным населением были тюркские племена. В 1516 г. султан Саид-хан разделил новое государство на два фактически

⁶¹ Возможно, что Фахр ад-дин Мубаракшах Марварруди, писавший столетием позднее Махмуда, также упоминает о рунической письменности, которую он называет «токуз-огузской», т. е. уйгурской. См.: *Щербак А. М.* О рунической письменности в юго-восточной Европе // Советская тюркология. 1971. № 4. С. 81.

⁶² См.: *Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 50.

независимых владения. Сам он сохранил свою ставку в Яркенде, а восточная часть страны со ставкой в Турфане осталась за его братом Мансур-ханом. Лишь в 70—90-х гг. XVI в. и 40—60-х гг. XVII в. Турфанское владение подчинилось яркендским ханам. До самого последнего года правления чагатаидов в Восточном Туркестане оба владения вели независимую политику и были двумя отдельными государствами.

Могольские эмиры в Яркенде отнюдь не отказались от претензий на западную и центральную части распавшегося Моголистана, где кочевали казахи и киргизы. Именно поэтому сын и наследник султана Саид-хана, умершего в Тибетском походе в 1533 г., Абу-ар-Рашид-хан (ум. в 1559 г.), опираясь на союз с шейбанидами, вел длительные войны с казахами и киргизами, пытался овладеть Ферганой. Ответные акции не заставили себя ждать — наместник хана в Аксу, его старший сын Абу-ал-латиф, был разгромлен объединенными силами киргизов и казахов. В ответном походе 1555—1556 гг. Абу-ар-Рашид разбил союзников на Иссык-Куле. Впрочем, учитывая враждебность правителей Турфана и Чалыша (Карашара) Мансур-хана (ум. в 1544 г.) и его сына Мухаммада (ум. в 1570 г.), Абу-ар-Рашид не мог позволить себе слишком углубляться в среднеазиатские дела и надолго оставлять без прикрытия свой тыл на востоке. Военные ресурсы Моголии не были велики, армия Абу-ар-Рашида при полном напряжении сил не превышала 40—50 тыс. воинов. Сын и наследник Абу-ар-Рашида — Абду-аб-Карим (ум. в 1591 г.) твердо продолжал политический курс отца, но обреченность его претензий на прежние моголистанские земли полностью выявилась. К времени его кончины киргизы заняли Северный Тянь-Шань от Чалыша до Чу-Таласского междуречья, а также утвердились в Фергане и Алайской долине.

Соперниками ханской власти в Яркенде были главы мусульманского духовенства в Могольском государстве. Организованные и поддержанные ими сепаратистские движения заставили Абдал-Карим-хана выдворить из столицы могущественного основателя черногорской линии ходжей Мухаммад Исхак-Вали. Впрочем, политическое влияние ходжей продолжало крепнуть. Обострилась и вражда яркендских ханов с турфанскими князьями, которых поддерживали казахи. Особенно усилились турфанские влияния при Абдаллахе ибн ар-Рахим-хане,

когда, в 30—60-е гг. XVII в. оно стало фактически полностью независимым. Более того, турфанский князь в 1638 г. подчинил себе Яркенд и объединил оба государства под своей эгидой, хотя и ненадолго.

С начала XVI в. усилилось вмешательство в дела обоих могольских государств Джунгарских ойратов (калмыков). Особенно остро ощущалось политическое давление в Чалыше и Турфане. Впрочем, турфанские владельцы сами не раз использовали ойратов в своих междоусобных войнах. Яркендские ханы включали в состав своего войска ойратские отряды. Резкий рост ойратского влияния на внутренние дела Восточного Туркестана обозначился при могущественном джунгарском владельце Батур-хунтайджи (1634—1653 гг.). В 1665 г. ойраты одновременно напали на Керию, Чалыш, Аксу и Кашгар. Правитель Яркенда Абдаллах-хан, соперников которого поддерживали ойраты, вынужден был бежать в Индию. После его бегства правители ойратов Сенге и Элдан-тайджи поддерживали двух соперничающих чагатаидов. На короткое время власть в Яркенде захватил с помощью Сенге Юльбарс-хан. Элдан-тайджи провозгласил ханом в Аксу его соперника Исмаила, который в 1670 г. овладел Яркендом. Окончательное подчинение Восточного Туркестана ойратами относится ко времени Галдан-Бошоку-хунтайджи, который между 1679 и 1685 гг. совершил четыре похода в эту страну. Смещенный в 1681 г. Исмаил-хан был уведен в плен. Последние могольские ханы — чагатаиды — были марionетками ойратских хунтайджей. Сначала на трон был посажен Абдрашид, участник похода Галдана на Яркенд. Он правил недолго, его сменил Мухаммед Имин, погибший в борьбе с белогорским ходжей Изамталлахом (ходжей Аппаком), власть в Кашгаре окончательно перешла в руки соперничающих группировок белогорских и черногорских ходжей. В борьбе с белогорскими ходжами и киргизами погибает под Янги-гиссаром (1696 г.) последний чагатаид Мухаммед-Мумин (Акбаш-хан). Конец ойратскому владычеству и власти ходжей положило маньчжурское завоевание 1756—1760 гг.

Именно в этот период в Восточном Туркестане появляется заброшенный туда случайностями своей непростой судьбы первый русский военный путешественник, составивший описание пройденного им пути — унтер-офи-

цер Ф. Ефремов⁶³. Он покинул Бухару и стремился в Индию, откуда надеялся вернуться в Россию. Он шел труднейшим путем — через Кашгарию и Тибет. И тщательно зафиксировал свой путь через Кашгар и Яркенд. Кроме топографических и маршрутных наблюдений, Ефремов фиксирует любопытные детали торгово-экономической и повседневной жизни. Так, он упоминает не только бухарских торговцев, с которыми пришел в Кашгар, но и купцов из России — татар, привезших русские товары. Здесь впервые сталкиваются два рынка — восточный (китайско-среднеазиатский) и русский, здесь в конце XVIII в. появляется контактная зона, еще только обозначившая новую эпоху, соединившую цивилизации России и Центральной Азии. И саму историю и культуру Центральной Азии уже невозможно понять и осветить без трудов русских путешественников.

⁶³ Российского унтер-офицера Ефремова, ныне коллежского асессора, десятилетнее странствование и приключение в Бухарии, Хиве, Персии и Индии и возвращение оттуда через Англию в Россию, писанное им самим. Спб., 1786.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА В РОССИИ

Наука располагает значительным объемом информации, связанной с изучением Востока, в том числе такого обширного региона, как Восточный Туркестан (Кашгария). Большая часть исследований, посвященных этой стране, приходится на вторую половину XIX в., когда здесь смогли побывать представители как Азии, так и Европы.

Немецкий путешественник А. Шлагинтвейт в 1857 г. проделал путь из Кашмира через Яркенд в Кашгар¹. В 1865 г. английский геодезист Джонсон через Куэнь-Лунь спустился в Хотан, затем дошел до р. Керии. Кашгар в 1863—1869 гг. посетили английские путешественники Р. Шоу и Гейуорд. Через год сюда прибыла первая английская миссия во главе с Д. Форсайтом, которая в 1873 г. приехала вторично и провела в Кашгаре более трех месяцев. Интересный маршрут был у английского офицера Янхасбанда, который в 1888 г. проследовал из Пекина в Индию через города Восточного Туркестана: Турфан, Кашгар, Кучу, Аксу, Карашар и Яркенд. Спустя год совершили поездку в Восточный Туркестан французский путешественник Доверн и английские офицеры Кумберленд и Боуэр.

В этой стране во второй половине XIX в. неоднократно бывали и китайские путешественники.

Но особенно участились иностранные экспедиции в Восточный Туркестан начиная с конца XIX в. и кончая первой четвертью XX в. Один за другим посетили страну путешественники из Швеции (Гедин), Германии

¹ Погиб, став жертвой правившего тогда хана Вали.

(А. Грюнведель, А. Лекок), Франции (Д. де Рейнс и П. Пелльо), Японии (К. Отани, Т. Ханеда), Италии (Ф. де Филиппини) и т. д. Наиболее примечательны и результативны три экспедиции английского ученого А. Стейна (1900—1901; 1906—1908; 1913—1915 гг.), который обследовал почти всю территорию Восточного Туркестана и опубликовал около 20 книг.

Интерес к Кашгарии европейцев подогревался, с одной стороны, ее малой изученностью (долгое время, как известно, она оставалась доступной только для азиатов), с другой — стремлением проникнуть на этот важнейший «перекресток» Центральной Азии, где проходили главные пути мировой торговли из Китая в Индию, Бухару и т. д.

Счастливая участь в изучении Восточного Туркестана выпала на долю России, ее посланцы посещали страну неоднократно, начиная с XVI в. Первые сообщения о Кашгарии привезли казацкие атаманы Иван Петров и Бурнаш Ямышев, посланные в Китай в 1567 г. по распоряжению Ивана Грозного. В 1620 г. в Китай через Восточный Туркестан проследовал сибирский казак Иван Петлин. Но наиболее подробные данные об этой стране впервые приведены в донесении сибирского губернатора М. П. Гагарина Петру I. Документ составлен главным образом на основании распросных сведений, полученных от купца Ф. Трушникова, отправленного сибирским губернатором в Китай в 1713 г.²

В конце XVIII в. в Кашгарии побывал унтер-офицер Ф. Ефремов. В 1774 г. он был взят в плен киргизами и продан в Бухару, откуда под видом торговца бежал через Восточный Туркестан в Индию и затем в Лондон. В дошедшей до нас его книге «Странствия Ефремова», впервые изданной в 1786 г. в Санкт-Петербурге, есть интересные сведения, касающиеся административного управления Восточным Туркестаном, торговли, городов Кашгара, Яркенда, Аксу, Хотана³. Добирались до этих мест и русские подданные купцы Григорий и Данила Атанасовы, путешествуя в 1790—1807 гг. по Ближнему Востоку, Ирану и Афганистану. По возвращении они составили краткий отчет о том, что им удалось увидеть и узнать.

² См.: Известия о песочном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях. Спб., 1760.

³ См.: *Ефремов Ф. Девятилетнее странствие*. М., 1950.

В начале XIX в. в Восточный Туркестан приезжал грузинский путешественник Р. Данибегашвили, которого интересовали главным образом природные богатства, административное устройство, населенные пункты края.

Экспедиции, снаряжаемые в Восточный Туркестан еще со времен Петра I, отражали естественное стремление Российской державы к налаживанию отношений со своими соседями. Важное значение имело установление сухопутных связей и именно с Кашгарией, а через нее — с Китаем и Индией.

С еще большей остротой эта проблема встала в России во второй половине XIX в. К этому времени в сильной степени изменилась общественно-политическая обстановка и в Азии, и в самой России. Главными событиями, предопределившими ее, были антицинское восстание уйгуров и дунган на северо-западе Цинской империи, создание Якуб-беком в Кашгарии независимого государства Ийиттишар, вхождение русских войск в Илийский край, включение среднеазиатских ханств Коканда, Хивы и Бухары в состав Российской империи. Значимость изучения Восточного Туркестана для России повышал и тот политический и торгово-экономический интерес, который проявляла к этой стране Англия.

Таким образом, изучение Восточного Туркестана стало для России задачей государственной важности.

Отметим, что та общественно-политическая обстановка, сложившаяся к концу XIX в., о которой говорилось выше, способствовала знакомству с Восточным Туркестаном через купцов, дипломатические миссии и путешественников.

Изучение сопредельной Кашгарии велось по различным направлениям. В число организаций и учреждений, в той или иной степени занимавшихся исследованием региона Центральной Азии, входили: министерство иностранных дел, внутренних дел, финансов, военное ведомство; различные объединения русских промышленников — Общество содействия русской промышленности и торговли, Ташкентское купеческое общество и др.; научные учреждения — Русское географическое общество, восточные факультеты Петербургского и Казанского университетов (позже к ним добавились Общество востоковедения, Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, Общество русских ориенталистов). Но ведущее место в этой работе принадлежало военному

ведомству и Русскому географическому обществу. Русские генералы и офицеры принимали самое деятельное участие в организации и проведении экспедиций, поездок, посылке миссий. Они составляли подробные статистические описания посещенных районов, обобщали материал большой научной ценности географического, этнографического, социально-экономического характера. В этих отчетах находили отражение не только профессионализм военного, но зачастую проявлялась эрудиция в области географии и истории.

В целом отчеты и сообщения о поездках офицеров Генерального штаба в Азию и, в частности, в Восточный Туркестан, можно рассматривать, на наш взгляд, как широкие научные рекогносцировки малоизученной территории с подробными данными о характере местности, климата, флоры и фауны, с описанием жизни, быта, нравов и обычаев населения, состояния его торговых и экономических отношений, развития городов, государственного устройства.

Первым представителем России, посетившим его в 50-х гг. XIX в., был выдающийся казахский ученый Ч. Ч. Валиханов. Являясь офицером по особым поручениям при генерал-губернаторе Западной Сибири, он совершил поездки на Тянь-Шань, в Джунгарию, Восточный Туркестан. Его исследования вошли в научные труды, которые оценены еще современниками как важный вклад не только в русское, но и мировое востоковедение. Материалы, собранные Ч. Ч. Валихановым по Восточному Туркестану, особенно в период его пребывания в Кашгаре (октябрь 1858 — март 1859 гг.), и в настоящее время представляют большую научную ценность, так как содержат результаты исследований по истории, этнографии и географии этого края. Более того, Ч. Ч. Валиханов был одним из первых, кто поднял вопрос о насущной необходимости изучения Центральной Азии: «Над Средней Азией висела до сих пор какая-то таинственная завеса. Несмотря на близкое соседство двух могущественных европейских держав, России и Англии, большая часть ее все-таки остается для европейской науки во многих отношениях недоступною... сбивчивые и противоречивые данные, существующие в нашей географической литературе о Средней Азии, делают эту страну, если не совершенно *terra incognita*, как говорилось в старину, то, по крайней мере, трудным научным ребусом, а о средне-

азиатском человеке мы почти ничего не знаем»⁴. По мнению известного ученого А. Н. Бернштама, Ч. Ч. Валиханов первым начал «экспедиционное обследование Восточного Туркестана в историко-этнографическом отношении»⁵.

Как известно, за вклад в изучение Восточного Туркестана Ч. Ч. Валиханов был избран членом Русского географического общества, тем самым признаны его научные заслуги в русском востоковедении.

После экспедиции Ч. Ч. Валиханова некоторое время Россия воздерживалась от посылки в Восточный Туркестан своих представителей. И только после того, как в результате национально-освободительного движения уйгуров и дунган образовались несколько независимых владений, для переговоров с главой Иэйттишара Якуббеком в 1868 г. туда был направлен капитан Генерального штаба Рейнталь. Миссия от России была призвана еще раз продемонстрировать ее интерес к этой стране, дать понять об искреннем желании иметь с Кашгарией торговые отношения. Рейнталь собрал ценнейшие данные о состоянии внутривосточной и экономической жизни Восточного Туркестана в этот период. Те же цели преследовали и две последующие миссии в Кашгар капитана Генерального штаба барона Каульбарса в 1870 и 1872 гг., а также вторичная — Рейнталья в 1875 г.

Поездки русских путешественников знаменовали собой новый этап в изучении Восточного Туркестана. «Как с 1865 по 1876 год был, так сказать, английский период путешествий по Восточному Туркестану,— писал известный исследователь Центральной Азии М. В. Певцов,— так с весны 1876 года начинается русский период»⁶.

Путешественники, стремившиеся в Восточный Туркестан, олицетворяли собой категорию людей, увлеченных научной идеей, а потому от них часто исходили предложения о необходимости изучения Кашгарии в познавательных целях. Историк В. Н. Татищев писал, что «правительствующему Сенату довольно известно, что геогра-

⁴ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 325.

⁵ Бернштам А. Н. Проблемы истории Восточного Туркестана // Вестник древней истории. 1947. № 2. С. 52.

⁶ Певцов М. В. В дебрях Азии. Спб., 1897. С. 14.

фическое совершенное всё государства описание необходимо нужно и всякому знать полезно».

Благородную задачу научного исследования Восточного Туркестана поставило перед собой Русское географическое общество (РГО), образованное в 1845 г. И то, что это общество было в известной степени официальным правительственным учреждением, опиравшимся в своей деятельности на Российскую Академию наук и Военное ведомство, помогало делу. Вице-президентом и фактически главой Русского географического общества на протяжении более двадцати лет был выдающийся русский мореплаватель и географ вице-адмирал Ф. П. Литке. Ему принадлежат слова, ставшие программными в деятельности членов общества: «Не говоря уже об общем интересе, который эта наука представляет для всякого образованного человека,— писал он о географии,— ни о пользе, которую она приносит со стороны образования народного, укажем только на то, сколь важно для России исследование в географическом отношении земель с ней сопредельных»⁷.

Ведущее место в деятельности РГО занимали военные. В числе его основателей были известные путешественники — генерал-адъютант Ф. Ф. Берг, генерал-майор М. П. Вронченко. Членом Совета общества длительное время состоял генерал Д. А. Милютин⁸, автор Устава Общества, с именем которого тесно связана организация исследовательских работ по изучению Азии. Являясь многие годы профессором Николаевской военной академии Генерального штаба, Д. А. Милютин оказывал большое влияние на формирование и направленность деятельности офицеров Генерального штаба в деле изучения географии и экономики, этнографии заграницы, особенно Азии. Став военным министром и пробыв на этом посту 20 лет, Д. А. Милютин осуществлял руководство деятельностью военного ведомства по изучению зарубежных

⁷ Цит. по: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 348.

⁸ Милютин Дмитрий Алексеевич (1816—1912 гг.)—русский государственный и военный деятель. Генерал-фельдмаршал. Окончил Благородный пансион при Московском университете и Военную академию. С 1845 г. — профессор Военной академии. В 1856—1859 гг. — начальник Главного штаба Кавказской армии. В 1861—1881 гг. — военный министр России. Провел буржуазные военные реформы (60—70-е гг.). При нем был сформирован Генштаб. С 1877 г. фактически руководил русской внешней политикой.

стран. Фактически этот человек явился родоначальником русской военной географии и военной статистики как отрасли науки. Его перу принадлежит труд «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики», ставший программой деятельности многих русских путешественников и исследователей.

Достойным продолжателем Д. А. Милютина в деле географических исследований стран Азии явился генерал Н. Н. Обручев, видный либеральный военный и государственный деятель, много лет возглавлявший кафедру Военной статистики в Николаевской военной академии. Став впоследствии начальником Главного штаба, Н. Н. Обручев особое внимание обратил на изучение Азии. Созданный по его инициативе Военно-ученый комитет Главного штаба приступил к изданию «Сборников географических, топографических и статистических материалов по Азии». К началу первой мировой войны вышло 87 выпусков такого Сборника. В большинстве своем это были серьезные, обстоятельные исследования по географии, экономике, этнографии сопредельных с Россией стран Азии.

Знакомство со статистическими исследованиями офицеров Генерального штаба показывает, что, хотя они носили военно-прикладной характер, тем не менее материал, собранный в путешествии, являлся результатом проведенных этнографических, демографических и прочих исследований и давал яркую картину положения страны и ее народа. Военно-статистические описания требовали от авторов максимальной достоверности. Личные наблюдения путешественников, которые велись в процессе непосредственных контактов с местным населением, были зачастую единственным источником характеристики народа, его занятий, быта и нравов.

Надо особо отметить, что офицеры Генерального штаба ко второй половине XIX в. имели уже большой опыт статистического описания. С конца 30-х гг. Военное министерство приступило к изданию многотомного труда «Военно-статистическое обозрение Российской империи», в котором содержались самые разнообразные сведения о природных условиях, населении, нравах, обычаях, о состоянии сельскохозяйственных промыслов, ремесел, промышленности и торговли. Тогда же стали публиковаться «Материалы для географии и статистики России», собранные и систематизированные офицерами

Генерального штаба. Этот солидный географический и военно-статистический труд по праву можно считать одним из важных источников по всестороннему краеведческому исследованию России и сопредельных стран, особенно Центральной Азии.

При прямом участии военного ведомства были приняты первые попытки детального исследования региона, проведения геодезических, топографических и других работ.

Одним из выдающихся русских исследователей, отдавших много сил изучению Центральной Азии и, в частности Восточного Туркестана, являлся офицер Генерального штаба Николай Михайлович Пржевальский. После своей знаменитой экспедиции в Уссурийский край (1867—1869 гг.) он одно за другим предпринял четыре больших путешествия в неизведанные районы Центральной Азии, и всякий раз маршруты пролегали через Восточный Туркестан.

Особый интерес из них представляют так называемые второе и четвертое центральноазиатские путешествия. В ходе второго (1876—1877 гг.) экспедиция подполковника Н. М. Пржевальского исследовала в Кашгарии бассейн р. Тарим и оз. Лобнор. Записки путешественника, изданные в Санкт-Петербурге в 1878 г., содержали обстоятельное описание географических особенностей местности, климата, быта, обычаев и рода занятий лобнорцев⁹.

В четвертое путешествие (1883—1885 гг.) Н. М. Пржевальский отправился уже в чине полковника. Маршрут проходил от Кяхты через Монголию и Алашань в Кукунор, оттуда на запад на Лобнор в Кашгарию. Главное внимание исследователь уделил южным оазисам Восточного Туркестана: Черчену, Нии, Керии, Чире, Хотану и району Русского хребта. Н. М. Пржевальский и члены его экспедиции (из которых особо выделялся поручик В. И. Роборовский), составили подробное описание каждого района. На карту были нанесены пути по неизвестным ранее районам. Метеорологические наблюдения позволили определить и уточнить климатические особенности. Большое значение имели исследования русских путешественников, проводившиеся во время

⁹ См.: *Пржевальский Н. М.* От Кульджи за Тянь-Шань и на Лобнор. Спб., 1878; Изд. 2-е. М., 1947.

экспедиции по выявлению этнографических процессов, происходивших в крае¹⁰.

Одновременно с Н. М. Пржевальским Восточный Туркестан посетили три русские экспедиции. Первая из них преследовала военно-дипломатические и экономические цели. Под руководством капитана Генерального штаба Ю. А. Сосновского экспедиция проследовала через Хамийский оазис в Китай (1874—1875 гг.). Члены делегации врач П. Я. Пясецкий и топограф Э. Л. Матусовский собрали ценный материал по характеристике Хами в географическом и этнографическом отношениях¹¹.

Результативной была экспедиция в 1876—1877 гг. по Северо-Западной Монголии известного исследователя Г. Н. Потанина, побывавшая в Хами и собравшая ценный этнографический материал.

Одновременно со вторым путешествием Н. М. Пржевальского в 1876 г. в Восточный Туркестан ездила дипломатическая миссия во главе с капитаном генерального штаба А. Н. Куропаткиным¹², вместе с которым для переговоров с правителем Кашгарии Якуб-беком были посланы штабс-капитаны Старцев, Сунаргулов и натуралист Вилькинс. Маршрут миссии пролегал из Оша через Кашгар, Марал-баши, Аксу и Куча в Курлю. Отсюда А. Н. Куропаткин и Вилькинс совершили поездку в Кашгар. Из Курлю миссия возвратилась в 1887 г. в Фергану, кроме штабс-капитана Сунаргулова, который через Уч-Турфан и перевал Бедель направился в город Каракол. Результатом этого продолжительного путешествия, помимо официальных отчетов, было издание книги А. Н. Куропаткина, которая была удостоена Малой золотой медали РГО¹³.

¹⁰ См.: *Он же*. От Кяхты на стоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лобнор по бассейну Тарима. СПб., 1888. С. 388.

¹¹ См.: *Пясецкий П. Я.* Путешествие по Китаю в 1874—1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. М., 1882. Т. 1.

¹² Куропаткин Алексей Николаевич (1848—1925 гг.) — видный государственный деятель. Окончил Павловское военное училище (1866 г.) и Академию Генштаба (1874 г.). В 1866—1871 гг., 1875—1877 гг. и 1879—1883 гг. служил в Туркестане. Участник русско-турецкой войны. Генерал от инфантерии (1901 г.), генерал-адъютант (1902 г.). В 1898—1904 гг. — военный министр. Автор ряда военно-исторических и военно-географических трудов.

¹³ См.: *Куропаткин А. Н.* Кашгария: Историко-географический очерк страны, ее военные силы, промышленность и торговля. СПб., 1879.

В августе 1885 г. капитан Генерального штаба Галкин прошел из Нарынского укрепления через перевал Тургарт в Кашгар. Пробыв 20 дней в этом городе, он возвратился по другой дороге через перевалы Теректы и Богушты в Нарын. Им был составлен подробный обзор вооруженных сил Кашгарии¹⁴.

В конце 1885 г. в Восточный Туркестан был командирован штабс-капитан Б. Л. Громбчевский¹⁵, офицер для особых поручений военного губернатора Ферганы. Из Оша он прошел через Кашгар и Яркенд в Хотан, а оттуда через Саньджу вернулся в Яркенд и направился по прежней дороге в Ош. Впоследствии Б. Л. Громбчевский совершил несколько путешествий по Средней и Центральной Азии: исследовал верховье Сырдарьи, Нарына, Сусамыра, Ферганский и Александровский хребты; был первым представителем России, посетившим княжество Хунзу и составившим подробное описание Восточного Гиндукуша. В 1891 г. Б. Л. Громбчевский вторично путешествовал по Кашгарии. Спустившись с Тибетского нагорья в Хотан, он проследовал оттуда через Керию в Нию, затем направился в Куэнь-Лунь и прошел по его северному предгорью до Полу. Совершив экскурсию на Тибетское нагорье, Б. Л. Громбчевский через Хотан, Пиальму, Кок-яр, Тохта-хон, Услюшь, Тор-аузы и Ак-том вышел в Яркенд и возвратился через Янги-гиссар и Кашгар в Ош. Посещение Б. Л. Громбчевским Кашгарии подробно описано в 1 томе его трехтомного труда «Путешествие по Средней Азии», вышедшего в Варшаве на польском языке после смерти автора¹⁶.

Другой известный русский путешественник и географ Г. Е. Грум-Гржимайло¹⁷ впервые совершил свою поезд-

¹⁴ Сборник материалов по Азии. Спб., 1886. Вып. 24. С. 128.

¹⁵ Громбчевский Бронислав Людвигович (1855—1905 гг.) — путешественник. Окончил гимназию, поступил на военную службу. В 1885 гг. был командирован в Кашгарию и Тянь-Шань. В 1903—1905 гг. — астраханский губернатор.

¹⁶ См.: Токарев С. А. История русской этнографии. М., 1966. С. 351.

¹⁷ Грум-Гржимайло Григорий Ефимович (1860—1936 гг.) — лепидоптеролог, географ. Окончил Петербургский университет (1883 г.) со степенью кандидата естественных наук. Занимался исследованиями фауны Крымского полуострова (1881 г.), Подольской губернии (1882 г.), Бессарабии (1882 г.), Калмыцкой степи (1883 г.). Предпринял экспедиции в Припамирскую область (1884 г.), горную Бухару (1885 г.), Западный Тянь-Шань, Кашгар, Южную Фергану (1886 г.), Восточный Памир и Сарыкол (1887 г.), Западный Китай (1889—1890 гг.), Западную Монголию и Урянхайский край (1902 г.).

ку в западный Тянь-Шань и Кашгар в 1886 г. В 1889—1890 гг. Грум-Гржимайло предпринял свое большое путешествие в Западный Китай по маршруту: Илийская область, Джунгария, Восточный Туркестан, Бэйшань, Ганьсу, Амдо, Куку-юр, Нань-Шань. Свои впечатления о Восточном Туркестане он подробно изложил в труде «Описание путешествия в Западный Китай».

В том же 1886 г. Восточный Туркестан посетили еще двое русских путешественников: А. Н. Краснов, занимавшийся геоботаническими исследованиями, и доктор Зеланд, собравший обширные ботанические и орнитологические коллекции. А. Н. Краснов прошел через перевал Бедель до Уч-Турфана и после двухдневного пребывания в нем возвратился по прежней дороге в Каракол. Доктор Зеланд отправился в путь из Верного через Нарынское укрепление, поселок Ат-баш и перевал Тургарт в Кашгар, а оттуда через Марал-баши в Аксу, из которого через Уч-Турфан и перевал Бедель вернулся в Каракол.

Достойным продолжателем исследований Н. М. Пржевальского в Центральной Азии явился генерал-майор М. В. Певцов. Именно ему было поручено возглавить большую экспедицию в Восточный Туркестан, подготовленную, но так и не осуществленную Н. М. Пржевальским. К тому времени Михаил Васильевич Певцов был уже опытным путешественником: позади остались продолжительная служба в Сибири, две самостоятельные экспедиции в Джунгарию (1876 г.) и Северную Монголию (1878—1879 гг.), плодотворная работа в Русском географическом обществе, членом которого он состоял с 1876 г.¹⁸

Экспедиция в составе М. В. Певцова, поручика В. И. Роборовского, подпоручика П. К. Козлова и геолога, горного инженера К. И. Богдановича выступила из Каракола в мае 1889 г. и проделала долгий и нелегкий путь по территории Восточного Туркестана: через перевал Бедель до Яркенда, затем через Каргалык в горы Куэнь-Луня; через урочище Тохтахон в Хотан, оттуда через Чиру и Керию в Нию; из Нии — экскурсии на юго-восток в Куэнь-Лунь и в пустыню Такла-Макан; возвращение в Карасай и путь на Бобнер по северному предгорью Куэнь-Луня через Кона, Аган и Черген.

¹⁸ В «Записках Западно-Сибирского отдела РГО», издававшихся в Омске, были опубликованы работы М. В. Певцова.

Путешествие М. В. Певцова, уникальное по своим маршрутам, дало важный по содержанию научный материал о Восточном Туркестане. Участники экспедиции собрали богатейшие данные по истории, географии, этнографии, провели топографические и геодезические съемки, определили координаты многих пунктов. Научные результаты этого путешествия были изложены в ценнейшей работе «Труды Тибетской экспедиции под начальством М. В. Певцова», которая вышла в свет в трех частях в 1895—1896 гг. Этот серьезный научный труд сохраняет свою актуальность и ценность по сегодняшний день.

Многое сделал для изучения Восточного Туркестана Всеволод Иванович Роборовский. Участие в Тибетской экспедиции Н. М. Пржевальского явилось большой школой для молодого исследователя. Впоследствии он принял участие в четвертом путешествии Н. М. Пржевальского. После окончания Николаевской академии Генерального штаба В. И. Роборовский отправился в неосуществленную Н. М. Пржевальским пятую экспедицию в Центральную Азию под началом М. В. Певцова. В 1893—1895 гг. В. И. Роборовский возглавил самостоятельную экспедицию в Восточный Туркестан. Основное внимание он и его помощники В. Ф. Ладыгин и Шестаков уделили изучению Хамийского и Турфанского оазисов. Собранные материалы имели большую научную ценность, так как касались самых различных отраслей знаний — географии, этнографии, гидрологии, метеорологии. Достаточно сказать, что образцы санскритских, древнеуйгурских и древнекитайских рукописей, привезенные экспедицией, послужили основой для целой серии последующих археологических, исторических и филологических исследований. В научном мире экспедиция В. И. Роборовского была оценена как событие «величайшей важности»¹⁹.

Российская Академия наук, приняв во внимание необходимость продолжения работ по исследованию Восточного Туркестана, главным образом его древней культуры, направила в Восточный Туркестан специальную археологическую экспедицию во главе с Д. А. Клеменцем. По существу, это была первая европейская археологическая экспедиция, посланная в Восточный Туркестан.

¹⁹ Бейкер Д. История географических открытий и исследований. М., 1950. С. 349.

стан. Группа Д. А. Клеменца прибыла в Турфанский округ в 1898 г. и пробыла там четыре месяца, обследовав более десятка важнейших исторических объектов, в том числе старый город Яр-Хото, Индукшари, Сенчим-Агоу, Безеклик, Туюк-Мазар и др. Результаты этой работы были зафиксированы в подробных записках Д. А. Клеменца «Исторические сведения о турфанской земле» и «Краткий перечень главнейших сведений о состоянии культуры в Восточном Туркестане»²⁰.

Успехи русских путешественников в исследовании Восточного Туркестана по достоинству оценила мировая научная общественность. В 1902 г. на XIII международном конгрессе ориенталистов была образована Международная ассоциация для изучения Средней и Восточной Азии, главным органом которой стал русский национальный комитет (1903—1923 гг.) во главе с В. В. Радловым и С. Ф. Ольденбургом.

В эти же годы северо-западную часть Синьцзяна посетил полковник Генерального штаба барон Маннергейм²¹. Проложив по заданию военного ведомства длинный путь через Китайский Туркестан в Пекин, Маннергейм составил дошедший до нас «Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в Пекин в 1906—1908 гг.»²². В отчете содержатся подробные данные географического и этнографического характера, много внимания уделено описанию путей, в частности Кашгар — Гульджат — Даван — Уч-Турфан. Путешественник оставил детальное описание р. Таушкандарьи от выхода ее из гор до впадения в Яркенддарью. Много места в отчете отведено этнографической характеристике р. Аксу. Путешественник прошел через Талдынский перевал, Иркыштам в Кашгар, затем в Хотан, Аксу и далее в северную часть Джунгарии.

В том же 1906 г. Восточный Туркестан посетил М. М. Березовский, которому удалось снять копии фре-

²⁰ См.: Архив востоковедов Ленинградского института востоковедения АН СССР. Ф. 28. Оп. 1. Д. 133—134.

²¹ Маннергейм Карл Густав Эмиль (1867—1954 гг.) — финн по происхождению. До 1917 г. состоял на службе в русской армии. В войне Финляндии против СССР в 40-х гг. являлся главнокомандующим финляндской армией. В 1944—1946 гг. — президент Финляндии.

²² См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1909. Вып. 81. С. 26.

сок из Турфана. Кроме того, исследователь изучил оросительную систему Кучинского оазиса.

Самую крупную экспедицию в Восточный Туркестан в начале XX в. возглавил ученый С. Ф. Ольденбург: в 1909—1910 гг. и в 1914—1915 гг. он вместе с горным инженером Д. А. Смирновым и фотографом С. М. Дудиным провел археологические исследования Кашгара, Шикшина.

Нельзя не отнести к славной когорте путешественников русских консулов, находившихся на дипломатической службе в Восточном Туркестане. Их многочисленные поездки по стране, сбор уникальных сведений о животном и растительном мире, об особенностях внутривосточной и этнической обстановки в регионе значительно обогатили наши знания о крае. Так, консул Н. Ф. Петровский²³, оставивший после себя богатейшее научное наследие, был первым специалистом, по мнению С. Ф. Ольденбурга, который заставил ученый мир обратить деятельное внимание на научные сокровища Восточного Туркестана²⁴. Им была собрана ценнейшая коллекция археологических материалов и древностей главным образом путем приобретения у местных жителей. А консул в Урумчи Н. Н. Коротков на протяжении ряда лет занимался археологическими изысканиями, путешествовал по всему краю, собирая материал по истории региона. Интересные сведения о нем сообщил также в своих трудах консул в Чугучаке Н. В. Богоявленский, много сделавший для изучения края²⁵.

Работы русских ученых второй половины XIX в. в области исследования Восточного Туркестана подтвердили предположение о том, что это страна древней культуры, сформировавшейся под влиянием культуры Индии, Китая и Передней Азии. Свидетельства этому — произведения, дошедшие до нас хорошо сохранившимися благодаря сухому климату этой страны. По мнению ака-

²³ Петровский Николай Федорович (1837—1908 гг.) — видный дипломат, ученый-востоковед. В 60—70 гг. XIX в. служил генерал-губернатором в Туркестане. Принимал участие в работе Туркестанского отделения Общества для содействия русской промышленности и торговли. С 1872 г. — торговый агент Министерства финансов в Бухаре. Более 20 лет (1882—1903 гг.) был консулом в Кашгаре.

²⁴ Ольденбург С. Ф. Памяти Николая Федоровича Петровского, ЗВРОА. 1910. Т. 20. С. 6.

²⁵ См.: Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. Спб., 1906.

демика В. В. Бартольда, найденные памятники обнаружили существование здесь древнейшей культуры, сведения о которой ранее отсутствовали²⁶.

Современная востоковедческая наука считает столь же актуальным изучение Центральной Азии. Видный советский востоковед академик С. Ф. Ольденбург отмечал, что «...об истории человечества можно будет только тогда говорить, когда в нее полноправно войдет история Востока. В этом отношении истории Средней Азии и специально Восточного Туркестана имеют громадное значение»²⁶. Труды русских исследователей второй половины XIX в., ставших первопроходцами Центральной Азии, и в наши дни служат науке как богатые источники, рассказывающие о жизни и культуре древних народов этого региона.

²⁶ См.: Бартольд В. В. История изучения Востока в России. Л., 1925. С. 140.

²⁷ Ольденбург С. Ф. Русские археологические исследования в Восточном Туркестане // Казанский музейный вестник. 1921. № 1—2. С. 30.

ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ КРАЯ

Сложность географического исследования этой страны во второй половине XIX в. заключалась в том, что описанию подлежала значительная территория, равная по площади нескольким европейским государствам, и в том, что русская наука тогда располагала весьма скудными данными об этом крае. Ранее не доступная русскому исследователю Кашгария в полном смысле выступала как «*terra incognita*», поэтому все представляло интерес для впервые вступившего на эту землю путешественника, все находило отражение в материалах научных экспедиций, поездок и дипломатических миссий. Сведения географического характера, особенно переполнявшие отчеты, крайне ценны, поскольку они сообщались очевидцами, многие из которых были географами. Материалы готовились в духе лучших традиций русской географической школы, их отличал высокий профессиональный уровень, о чем можно судить и сейчас по описаниям рельефа, гидрографии, климата, почв, флоры и фауны Восточного Туркестана. Многие из сведений, представленных русскими путешественниками второй половины XIX в., имеют важное значение и в научном, и в практическом плане.

Русские путешественники, впервые посетившие Восточный Туркестан, делали попытки выявить географические контуры страны. В трудах ученых этой теме посвящено немало страниц. Нередко они изучали этот вопрос, обращаясь к существовавшим восточным географическим источникам. Так, Н. В. Богоявленский не обошел вниманием определение географического положения Восточного Туркестана, сделанного одним китайским географом,

описавшим эту страну в 1778 г. «Все пространство,— замечал Н. В. Богоявленский,— прилегающее к южной покатости Тянь-Шаня, населенное хоями (мусульманами), названо им (китайским географом.— Авт.) Нан Лу (южная дорога). Все же земли, прилегающие к хребту с севера, названы Бе Лу (Северная дорога)... По этим двум направлениям еще во времена самые отдаленные происходили передвижения народов из Азии в Европу. Этими же путями двигались и армии завоевателей. Южный путь упирается в громадный массив Памира, почему дальнейшее движение народов на запад представляло больше затруднений, чем северный путь, выходивший в так называемые Джунгарские ворота»¹.

А. Н. Куропаткин, говоря о границах Восточного Туркестана в середине XIX в., конкретно указывал, что «под именем Кашгария известна территория, лежащая между 43° и 35° северной широты и между 72° и 90° восточной долготы»². Из описаний этого автора следует, что естественные границы Восточного Туркестана определяются по горным хребтам: с севера — Тянь-Шань, с запада — Памирские выси, с юга — Куэнь-Лунь и с востока открытый полковником Пржевальским Алтын-таг. «Хребты эти покрыты вечным снегом, в вершинах своих превосходят 20 000 футов, доступны только по вьючным дорогам и частью совершенно непроходимы в зимнее время. Перевалы весьма трудны и часто лежат выше 14000 футов. В общем Кашгария,— писал А. Н. Куропаткин,— представляет котловину, равнинное дно которой в западных частях приподнято до 4000 футов, а в восточных — до 2500 футов (высота озера Лобнор). Площадь Кашгарии составляет до 19000 квадратных миль»³.

Перед глазами путешественников, впервые попавших сюда, разворачивалась пестрая панорама ландшафта, многообразие флоры и фауны Восточного Туркестана. Их описания географии отражают неповторимую картину первых впечатлений о природе края.

«Равнина, на которую мы спустились с гор Топа-тага,— читаем у М. В. Певцова,— простирается с северо-запада на юго-восток и заключается между предгорьями Куэнь-Луня и плоской песчаниковой грядой, тянущейся

¹ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. Спб., 1906. С. 86—87.

² Куропаткин А. Н. Кашгария. Спб., 1879. С. 15.

³ Там же. С. 15—16.

почти параллельно этим предгорьям и прорезанной в меридиональных направлениях несколькими речками. В общем эта равнина представляет пустынную, щебнегалечную страну, западная половина которой, лишенная воды и растительности, безлюдна, в восточной же половине, благодаря соседству гор, с которых стекает достаточное количество воды, встречаются изредка маленькие речки, образующиеся на подгорной окраине равнины из ключей. По берегам этих речек и выведенных из них арыков на лёссовых отложениях в виде длинных островов расположены небольшие селения и выселки, вытянувшиеся вдоль них узкими полосами»⁴.

Похожее описание ландшафта Восточного Туркестана дает полковник Маннергейм: «Через Сарам вдоль каменистых ущелий рек Тунгусберун-джилгаси, Терек-Ават и Чегынын-сайсу я перевалил через горную цепь Каратэке, отделяющую Кальпинскую впадину от долины р. Таушкандарья. Перевал Бельнинг-Тупесе-даван имеет 2690 м абсолютной высоты... После нескольких узких ущелий дорога, следуя вдоль широкой долины Кэкыр между Кызыл и Бербег-таг с частыми стойбищами киргизов племени куче, выходит в долину Таушкандарьи и подходит к г. Уч-Турфан с юго-востока...

Следующих три перехода идут по каменистому ущелью шириной в $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ версты между горными массивами подавляющей высоты. В самом начале есть трава, но глубже в ущелье растительности почти нет. Лишь на северных склонах наивысших гор виднеется елка, да внизу растут местами колючка пучками и грубая трава. Дорога камениста и тяжела, то переходит через небольшие, но крутые отроги гор, то тянется по узким и скользким карнизам самого примитивного устройства. Внизу под обрывами видна р. Музарт, которая шумит и пенится в своем камнями заполненном русле»⁵.

Материалы экспедиций русских путешественников свидетельствуют о том, насколько небезопасно было пройти караваном через всю страну. Трудности подстерегали всюду. Требовалось много мужества и смелости, чтобы противостоять природной стихии.

⁴ Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. Спб., 1905. С. 102.

⁵ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1909. Вып. 81. С. 28—29.

«18 марта,— продолжал в своих записках Маннергейм,— мы перевалили через ледник Тугр-Мус. Последний перед этим ночлег сделали у Тамгаташ почти у самого основания его в убогом сарае. Выступив еще в сумерках в 6 ч 20 мин утра, мы достигли поверхности ледника после 4-часового очень утомительного подъема. Дорога идет зигзагами вверх по почти отвесному ледяному склону. На самом крутом месте вырублено во льду десятка два больших ступеней. На недоступной высокой скале стоит небольшая мазанка, в которой живет 8 сартов — рабочих. В обязанность их вменяется ежедневно рубить означенные выше ступени, а также устраивать из камней примитивные мостики через трещины, которые образуются во льду...

На самом леднике пересеченная дорога часто переходит через трещины глубиной в несколько сажен, но настолько узкие, что лошадь не может провалиться, но зато легко может сломать ногу. Поверхность ледника усыпана крупными камнями, которые утилизируются в виде весьма неудовлетворительных мостков поперек трещин. После 4—5-часового утомительного движения по льду открывается с севера узкое ущелье с глубоким снегом и еловыми лесами. Дорога втягивается в него. Достигнув в нем недалеко от ледника наивысшей точки, она начинает очень круто спускаться по утоптанной в глубоком снегу тропинке. Только в 11-м часу вечера после безостановочного движения с 6 ч 20 мин утра достигли мы сарая... На этом переходе я насчитал более 30 конских трупов в снегу, другими словами, павших в течение зимы, а на ночлег пришел одновременно со мной сарт, оставив в глубоком снегу жену и одну свою дочь, умерших от истощения и мороза. Сам же он отморозил ногу, а вторая дочь руку...

Вообще музартская дорога ежегодно требует не только лошадиных жертв десятками, но и человеческих. По этому пути двигается много бедного люда — мужчин и женщин, направляющихся из Кашгарии в Илийский край... Изнуренные вследствие недостатка пищи и плохо снаряженные, они часто не выдерживают лишений и утомлений во время этого 16—18-дневного пути»⁶.

Из описаний географического характера, приводимых русскими путешественниками, привлекают внимание

⁶ Там же.

данные о климате Восточного Туркестана. Так, Н. В. Богоявленский сообщал, что там как в стране континентальной климат отличается всеми резкими переходами континентального климата. Существенны такие наблюдения: «Летом страшная жара, зимой большие холода. Притом летом при дневной температуре, например 45°, ночью бывает 15°. Скачок большой, так что и при 15° организм, привыкший к дневному жару, уже ощущает холод. Зимой холода в некоторых местах доходят до —35°. Даже в таких местах, где летом бывает особенно сильная жара, зимой температура падает иногда до —15°, хотя только по ночам.

Атмосферных осадков во всем крае выпадает в общем очень мало. В самой южной части, именно в Восточном Туркестане, там иногда бывает один или два дождя во весь год.

Самая сильная жара бывает в Восточном Туркестане, где она доходит до 55° на солнце. Особенно сильная жара бывает в Турфане, где даже местные жители бывают не в состоянии выносить дневной жары летом и целые дни сидят в подземельях. В это время прекращается всякая деятельность, и вся жизнь как бы замирает. Зимой температура падает по ночам до —15°»⁷.

В географических записках М. В. Певцова можно найти сведения о конкретных наблюдениях за климатом Кашгарии, который, как пишет он, «в высшей степени сухой, с сильной жарой летом и относительно теплой зимой. За осень 1876 года, проведенную нами в Кашгарии, не выпало ни одного дождя. Зимой только три раза выпадал снег, тотчас же и стаивший. Весной 1877 года небо было часто в тучах, но дождь шел всего один раз. Ветры весной весьма сильные, обыкновенно начинались не ранее 11 часов дня и продолжались до вечера. Туманы в Кашгарии весьма часты, они окутывали по целым дням весь горизонт, оставляя только в зените ясный круг»⁸.

По данным русских путешественников можно дать следующую сезонную характеристику климата Восточного Туркестана. Весна начинается в феврале, когда днем становится уже тепло, хотя по ночам случаются и заморозки. Лето — жаркое, сухое. Дожди — в июне и

⁷ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 10—11.

⁸ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 177.

июле, когда большинство злаковых уже созрело или созревает. Осень обычно затяжная, резко переходящая в зиму, в течение которой преобладают осадки в виде снега, выпадающего в небольшом количестве и сохраняющегося недолго. Холода продолжаются четыре месяца. Восточный Туркестан закрыт горами с запада, а открыт с востока, поэтому и преобладающие в нем ветры восточные, отличающиеся большой сухостью и силой. Летом ветры жаркие, зимой — холодные и резкие⁹.

Сушественно замечание Н. В. Богоявленского относительно влияния климатических условий Кашгарии на организм человека. По его мнению, это воздействие удовлетворительное, кроме некоторых местностей. Но для вновь приехавшего сюда северянина при неосторожности климат Кашгарии может быть губелен. Организм жителя севера с большим трудом привыкает к резким изменениям температуры, особенно летом, когда скачки бывают от 45—50° до 13—15° вечером. Особенно опасно оставаться на воздухе при закате солнца, когда понижение температуры действует на человека как неожиданный удар. Неосторожно выходить из дома легко одетым, есть риск получить малярию. Это случается даже с туземцами. Малярию же вызывает употребление в пищу в летнее время свежих дынь¹⁰.

Кроме описаний ландшафта и климата, в трудах путешественников есть подробные характеристики гидрографии Восточного Туркестана. «Тысячи быстрых ручьев несут свои воды в Кашгарскую котловину,— отмечал А. Н. Куропаткин.— При выходе из гор они группируются в несколько резко обозначенных систем рек: Хотандарья, Яркенддарья, Кашгардарья, Аксударья, Кучадарья, Хайду-гола. Все эти реки, сливаясь вместе, образуют бассейн реки Тарим, имеющий общий сток в болота озера Лобнор»¹¹.

«Течение главных рек Кашгарии,— пишет Богоявленский,— превосходит 1000—1400 верст, но по обилию воды и глубине они далеко отстают от среднеазиатских рек Сырдарья, Амударья. В верхнем течении реки Кашгарии быстры, каменисты, бегут в глубоких ущельях. В среднем и в нижнем течении после выхода на равнину

⁹ См.: *Богоявленский Н. В.* Западный Застенный Китай. С. 10.

¹⁰ См.: Там же. С. 9—15.

¹¹ *Куропаткин А. Н.* Кашгария. С. 15.

течение становится медленным, берега делаются болотистыми, реки на иных участках разливаются и образуют озера и болота, поросшие камышом.

Река Тарим состоит из нескольких более или менее значительных речек, которые берут начало в вечных снегах Памира, и течет с юго-запада на северо-восток и восток, приближаясь более к Тянь-Шаню, впадает в озеро Лобнор. Тарим отличается значительным своим протяжением, до полуторы тысячи верст, но воды несет не особенно много. Вероятно, течение реки по песчаной пустыне в страшно жаркой стране является тому причиной, часть вод несомненно впитывается песком, а еще большая часть идет на естественное испарение в этой жаркой стране, и наконец, много воды употребляется на искусственное орошение садов и пашен прибрежного населения посредством арыков»¹².

М. В. Певцов, подробно изучивший Яркенддарью, отмечал, что эта река разливается в период с 15 июня по 15 июля, а зимой «на три месяца (декабрь, январь и февраль) покрывается льдом от 15-ти до 18-ти дюймов толщиной, по которому могут безопасно двигаться в эти месяцы тяжело нагруженные повозки»¹³.

Все большие реки Кашгарии, или вернее одна главная река Тарим, принимающая в себя другие, неспособная к судоходству по своей быстроте в верхнем и среднем течении и несудоходная в нижнем, вливаются через Тарим в озеро, или точнее громадное болото Лобнор, лежащее в солончаковой пустыне как исчезающий остаток бывшего там некогда моря.

Есть еще масса мелких речек, которые берут свое начало в тех или иных горах и потом или впадают в одну из упомянутых рек, или в озера, или многие даже теряются в песках пустыни, не доходя ни до какого более крупного водоема или потока. Общая характеристика всех горных речек та, что они отличаются мелководьем, в горах текут очень быстро и затем по выходе из горных ущелий, всюду, где только есть пригодный для культуры клочок земли, разбираются по арыкам для орошения¹⁴.

Наиболее полное описание озер Восточного Туркестана представлено у Н. В. Богоявленского, которое уместно привести полностью.

¹² Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 18.

¹³ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 76—77.

¹⁴ См.: Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 19.

«Озер в Западном Застенном Китае немного и больших размеров они не имеют. Начнем перечислять с севера. Прежде всего видим здесь озеро Эбинор около 60 верст длины и 15 верст ширины. В него впадает несколько речек. Упомянутое выше озеро Теллиноор. Озеро Сайрамнор находится в горах Борохоро на значительной высоте над уровнем моря — 5900 футов. Это безусловно внутренний бассейн, так как ни в него не впадает никакая речка, ни само озеро никуда не отдает своих вод. Сайрамнор отличается большой глубиной и дикой красотой своих берегов, окруженных скалами. Далее озеро Баграш-Куль около горы Карашара, на южном уже склоне Тянь-Шаня. В него впадает речка Хайдугол. Озеро это в общем глубокое, но около берегов оно мелко, и эти места поросли густым камышом.

Наконец, особенного упоминания заслуживает озеро Лобнор, находящееся в восточной части Китайского Туркестана, в которое впадает река Тарим. Это озеро достойно особенного упоминания, потому что географы до сих пор спорят, то ли это озеро, о котором упоминают китайская география и древние китайские путешественники, или другое. Те и другие помещают в своих описаниях это озеро в другом месте, несколько севернее нынешнего. Мне кажется, вопрос этот вполне верно разрешил известный путешественник Свен Хедин, который говорит, что озеро Лобнор через известный период времени под влиянием различных причин, между прочим сильных ветров, перемещается на другое место. Старое ложе его затягивается постепенно илом реки Тарим и зарастает камышом, и воды Тарима, не находя себе места в старом ложе, текут в новое и образуют таким образом как бы новое озеро. Затем это ложе по тем же причинам в свою очередь зарастает камышом, а на старом месте камыш высыхает и воды Тарима возвращаются на прежнее место. Такое объяснение, данное Свеном Хедином разногласию, существующему между показаниями древних географов и новых путешественников, вполне, мне кажется, примиряет это разногласие, так как показания эти относятся к тому же самому бассейну воды, но в различные периоды его существования в двух разных местах.

Кроме указанных больших озер, есть еще довольно много маленьких, особенно в горах, иногда на значительной высоте над уровнем моря. Обо всех озерах Запад-

ного Китая можно сказать одно и то же, а именно: во-первых, во всех озерах вода горько-соленая и особенно в таких, которые не принимают в себя никаких рек, во-вторых, большинство из них мелки, в-третьих, рыбы в них или совсем нет, или очень мало, и в-четвертых, практического значения все эти бассейны воды как водные пути никакого не имеют»¹⁵.

В пустынях, как отмечали путешественники, естественные источники воды редки и содержат соленую, горькую или затхлую воду, не годную для питья, колодцы немногочисленны, и вода в них не всегда пресная.

Детально описаны почвы Восточного Туркестана в трудах М. В. Певцова: «Почва Кашгарии солончаковая почти на всем пространстве. Почва во всех оазисах лёссовая. Отложения лёсса покрывают, однако, далеко не всю площадь этой страны, а только окраинную, подгорную полосу ее, да и то лишь спорадически. Вокруг внутренней пустыни Такла-Макан, представляющей по всей вероятности сплошной сай, покрытый лишь местами песчаными грядами, простирается почти непрерывная полоса мелких лёссовых бугров от 30 до 120 верст ширины. Эти обрывистые бугры, образовавшиеся, по-видимому, от выветривания окружающих пустыню лёссовых толщ, покрыты почти повсеместно тонким слоем песка, нанесенного ветрами из внутренности Такла-Макан. Внешняя граница означенной полосы лёссовых бугров представляет извилистую кривую, очерчивающую ее клиновидные выступы, или зазубрины, которые однако нигде не достигают подножий окраинных гор Кашгарской котловины. В подгорной области Кашгарии, заключающейся между предгорьями окраинных хребтов и внешней границей помянутой полосы лёссовых отложений, почти повсеместно сай, т. е. пустынные щебнегалечные равнины, покрытые весьма скудной растительностью, и лишь изредка встречаются песчаные пространства и солончаки. Лёссовые же отложения на подгорной окраине рассеяны лишь спорадически, островами, на этих-то уединенных островах, а также на окраине сплошной лёссовой полосы, окружающей пустыню Такла-Макан, и преимущественно на ее клиновидных выступах, расположены почти все оазисы Кашгарии.

Участки плодородной земли составляют оазисы.

¹⁵ Там же. С. 20—21.

В южной части равнины находятся значительные пространства сыпучих песков. В северной и средней частях песчаные пространства редки и составляют узкие грядки невысоких холмов. Ближе к предгорьям почва покрыта галькой»¹⁶.

Похожее описание почв Кашгарии содержится у Н. В. Богоявленского: «Культурная часть Кашгарии, сосредоточиваясь в узком поясе, окаймляет ее почти у подножия предгорий Тянь-Шаня, Памира и Куэнь-Луня. Страна всего этого пояса представляет из себя почти необитаемую пустыню... Участки плодородной земли, обработанной и засеянной, расположены по ней оазисами. Крупнейшие из этих оазисов, начиная с востока: Куня-Гурфан, Карашар, Курля, Куча, Бай, Аксу, Марал-баши, Кашгар, Янги-гиссар, Яркенд, Хотан и Керия. Расположение их обусловлено течением главнейших рек Кашгарии. Каждый из этих оазисов составляет крупное звено в поясе, отделенное от следующего пустынным пространством, иногда свыше ста верст. Через все выше перечисленные оазисы проходит дорога, составляющая главный путь всей страны. В пустынных участках по дороге устроены небольшие поселения, род станций, в которых живет по несколько человек»¹⁷.

Путешествуя по Яркенддарье, М. В. Певцов отмечал в своих записках, что почва на всем пройденном им пространстве, начиная от селения Аксак-Марала,— первичный лёсс и что при обильном орошении она могла бы питать весьма густое население¹⁸.

В Хотанском оазисе М. В. Певцов выделил преобладание песчано-лёссовых почв, уступающих по плодородию чистой лёссовой почве Яркендского и Каргалыкского оазисов. Местные жители, по его наблюдению, утверждают, что в восточной части по правому берегу реки Юрункаш она лучше, чем в западной — между Каракашем и Юрункашем¹⁹.

С точки зрения почвоведения Восточного Туркестана представляет интерес следующее замечание Н. В. Богоявленского: «В туграковом лесу мы не нашли перегнойной почвы, составляющей неизбежную принадлежность в других лесах. По наблюдению одного из членов посоль-

¹⁶ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 147.

¹⁷ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 82.

¹⁸ См.: Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 76.

¹⁹ См.: Там же. С. 115.

ства А. Вилькинса, кожистые листья туграков высыхают еще на дереве, ветры разносят их, ломают в пыль, и поэтому продукты разложения этих листьев не могут образовать перегнойного слоя.

В туграковых лесах грунт составляет та же глина, пропитанная солонцем, что на большей части поверхности Кашгарии. При движении по лесу поднимаются облака соленой пыли, весьма вредной для глаз²⁰.

Весьма показателен также описанный М. В. Певцовым ландшафт пустыни Кетэк-шаари-кум, которая простирается к юго-западу от Яркенддарьи. Она покрыта колоссальными песчаными грядами почти меридианального направления, между которыми залегают песчаные же пространства, состоящие из невысоких, плоских барханов, подобных морским волнам. Огромные песчаные гряды пустыни местами приближаются почти к самой реке, местами удаляются от нее до 10 верст, но повсюду ясно видны с дороги²¹.

Помимо рельефа, климата, гидрографии и почв Восточного Туркестана, русские путешественники подробно описали растительный и животный мир этого региона. Их записки, порой разрозненные, все-таки позволяют представить в общем флору и фауну Кашгарии, которые, по мнению Н. В. Богоявленского, представляют большой интерес с научной точки зрения.

В Восточном Туркестане, где преобладают пустыни, основу флоры и фауны составляют характерные для пустынь виды. «Обычный же вид пустынь Центральной Азии,— писал Н. В. Богоявленский,— это сероватая глина, смешанная с галькой, местами поросшая полынью, а на низких солончаковых местах чием, столь обычным растением этих широт Азии. Поэтому там, где почва не покрыта растительностью, видишь серовато-красноватую плоскость, где растет полынь — колорит зеленовато-серый, а где чий — море желтых метелок, которые незнакомый с этим растением может принять издали за поле несжатой, плохой ржи. Грустно, уныло, безжизненно. Только изредка деревни, да еще реже города, окруженные купами деревьев, ласкают и радуют взор путника, утомленный серым однообразием пустыни. И действительно, серая земля, красные или серые горы и холмы — вот все, что может видеть путешественник на протяже-

²⁰ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 87.

²¹ См.: Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 324—325.

нии целых десятков верст между населенными пунктами»²².

По сведениям М. В. Певцова о животном мире кашгарских пустынь, там к юго-западу от р. Яркенд еще в недавнее время водились дикие верблюды, за ними местное население охотилось осенью и зимой, «но лет 10 тому назад,— писал автор,— они куда-то исчезли. В последний раз их видели охотники в песках к юго-западу от селения Янгису и с тех пор уже никому не приходилось замечать этих редких животных. Туземные охотники полагают, что они мигрировали вниз по Яркендарье на юг, а оттуда по Черчендарье перешли в каменисто-песчаную пустыню, простиравшуюся к юго-западу от местности Ваш-шаари, где по общему отзыву живут еще в значительном числе дикие верблюды»²³.

Интересно общее описание флоры Восточного Туркестана, предлагаемое Н. В. Богоявленским. «На солонцовых пространствах Кашгарии между другими немногочисленными видами растений произрастают тамариск и особый вид тополя — туграк.

Вне горных кражей, в долинах деревья мы видим исключительно около воды и то большей частью насаженные рукой человека. К счастью, большая жара летом и оттого необходимость хоть какой-нибудь прохлады заставляет жителей Центральной Азии заботиться о посадке около своих домов и пашен деревьев. Зато как только отъехал от селения, начинается унылая пустыня. Садят по преимуществу карагачи, пирамидальные тополя, другие сорта тополя, кое-где ветлу, одним словом, те же деревья, что мы встречали в лесу. Затем в некоторых местностях встречаются большие фруктовые сады.

Хорошая травяная растительность тоже встречается главным образом в горах, где на склонах гор или на более или менее ровных площадках можно встретить роскошные ковры всевозможных цветов, трав. Затем по берегам рек и речек, наконец, на низких местах, заливаемых периодически водой, растет хорошая трава»²⁴.

Что касается подробного описания флоры и фауны отдельных районов Кашгарии, то наиболее исчерпывающие сведения приведены у М. В. Певцова. Со знанием дела он скрупулезно описывает, например, растительный

²² Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 88.

²³ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 324—325.

²⁴ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 90.

и животный мир долины Яркенддарьи: «Флора долины Яркенддарьи весьма однообразна: на открытых местах повсюду преобладает камыш, к которому присоединяются в небольшом количестве осока, кендырь, ломонос, рогозник, солодка, ситник и несколько видов солянок. Лугов, покрытых разнообразными травянистыми растениями, в ней вовсе нет. Представителями древесной растительности служат только два вида пустынного тополя, образующие леса, джида или лох, и мелколистная ива, а из кустарников встречаются преимущественно облепиха, сугак, гребенщик или тамариск.

Животная жизнь долины тоже очень бедна видами. В безлюдных лесах правого берега живут тигры, кабаны, маралы и степные антилопы. Летом в долине Яркенддарьи появляется множество оводов, комаров, мух и мошек, а также ядовитых паукообразных: скорпионов, каракуртов, фаланг, сороконожек и тарантулов. Путешественникам в это время года следует осмотрительно выбирать места для ночлегов, лучше всего останавливаться на влажных, не солончаковых открытых лугах, свободных от всякого сора, лома, древесных ветвей и опавших листьев»²⁵.

В записках М. В. Певцова уделено внимание флоре различных оазисов Восточного Туркестана. Так, относительно растительности Яркендского оазиса подмечено, что все свободные от посева места, как правило, засажены деревьями: пирамидальными тополями, платанами, тутом, джидой или лохом, белой или японской акацией, жужубой и ивой. В городах и селениях разводится много садов. Поражает обилие фруктов: абрикосы и персики разных пород, белые вишни, гранаты, грецкие орехи, яблоки, груши и виноград. В изобилии овощи: лук, морковь, редис, бобы, фасоль, петрушка, укроп и пр. Яркендский оазис славился своими дынями, арбузами и тыквами²⁶.

В Хотанском оазисе преобладали пирамидальные тополя: джида, акация, жужуба и ива. Фруктовые деревья здесь, как и вообще в Южной Кашгарии, рассаживали между пашнями, предпочтение отдавали персиковым, абрикосовым, ореховым деревьям, а также груше, яблоне и айве. Земельные участки в селениях было

²⁵ См.: Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 72, 76.

²⁶ См.: Там же. С. 80—81.

принято обносить кустарником белой розы, облепихи, а также повилики марены²⁷.

«Растительность долины нижней Яркенддарьи крайне однообразна,— отмечал в своих записках М. В. Певцов.— Из деревьев в ней растут только тополь, мелколистная ива и джида. Тополевые рощи и купы встречаются лишь изредка, преимущественно в юго-восточной части области. Кустарников тоже очень мало. Преобладающее повсюду растение — камыш, служащий материалом для постройки туземных жилищ и главным кормом для скота. Встречаются также довольно часто солодка, рогозник, осока, полевица, солянки, частуха и кендырь, из волокна которого туземцы готовят рыболовные снасти. Кроме того, из кендырских нитей попеременно с шерстяными туземцы ткут грубые ткани для будничной одежды и мешков, которые сбывают в большом количестве в Курле и заезжим купцам.

В долине Яркенддарьи водятся маралы, кабаны, степные антилопы, кошки и немного тигров...

Из птиц, кроме плавающих и болотных, в долинах рек живут еще в небольшом числе фазаны, а также черные грифы, сорокопуты, голуби, сороки, дрозды, дятлы, стренатки, бородатые синицы и другие мелкие птички»²⁸.

Наиболее обильный лов рыбы в озерах Кашгарии, как отмечает М. В. Певцов, бывает в мае во время половодья. В конце апреля вода в нижней Яркенддарье и в питаемых ею озерах начинает прибывать и повышается постепенно до конца мая. Одновременно с прибылью воды в озеро приходит рыба для метания икры. Выметав ее в течение мая, она уходит обратно²⁹.

В записках русских путешественников содержится богатейший материал, посвященный описанию городов и селений Восточного Туркестана. В описании городов многие авторы, как правило, придерживаются определенной схемы.

Исторические обстоятельства края обусловили здесь своеобразный тип города — крепости. Каждому городу издавна приходилось заботиться о самозащите. Поэтому дома, как правило, окружены со всех сторон стенами, а города — городскими стенами. В деревнях стены домов, заборы и крыши, как отмечает Н. В. Богоявленский,

²⁷ См.: Там же. С. 115—117.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

сбиты из земли. Узкая улица проходит от одного края деревни к другому. Двор каждого дома непосредственно соприкасается с двором другого дома.

План построек однотипен. Перед входом во двор с улицы расположено главное здание, как правило, четырехугольной формы, с правой и левой стороны находятся еще два такие же. Передняя стена здания — это деревянная решетка, заклеенная бумагой, в той же стене — входные двери; остальные три стены — глухие, каменные, без окон и дверей. Отдельные дома находятся за высоким забором, ворота дворов всегда закрыты. Практически невозможно увидеть жилые помещения — они всегда спрятаны за хозяйственными постройками. Большинство домов сделаны из глины, с плоской глиняной крышей.

Мечети — обычно глинобитные здания без какого-либо архитектурного изыска.

Вид селений весьма однообразен. Вблизи простираются поля, тянутся аллеи; пирамидальные тополя и карагач как бы окружают селение со всех сторон. Около деревни много куч мусора, навоза и разных отбросов. Дома и заборы производят впечатление куч глины более или менее правильной кубической формы³⁰.

Города — это крепости, обнесенные высокими стенами с башнями и окруженные рвами. В стенах проделано несколько ворот, через которые можно свободно выходить только днем, до наступления темноты, после чего ворота закрываются, а открываются только в исключительных случаях.

Средняя Азия издавна была ареной всевозможных столкновений завоевателей с местным населением, междоусобных конфликтов. Каждому жителю, каждому городу приходилось заботиться о самозащите. Поэтому как отдельные дома, так и города со всех сторон окружались стенами, как правило, высокими и толстыми. Вблизи городов располагались предместья, которые тоже нередко обносились стенами.

В каждом более или менее значительном городе, по наблюдениям многих путешественников, достопримечательным местом был мусульманский базар. Как известно, базар для восточного человека всегда являлся местом, где он узнавал все новости, встречался с приятеля-

³⁰ См.: *Богоявленский Н. В.* Западный Застенный Китай. С. 98—100.

ми, находил по своему вкусу развлечения. С раннего утра и до закрытия ворот на базарах было многолюдно. Каждый мусульманин считал своим долгом побывать там.

Как отмечал Н. В. Богоявленский, такое же оживление наблюдалось и на главных торговых улицах городов. Что же касается остальных улиц и переулков, то там господствовала полная тишина. Изредка появлялся прохожий, а проезд экипажа был целым событием³¹.

В путевых заметках русских путешественников, посвященных описанию городов Восточного Туркестана, особое место отводилось Кашгару. За свое продолжительное историческое существование он неоднократно играл важную роль, это послужило основанием для названия всего края Кашгарией.

Согласно описаниям русских путешественников, Кашгар, как и все города Восточного Туркестана, находится в оазисе, территория которого простирается настолько, насколько могут быть орошены составляющие его земли. От других оазисов края он отделен бесплодной пустыней. В своих записках Н. В. Богоявленский подчеркивал, что Кашгар к XIX в. был главным пунктом русской торговли со всем Китайским Туркестаном. Сюда привозили русские товары и затем распределяли их по другим городам края. Через Кашгар главным образом вывозили и местные товары в Россию. Город имел и некоторое политическое значение как наблюдательный пункт за сношениями местных жителей и властей с Индией и за деятельностью англичан в Туркестане и соседних с ним странах. Кашгар для китайцев считался глухим, отдаленным местом. Неприветливым его находили и европейцы, которые, попав сюда, оказывались отрезанными от всего цивилизованного мира (не говоря уже о вредном климате этого оазиса). Из русских пределов добраться в Кашгар было нелегко. Приходилось переезжать через горные хребты, ехать верхом, но и этот способ передвижения был возможен не во всякое время года³².

Русские путешественники отмечали значение Кашгара в торговой жизни Восточного Туркестана. «Кашгар лежит на большой дороге из Средней и Южной Азии в Восточный Туркестан,— писал Ч. Ч. Валиханов,— Каш-

³¹ См.: Там же. С. 121.

³² Там же. С. 118—120.

гар и Яркенд суть первые по торговле города Западного Края... Торговля Кашгара процветала с древнейших времен, через него Средняя и Южная Азия сбывала свои товары в Тибет, Китай и Джунгарию... В продолжение целого года приходит и уходит сюда множество караванов из разных стран. Само китайское правительство при всем своем нетерпении чужеземного наводнения исключило Кашгар из-под общего закона империи. Сюда могут приезжать все „западные народы“. По чрезвычайной скрытности китайцев и невежеству туранцев нет возможности узнать обстоятельно о состоянии и оборотах этой торговли, но судя по пригону скота, который из киргизских поколений Дикокаменной орды и адбановской Большой орды простирается до 60 000 одних баранов и от илиатов, подведомственных Коканду, и кашгарцев — около 100 000, можно судить и об ее общей обширности. В Кашгаре, по свидетельству очевидцев, в один день бывают сделки на 40000 голов скота. Преимущественно торговлю с Кашгаром производят так называемые «андижанцы» (жители Коканда, Андижана, Намангана и Ташкента), бухарцы, персияне, индийцы, кашмирские купцы, афганцы и тибетцы.

Андижанцы привозят русские произведения: железные, чугунные изделия, сукно, сталь, юфть и разные бумажные товары, ситцы и продают весьма выгодно. Бухарцы привозят мелкие мерлушки, известные в торговле под именем «данадаров», черные и серые каракулевые смушки, отличной доброты, сушеный абрикос (урюк), виноград (изюм), кишмиш, фисташки (пысте) и разные полушелковые товары: падшай, бихасаб и др. Персияне привозят английские ситцы, шелковые материи и ковры, индийские купцы привозят кисею, камку и кашмирские шали. Из Тибета получают пух и медь.

Из Кашгара же получают они большей частью зеленый чай, кожаные товары, шелковые китайские материи и серебро. Андижанцы вывозят особый чай в плетушках, называемый сабет, употребляемый с молоком и солью»³³.

Ч. Ч. Валиханов полагал, что жители Средней Азии сильно заинтересованы в торговле с Кашгарией: «Андижанцы, бухарцы в значительном количестве скупают местные бумажные товары: серый и темный холст

³³ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. Т. 3. С. 116.

бумажный, крепкую и прочную полосатую материю, вроде твена, называемую «тимпай» и полушелковую, но грубую с цветами, вроде бухарских падшаи — машру, для продажи киргизам Большой и Дикокаменной орд, которые их очень уважают. Вообще годовой оборот кашгарской торговли должен быть очень велик и превосходит до 10 млн руб.»³⁴.

Из описаний Ч. Ч. Валиханова следует, что Кашгар был одним из больших городов Восточного Туркестана, имевшим 16 тыс. домов. Путешественники, посещавшие город во второй половине XIX в., видели следующее.

Кашгар расположен между реками Кызыл и Тюмень, окружен глиняной стеной высотой шесть сажен. Стена имеет в основании около 10 аршин, а кверху суживается до пяти аршин. Окружность стены около 12 верст, имеется шесть башен. Войти в город можно через ворота, находящиеся на восточной (суд-дарваза) и юго-западной (кум-дарваза) стороне. Улицы благодаря постоянной сухости воздуха не грязны. Имеют неправильную форму, узки и только по двум главным из них могут проходить двухколесные арбы.

Дома глиняные, кроме четырех медресе и одной надгробной молельни, которые с наружной стороны обложены глазурованными на китайский манер изразцами. Город разделен на две почти равные части: на северный город Кунешаар и новый Ян-Курган, основанный в 1838 г. правителем Зурдунбеком. Старый город расположен на высоком яру, а новый занимает местность гораздо ниже. Центр города составляет торговая площадь Айтга (площадь соборной мечети). Старый город разделен на два квартала — Чарсу и Амбарчи, а новый — на четыре: Урдаалды, Устэнбуи, Юмалакшаар и Андижан-Куча.

В Кашгаре 17 медресе, 70 школ (мектеб), восемь караван-сараев. Здесь две базарные площади — Айтга и Чарсу, из которых первая находится перед соборной мечетью, а вторая — в старом городе. От двух ворот до центральной площади Айтга идут две главные улицы, занятые ресторанами, цирюльнями, мастерскими и лавками, в которых продают мясо, сало и готовые кухонные произведения. Улица от площади Айтга и Чарсуйский базар, покрытая сверху навесом, составляет гостинный ряд. Иностранные купцы занимают лавки в сараях.

³⁴ Там же. Т. 2. С. 282.

Самый большой из караван-сараев называется Андижан-сарай. Он построен на центральной площади, при этом сарае находится кокандская таможня. Кунак-сарай занят по преимуществу маргеланцами, купцами из города Шахрисабза и афганцами. Другие караван-сарайи расположены по вышеупомянутой крытой улице, из них более известны: Уратюпинский, занятый бухарцами и уратюпинскими таджиками, Яркендский, Аксуйский и еврейский. Кроме этих пунктов, при песочных воротах имеются постоянные базары для продажи хлопчатой бумаги (хлопка) под названием пахта-базах и кундан для оптовой продажи дабы. Скот продается в гайчане вне городских стен около Песочных ворот. Для наблюдения за спокойствием города и благочиния в двух местах имеются тынза, или дынза — род полиции, одна тюрьма и застава.

В каждую пятницу в городе бывает базар, на который привозят из окрестных деревень и городские ремесленники недельный свой труд³⁵.

Н. В. Богоявленский сообщал любопытные подробности о жителях: «Население Кашгара — почти исключительно сарты (здесь — уйгуры. — *Авт.*). Китайцы только администрация, войска и немного купцов, так что китайский элемент совершенно теряется среди тюркского.

Китайцы и мусульмане живут в Кашгаре отдельно. Есть отдельный китайский город и отдельно мусульманский. Тот и другой окружены стенами. В китайском, или новом городе, по-тюркски Янгишаар, проживает китайская администрация и расположены китайские войска. В старом городе — Кунешаар — живут мусульмане, и там сосредоточена вся торговая жизнь. Около старого мусульманского города расположено русское консульство. Но русские подданные около консульства не живут, а живут в старом городе.

Есть английское агентство, зависимое от англо-индийского правительства. Фактически это консульство, но официально консульством не называется»³⁶.

Вторым по значению, а по сведениям Ч. Ч. Валиханова, и самым населенным городом Кашгарии является Яркенд. Русские путешественники неоднократно посещали этот город, что нашло отражение в их путевых заметках.

³⁵ См.: Там же. С. 116.

³⁶ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 107—121.

Первым из отечественных исследователей, побывавших в Яркенде, был Ч. Ч. Валиханов. Каким путешественник увидел город, следует из записок: «Яркенд — самый большой из туркестанских городов, бывшая резиденция ханов и потом ходжей, стоит между двумя рукавами реки Яркенддарьи. Главноуправляющий Южной дорогой хабе-амбань имеет местопребывание в китайской крепости этого города. В Яркенде считается до 32 тыс. домов. Город окружен стеной до восьми сажен высоты и до 25 верст в окружности с четырьмя воротами, имеет четыре сарая, 70 медресе и одну тынза [полицию] близ большой мечети — регистан. По главной улице от ворот Алтын-дарваза до ворот Кабагат расположены все лавки, магазины, таверны, сараи и, наконец, торговая площадь Чарсу. Из кварталов более известны: Урдаалды, Сокакуль, около которых живут кашмирцы и индусы; Аксакал-кучесы, где живут бадахшанцы и андижанцы. Замечательнейшие здания: дворец Хаким-бека близ Хотанских ворот и регистан, древняя мечеть с высоким минаретом. Базар бывает здесь каждый день с семи часов вечера по улице от регистана до пруда Насходжакули. Еженедельный базар бывает в пятницу и происходит в гайчане между китайской цитаделью и городом. Из Алтынских ворот до ворот китайской цитадели образовалась улица, на которой построены тунгенями рестораны, здесь сосредоточивается вся торговая деятельность.

Из иностранцев в этом городе живут по преимуществу бадахшанцы, имеющие своего старшину, и торгующие невольниками кашмирцы. Кроме того, здесь много жителей Малого Тибета, балти, которые нанимаются на работу. Большая часть извозчиков и водовозов из этих горцев. Индусы также имеют свой квартал.

В окрестностях Яркенда поселены отпущенные невольники из горных владений Чатрар и Вахан, известные здесь под общим именем рофизы. Из селений, лежащих на северной границе Яркендского округа, замечательны: Барчук — в 380 верстах от Яркенда, при впадении Яркенддарьи в Тарим и Маралбаши. Селения эти населены особым племенем долонов и имеют своих правителей, а в Барчуке расположен китайский гарнизон в числе 300 чел. На западе от Яркенда в окрестностях озера Сарыкуля лежит селение Саркол, в котором разводят тибетских коров. На дороге из Хотана в Яркенд находится извест-

ное в торговом отношении селение Гума, в 200 верстах от Яркенда, имеющее до 200 домов и недельный базар в субботу»³⁷.

В других дневниковых записях Ч. Ч. Валиханова встречается упоминание о том, что Яркенд «замечателен производством маты в огромном количестве. В реке Юрункаше и Каракаше добывают нефрит и отправляют в огромном количестве в Пекин, частная распродажа запрещена»³⁸.

Другим увидел Яркенд М. В. Певцов: «В северо-восточной части Яркендского оазиса расположены рядом два города: туземный, или мусульманский, и китайский, называемый Янгишаари [т. е. новый город]. Туземный город обнесен глиняной стеной в виде неправильного пятиугольника с башнями по углам и бойницами вверху, но без рва. Городская стена имеет до двух саженей в толщину, почти четыре сажени в высоту и до четырех верст в окружности.

В 150 саженях к северо-западу от туземного города расположен китайский город, окруженный также стеной из необожженного кирпича прямоугольного начертания около 300 саженей длины и 200 ширины. Стена имеет башни по углам и на середине каждого фаса, четверо ворот и бойницы; толщина ее около сажени, а высота не более двух саженей; вокруг нее простирается широкий и глубокий ров.

В мусульманском городе считается около 30 000 жителей, почти исключительно туземцев, а в китайском — только 1500 человек, в том числе 500 солдат. Остальные же обитатели его — китайские чиновники, купцы, ремесленники, прислуга и немного туземцев. В Янгишаари помещаются: окружное управление, начальник округа, все китайские чиновники и две лянцзы [батальона] китайских войск.

Дома в туземном городе мало разнятся от сельских. Это небольшие мазанки с плоскими крышами, в которых оставляются оконные отверстия, закрываемые створчатыми ставнями. Больших архитектурных зданий, за исключением немногих мечетей, вовсе нет. Этих последних в мусульманском городе насчитывается до 60, но из них только три обращают на себя внимание величиной и внешним видом, а именно: Алтын-мечеть, считающаяся

³⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 120—121.

³⁸ Там же. Т. 2. С. 278.

главной, с высшим духовным училищем Хандык-медресе; мечеть Мухаммет-хана и Джалмы. Первые две старинные, а последняя выстроена при Якуб-беке.

Улицы в этом городе очень узки и мрачны, в особенности те из них, которые для защиты от солнечного зноя покрываются на лето сверху тростниковыми циновками. Вода в городских прудах и канавах, употребляемая для питья и кушанья, отвратительная, а грязь и зловоние в туземном городе царствуют повсюду. Санитарное состояние его вообще крайне неудовлетворительное, а потому болезненность и смертность в Яркенде, в особенности летом, достигают весьма больших размеров. Этому немало способствует также близкое соседство с городом обширных рисовых плантаций, порождающих летом изнурительные лихорадки. В Яркенде, между прочим, сильно распространен зоб, заболевание, которым туземцы объясняют употребление недоброкачественной воды. Зобатые мужчины и женщины в этом городе встречаются очень часто, но только среднего возраста. У молодых же людей обоего пола и у детей зоба не бывает³⁹.

Подробные зарисовки М. В. Певцова дают представление об укладе жизни и быте яркендцев XIX в.: «В туземном городе два базара, состоящие из узких, местами крытых циновками улиц длиной около 300 саженей. Наружные фасады домов, образующие базарные улицы, заняты лавочками, разными ремесленными заведениями и чайными домами [чай-ханэ], напоминающими наши сельские харчевни. Все базарные постройки отличаются малыми размерами, причем лавки, чай-ханэ и ремесленные заведения расположены в беспорядке: рядом с пекарней, например, помещается кузница, а возле лавки с мануфактурным товаром цирюльня или чайный дом. Лавки снаружи открыты и заграждаются с лицевой стороны только невысоким барьером, а перед чайными домами и ремесленными заведениями устроены маленькие веранды с навесами и лежанками, на которых ремесленники часто занимаются своим делом, а посетители чайных домов закусывают и пьют чай.

Смесь и пестрота на этих базарах поистине поразительные. Не менее изумительны своим причудливым разнообразием и житейские сцены, меняющиеся на них как в калейдоскопе. Вот, например, компания туземцев,

³⁹ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 78—79.

усевшись чинно на веранде перед чайным домом, насыщается любимым пловом, а на соседней веранде цирюльник бреет голову своему клиенту. Рядом с цирюльной в кузнице раздаются удары молотов и сыплются огненные искры. Подле нее торговец семенами отвешивает свой товар покупателю в то время, когда другой сосед его — портной — примеряет на веранде халат заказчику. Для полноты картины нужно добавить еще разносчиков с лотками на головах или на тачках, шныряющих с обычными призывными криками взад и вперед по базару, непрерывное движение толпы посетителей, вереницы проходящих нагруженных и порожних ослов, издающих по временам неистовый рев, и несмолкаемый говор людей. Весь этот шум не мешает, однако, некоторым ремесленникам после трудов покойно спать среди белого дня на лежанке своих веранд.

Базары открыты ежедневно, а дважды в неделю в определенные раз и навсегда дни на них бывают торжки. Торговцы увеличивают на эти дни количество товаров в своих лавочках, а ремесленники стараются приготовить побольше вещей на продажу. Число посетителей базаров в такие дни значительно превышает будничную базарную толпу.

В китайском городе только один базар, но широкий и сплошь крытый. Лавки китайских и туземных купцов на этом базаре больше и лучше, чем на базарах мусульманского города. Ремесленные заведения на нем точно также обширнее и содержатся опрятнее. Вообще в Янгишари замечается больше чистоты, чем в туземном городе. Дома в нем тоже лучше и вместительнее.

Туземные торговцы горько сетуют на пошлины [бадж], которыми ныне облагаются все предметы торговли на базарах, исключая жизненные припасы. Эти пошлины, введенные недавно китайскими властями, крайне стесняют торговлю. Хотя они и не обременительны по своим размерам, но взимание их придирчивыми китайскими сборщиками и наложение клейм на все оплачиваемые предметы составляет очень сложную процедуру, в высшей степени неприятную торговцам»⁴⁰.

На крайнем северо-востоке Кашгарии лежит город Хами (Комул). По данным Маннергейма, его население было в основном уйгурское и лишь в городе и немногих

⁴⁰ Там же. С. 81—84.

деревнях проживали китайцы и дунгане⁴¹. Как писал Ч. Ч. Валиханов, Хами основан китайцами в 630 г., обновлен в 1679. Город исторически был тесно связан с Восточным Туркестаном. Хами в свое время тоже играл историческую роль одновременно с Турфаном, при этом подчиняясь то Китаю, то владетелям Восточного Туркестана и всего чаще турфанским князьям. Комульский князь уже давно поддался по соседству влиянию Китая, еще в правление Кан Си он принял подданство империи. Округ Хами состоит из шести мелких городов. Он управляется на общегубернских основаниях⁴².

Во второй половине XIX в. Хами уже потерял свое былое значение и представлял собой «небольшой и тихий уездный город, оживляющийся лишь при проходе торговых караванов, идущих из Внутреннего Китая и обратно. Хами — как раз пункт, через который проходят пути, идущие из Западного Китая во Внутренний Китай». Торгового значения город сам по себе не имеет и важен только как транзитный пункт, как этап на пути из Внутреннего Китая в Западный⁴³.

Хами, сообщал Маннергейм, состоял из трех частей: Синчэн — с базаром и всей торговлей, Ляочэн — с китайской администрацией и гарнизоном и, наконец, Хуйчэн — с дворцом князя и населением преимущественно из его батраков. Во всех трех — тысяч 10—12 населения, а во всем округе тысяч 18—20. В пространствах между частями города располагались огороды, поля и разоренные жилища. Каждая из трех частей города была обнесена зубчатой стеной «до крайности плохого устройства» — просто землебитной глиняной оградой квадратной формы, по углам которой и в середине размещались башни для продольного обстреливания стен⁴⁴.

Ч. Ч. Валиханов таким увидел Хами: внутри каждого города тесно скучены жилые глиняные фанзы, из которых многие находятся еще в разрушенном состоянии, в особенности в таранчинском (уйгурском). Подмечены ученым и такие детали: «В обоих китайских городах довольно много лавок, где торгуют исключительно китайцы. Товары привозят из Пекина. Дороговизна на все страшная: местные продукты также очень дороги.

⁴¹ См.: Сборник географических... Вып. 7. С. 138.

⁴² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 277.

⁴³ Там же. С. 277.

⁴⁴ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 63.

„Дешево у нас только серебро“, — комично говорили нам китайские лавочники. Действительно, серебра в Хами было в изобилии, так как его много получали войска. В таранчинском (уйгурском. — *Авт.*) городе лавок нет вовсе, только раз в неделю здесь устраивается временный торг»⁴⁵.

Значительным историческим центром Кашгарии является Турфан. Этот город «в давние времена играл значительную роль в истории Восточного Туркестана как пункт, через который совершалось движение из Китая в Туркестан. Это такое его расположение было причиной того, что Турфан переходил из рук в руки. Иногда он бывал и самостоятельным, имея своих князей, но в большей части князья эти были в зависимости от Китая»⁴⁶.

Ч. Ч. Валиханов свидетельствует, что в Турфане имели местопребывание наследные беки от Эмин-ходжи, который «за верность был возведен в достоинство цзюньвана, князя второго класса. Хаким-бек турфанский владеет шестью городами. В одном из них, маленьком городе Пичане, имеет местопребывание военный правитель с гарнизоном»⁴⁷.

Ко второй половине XIX в. Турфан уже утратил свое значение. Как отмечает Н. В. Богоявленский, «с усмирением мусульманского восстания минувшего столетия и с восстановлением китайской власти в крае, особенно когда главным городом Западного Китая был избран Урумчи, Турфан потерял всякое политическое значение, сделавшись простым уездным городом». Вместе с тем Турфан продолжал играть роль важного экономического центра.

По свидетельству Богоявленского, в Турфане, благодаря жаркому климату, «вызревают чудные фрукты: виноград, персики и т. д.». В окрестностях города культивируется в больших размерах хлопок, который все более вывозится в Россию. Здесь же изготавливается некоторое количество шелка-сырца. Его может быть еще больше, что для торговли и промышленности России тоже важно. Хлопок занимает главный вывоз, а затем — фрукты. Для очистки хлопка имеется 12 небольших заводов»⁴⁸.

⁴⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 277.

⁴⁶ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 115.

⁴⁷ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 277.

⁴⁸ См.: Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 119.

Приведенная оценка подтверждается Ч. Ч. Валихановым, отмечавшим, что «Турфан замечателен по отменному вкусу винограда и по обильному произрастанию хлопчатой бумаги»⁴⁹.

Сам город состоял из двух частей, построенных на расстоянии «около версты друг от друга». В части уйгурской с населением в 6 тыс. жителей сосредоточивалась вся торговля. Администрация занимала небольшую китайскую крепость.

Население Турфана составляло до 20 тыс. человек. Большинство жителей — местные уйгуры, — или турфанлыки, как принято их было называть в отличие от других китайских уйгуров. Проживало немного дунган и китайцев, которые состояли главным образом в администрации и войсках. Купцов-китайцев было совсем немного. Кроме того, в Турфане постоянно проживала небольшая группа уйгуров, русских подданных, которые занимались торговлей.

По словам Н. В. Богоявленского, «жители Турфана, а особенно женщины, известны своими легкими нравами, хотя и вообще китайские сарты высокой нравственностью не отличаются. Браки как легко заключаются, так легко и расторгаются. Так что, например, наши русские торговцы, имеющие дела в Турфане, или приезжие даже на время, женятся на турфанлычках, затем, если встретится нужда уезжать, то уезжают и нисколько не заботятся об участи оставленных там жен. Да и сами жены особенно об этом не горюют, так что в случае более или менее продолжительного отсутствия своих мужей, они довольно скоро находят новых»⁵⁰.

Другим крупным городом Восточного Туркестана являлся Хотан, издревле славившийся своими искусством и ремеслами. По определению К. Риттера, «хотанский оазис — древнейшая крупная культурная область Восточного Туркестана», сохранившая «славу города высокой культуры и образованности вплоть до XX века»⁵¹.

Краткую характеристику географического положения и населения Хотана дадим словами Ч. Ч. Валиханова:

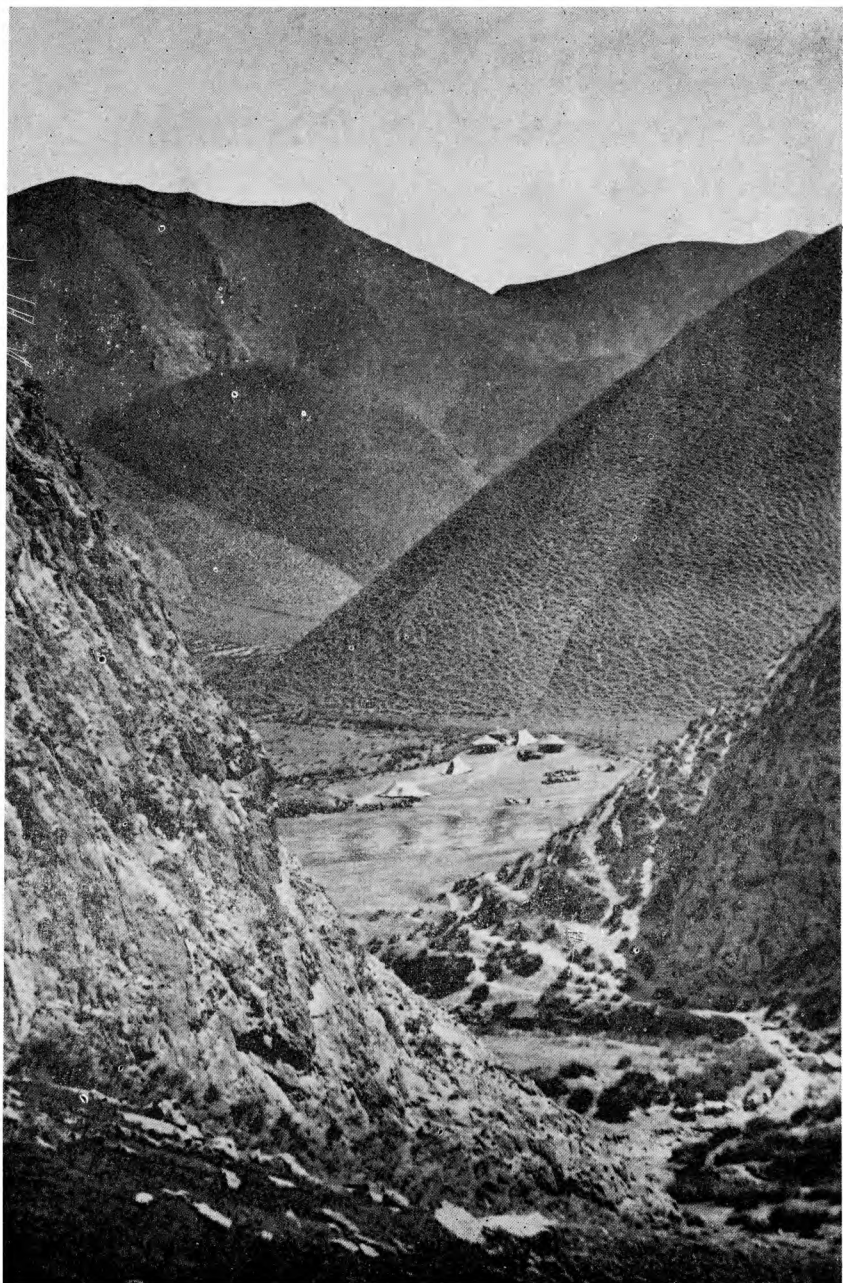
⁴⁹ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 2. С. 277.

⁵⁰ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 118.

⁵¹ Риттер К. Землевладение, география стран Азии, находящихся в непосредственных сношениях с Россией. Восточный, или Китайский Туркестан. Спб., 1869. Вып. 1. С. 48.

ИЛЛЮСТРАЦИИ¹

¹ Иллюстрации воспроизведены по книге М. В. Певцова «Труды Тибетской экспедиции в 1889—1890 гг.», изданной в Санкт-Петербурге в 1895 г. (Ч. 1).

Южная Кашгария. Женщина

Урочище Тохта-хон в горах Куэнь-Луня

Группа мужчин оазиса Нии

Селение Кара-сай у подножья Куэнь-Луня

Южная Кашгария. Мальчик

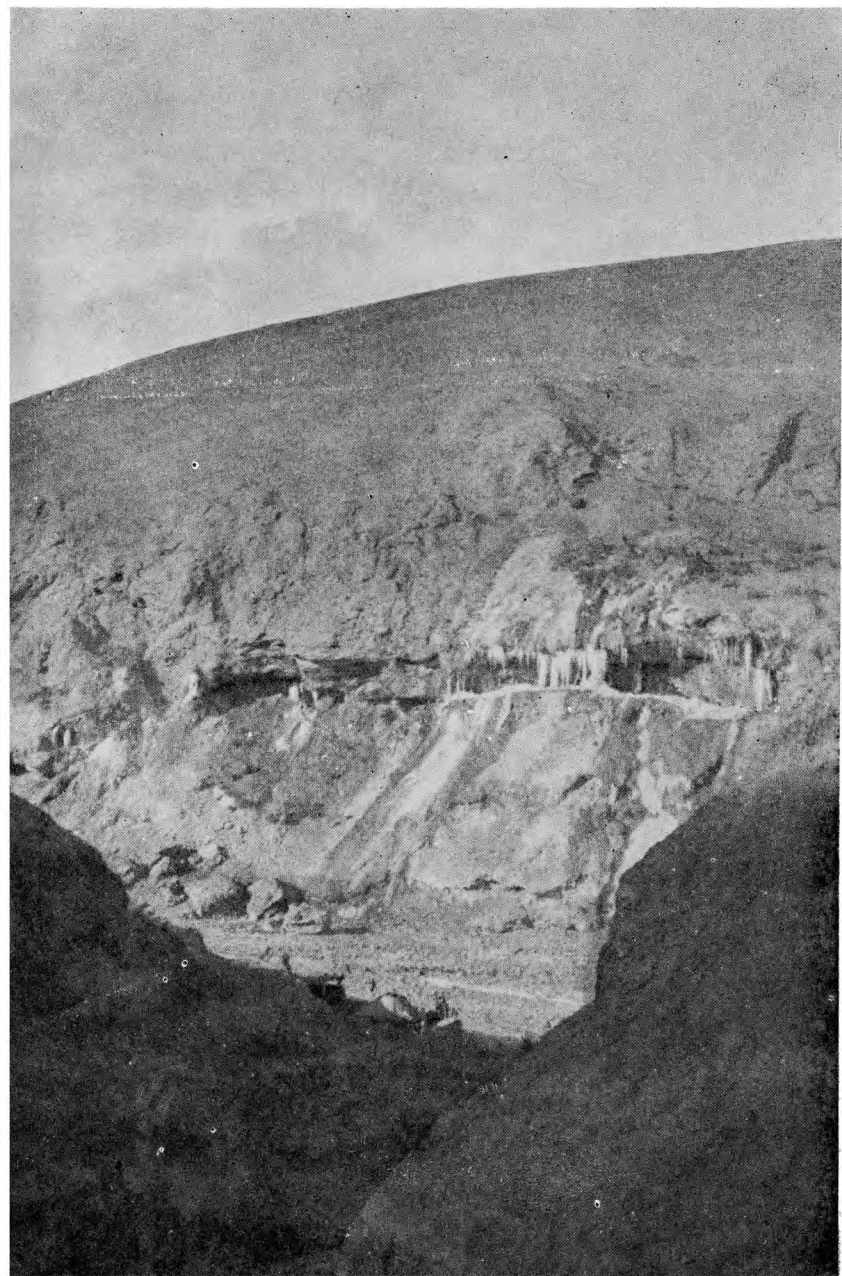
Ущелье р. Кубучидары в Куэнь-Луне

Группа жителей оазиса Нии

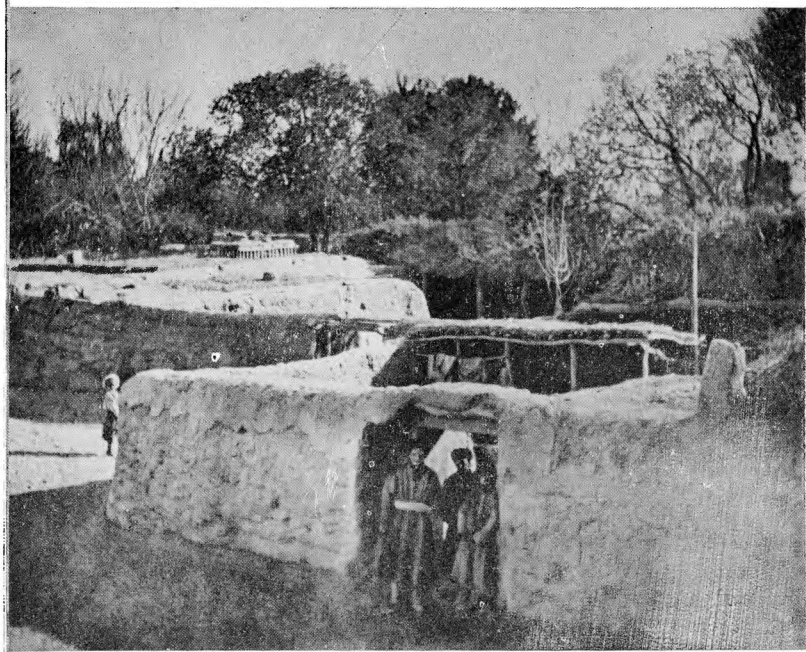
Яркендский оазис с городской башни

Восточная окраина Керийского оазиса

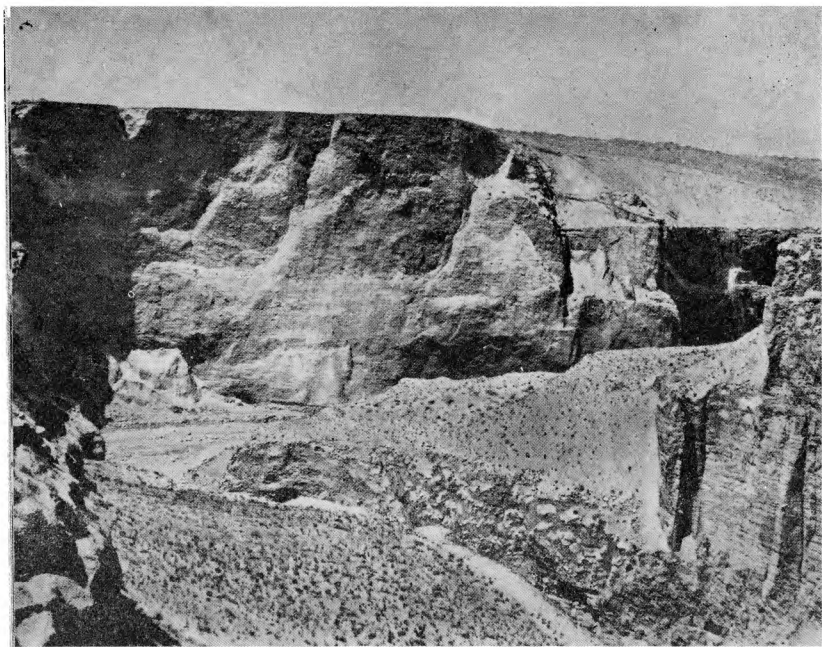
Каньон в горах Куэнь-Луня

Дома в оазисе Ясулгун

Долина р. Кериядаръи

Вид' на р. Толан-Ходжи в Куэнь-Луне

Яркенд. Вид с городской башни

Горы Куэнь-Лунь

«Хотан, у китайцев Ильца, лежит между реками Каракаш и Юрункаш, окружен низенькой стеной, имеет 8 сараев, из которых 3 заняты иностранными купцами, а в остальных торгуют торговцы из окрестных селений: Ильцы, Каракаш и Юрункаш. В Хотане насчитывается 18 тысяч домов»⁵².

Как большая часть городов Восточного Туркестана, Хотан состоял из двух частей: мусульманской и китайской. По свидетельству М. В. Певцова, «дома в Хотане, так же как и в Яркенде, очень невзрачны, т. е. такие же маленькие мазанки с плоскими крышами, как и там. Из городских зданий выделяются обширностью и изяществом своей архитектуры только пять больших мечетей. Из них мечеть Хазрет-султана, с мазаром этого святого и приютом для нищих,—самая древняя, украшенная снаружи изразцами. Мечеть Джалмы вмещает до 5000 молящихся, мечеть Чаарсы тоже очень обширна, затем следуют еще две большие мечети Хаитга и Алтын-мечеть.

Улицы в туземном городе узки, а переулки так тесны, что в иных совершенно невозможно разъехаться двум верховым. Но грязи в этом городе все-таки меньше, чем в многолюдном Яркенде и воздух в нем чище»⁵³.

В двух верстах к западу от мусульманской части города находился Янгишаари (новый город), построенный в 1883 г. и населенный китайцами. В городке, окруженном глиняной стеной с двумя воротами и рвом, проживали начальник округа с чиновниками, а также помещались окружное управление и батальон китайских солдат⁵⁴.

О количестве населения Хотанского Янгишаари имеются разные данные. Ч. Валиханов приводит цифру 1400 человек⁵⁵. У М. В. Певцова сообщается, что «жителей в нем считается около 500 человек, в том числе около 100 китайских чиновников, купцов, ремесленников и прислуги, 250 солдат и до 150 туземцев»⁵⁶.

В китайском городе имелся маленький базар, и в целом он содержался «несколько опрятнее» мусульманского, а его улицы были «шире и чище»⁵⁷.

⁵² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 122—123.

⁵³ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 82.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 122—123.

⁵⁶ Певцов М. В. Труды Тибетской...

⁵⁷ Там же.

Интересны, на наш взгляд, следующие наблюдения Ч. Ч. Валиханова о Хотане: «Окрестности города покрыты садами, особенно населено пространство до китайского города, которое как в Яркенде, образует улицу, где сосредоточена вся торговая деятельность. Хотан замечателен по обширному шелководству, производству тонких войлоков, ковров, полушелковой материи машру, тонкой бязи и шелковой материи даран. В реке Юрункаш добывают нефрит, который считается лучшим и отправляется в Пекин. Из селений замечательны Ильцы, примыкающие с восточной стороны к городу. Каракаш, Юрункаш, Керия и проч. эти селения имеют значительное население и известны в торговом отношении»⁵⁸.

У Н. В. Богоявленского есть сведения, что Хотан славился не только ковром и добычей нефрита, но и добычей золота⁵⁹.

К крупнейшим городам Восточного Туркестана относился Аксу, расположенный при слиянии рек Аксу с Кокшалом. Данные о населении Аксу противоречивы. В дневниках Ч. Валиханова в одном месте сказано, что в городе имеется 12 тыс. домов, в другом — 25 тыс.⁶⁰

Приведем описание города, составленное Ч. Ч. Валихановым.

Город Аксу окружен глиняной стеной, которая по объему гораздо меньше кашгарской, но имеет четверо ворот. В Аксу шесть караван-сараев и пять медресе. Середину города составляет площадь Чарсу, от которой на запад до Тимурчинских ворот и на восток до ворот Акин идут главные улицы, занятые лавками, ресторанами и пр. Базар бывает два раза в неделю — в четверг и пятницу. Для Аксу характерна централизация в нем китайской торговли; не менее важен он и в военном отношении, ибо дороги из Внутреннего Китая и из Или соединяются в нем. Кроме того, Аксу славится производством добротной дабы, называемой шиша, и кож, которые вывозятся в Хотан, Яркенд и Кашгар.⁶¹

Ч. Ч. Валихановым собраны также сведения о занятиях аксуйцев: «Жители занимаются мастерством,

⁵⁸ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 122—123.

⁵⁹ Богоявленский Н. В. Западный Застенный Китай. С. 120.

⁶⁰ См.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. Т. 3. С. 123. Т. 2. С. 278.

⁶¹ См.: Там же. Т. 3. С. 123.

имеют во множестве хлопка, проса, кунжут, ячмень и разные фруктовые деревья. Груши аксуйские славятся своим вкусом и отправляются богдыхану. Замшевые конские приборы известны повсюду»⁶².

Завершив описание крупнейших городов Кашгарии, добавим немного сведений о менее знаменитых городах и селениях, почерпнутых из записок русских путешественников.

Куча, служившая местопребыванием хакимбека второго класса, отличалась от других городов Восточного Туркестана тем, что в ней не было традиционного деления на мусульманскую и китайскую части. Ч. Ч. Валиханов по этому поводу писал, что «турфанцы и китайский гарнизон живут вместе в городе»⁶³.

В Куче производили бязь, в окрестных горах добывали медь, селитру, получали нашатырь. Как отмечал Ч. Ч. Валиханов, «в горах этих много пещер и летом видны огни. В одной пещере есть иссеченные буддийские кумиры. Устройство их относится к династии Тан»⁶⁴.

Описание Нии есть у М. В. Певцова, прошедшего зиму 1889—1890 г. в этом оазисе. Оазис Ния расположен у южного преддверия пустыни Такла-Макан и орошается речкой Ниядарьей. Эта речка образуется немного выше оазиса из источников и течет более 100 верст на север по широкой солонцеватой долине, в которой нередко встречаются источники, поддерживающие ее на длинном пути по пустыне. Весной и летом с конца апреля до начала августа Ниядарья от таяния снегов и ледников в Куэнь-Луне становится очень многоводной и течет в это время непосредственно с окраинного хребта, представляя собой продолжение горной речки Улук-су. Осенью же и зимой течение ее на пространстве от подножия Куэнь-Луны до оазиса Ния прерывается, и только присутствие на этом протяжении плоского и каменистого сухого ложа указывает на периодическое разлитие названной речки. По спадении в Ниядарье воды в конце июля на ней тотчас же сооружают в самом оазисе и ниже его по несколько земляных плотин для доставления воды мельницам, построенным на главных арыках.

Оазис, протянувшийся с востока на запад полосой верст в 12 в длину и около 2-х верст в ширину, состоит

⁶² Там же. Т. 2. С. 278.

⁶³ Там же. С. 277.

⁶⁴ Там же.

из трех отдельных частей, из которых две западные разделены неширокой долиной Ниядарьи, а восточная часть, наиболее длинная, отделяется от средней пустырем. Площадь Ниинского оазиса включает в себе около 20 кв. верст с 380 дворами и населением до 1850 человек.

Дома в этом оазисе рассеяны очень редко, и на каждый двор в нем приходится приблизительно до пяти десятин земли. Лёссовая почва его со значительной примесью крупнозернистого песка, нанесенного ветрами из соседней пустыни, уступает в плодородии чистому лёссу яркендского и карагалькского округов, но благодаря обилию воды дает все-таки хорошие урожаи: кукуруза в Нии родится средним числом сам 28, пшеница — сам 13, ячмень — сам 12 и рис — сам 14. После него засевают, впрочем, очень мало, хотя в долине речки Ниядарьи ниже оазиса встречаются нередко места, удобные для рисовых плантаций. Пашни и огороды в Нии удобряют исключительно навозом и грязью из арыков. Удобрение кладут весной перед посевом в весьма незначительном количестве и притом далеко не на всю возделываемую землю, а только на некоторые, наиболее истощенные ее участки⁶⁵.

Географические описания Восточного Туркестана, приведенные здесь, и те, что содержатся в трудах других русских путешественников XIX в., дают в руки современных ученых материалы, позволяющие производить сравнительный анализ при изучении географии этой страны.

⁶⁵ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 192—193.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Записки русских путешественников отличаются широким тематическим разнообразием, многогранностью и глубиной научного исследования практически всех сторон жизнедеятельности государственных образований, существовавших во второй половине XIX в. на территории Восточного Туркестана. В сферу научных интересов русских ориенталистов входили вопросы государственного устройства (административное деление, органы административного управления и суда, организация клерикальных институтов, система налогообложения, армия и т. д.), экономики и торговли.

Изучение административного устройства, характера экономических и торговых отношений, их особенностей — все это вызывалось не только научными целями, но и интересами укрепления связей России с сопредельной страной.

Содержащиеся в трудах русских путешественников описания государственного устройства Восточного Туркестана довольно противоречивы, как полна противоречий и крутых поворотов история этого региона во второй половине XIX в. Достаточно сказать, что в 1825—1877 гг., т. е. в течение 52 лет, в Восточном Туркестане четырнадцать раз менялись правители, принося с собой изменения в устройство государства. Как метко заметил русский консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский, «...в течение указанного времени, даже если не считать мелких внутренних смут в разных местностях и войн Якуб-бека, в стране этой в среднем каждый четвертый год был годом капитальной смуты, военное положение, мщение победителей над побежденными, бегство и разорение

сих последних чередовались как высокосы. Понятно поэтому, что никакое описание страны, никакие сведения, кроме известий о самих смутах и исследования в области естественных наук, как бы точно и тщательно они ни были собраны, почти тотчас же за их обнародованием утрачивали свой практический интерес...»¹

Сложность единого описания государственного устройства Восточного Туркестана заключалась еще и в том, что частые смены в одном каком-либо городе или вернее округе затем через долгий промежуток времени передвигались в другие. По словам того же Н. Ф. Петровского, «бывали нередко случаи, что когда в Кашгаре сидел уже мусульманский правитель, в Яркенде и других городах продолжали еще владычествовать китайцы или объявлялся ханом какой-нибудь туземец. Даже Якуб-беку, приведенному в Восточный Туркестан излюбленного населением истого и законного правителя, святошу и потомка ходжей Бузрук-хана, требовалось почти четыре года борьбы, чтобы соединить под его властью четыре южных округа, и целый ряд походов, преступлений и хитростей, чтобы окончательно объединить уже под своей властью весь Восточный Туркестан. Этой же причиной объясняется и легкость, с которой восстановлено было в Кашгарии китайское владычество»².

А. Н. Куропаткин выделял следующие основные вехи «кровавого» полувекового периода истории Кашгарии: 1825 г.— восстание Джангир-тюри; 1830 г.— нашествие кокандских войск и восстание ходжи Мэд-Юсуфа; 1847 г.— восстание семи ходжей (Катта-тюри); 1857 г.— восстание Валихан-тюри; 1862—1863 гг.— восстание Кашгарии против китайцев вместе с дунганами (Рашидин-ходжа, Абдулла-ходжа и Хабибулла-ходжа); 1864—1868 гг.— завоевание Кашгарии Якуб-беком; в 1869 г.— поход Якуб-бека против восставшей Сарыкольской области (в горах); 1872 г.— восстание дунган против Якуб-бека, усмирение их сыном Якуб-бека — Бек-кулы-беком; 1876—1877 гг.— начало борьбы Якуб-бека против китайцев.

Наиболее стабильной составной частью государственного устройства, подвергавшейся в результате много-

¹ См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии: Вып. 22. Спб., 1886. С. 87.

² Там же. С. 91.

кратных смен власти наименьшим изменениям, являлось административное деление. По сведениям А. Н. Куропаткина, подтверждаемым другими путешественниками, в административном отношении Кашгария делилась на десять главных и значительное число второстепенных единиц. К главным относились округа: Кашгарский, Янги-гиссарский, Яркендский, Хотанский, Аксуйский, Уч-Турфанский, Байский, Кучинский, Курлинский и Куня-Турфанский. К второстепенным относились округа, или вернее, отделы: Марал-башинский, располагавшийся на дороге из Кашгара в город Аксу; Кальпинский, лежавший по дороге из города Кашгара в город Уч-Турфан; Улугчатский, вмещавший в себя часть горной полосы между Ферганской областью и Кашгарией; Каргалыкский, находившийся по дороге из города Яркенда в Хотан; Таш-Курганский, охватывавший горную полосу по верховьям Яркенддарьи. Сюда же относились отделы, входившие в культурные районы выше перечисленных округов, но имевшие от них независимое управление, из них нам известны только в Кашгарском округе Упал, Таш-Малык, Артуш, Аргу, Тазгун и Хан-Арык.

Каждый из крупных округов объединял один город и большее или меньшее число селений (кишлаков). Так, Кашгарскому округу принадлежали кишлаки: Сарман, Тогузак, Курган, Каракыр, Бишкарам, Абат, Кызылбуй, Яндама, Шаптали, Ак-яр, Ярмасан, Нижняя Яндама, Бек-тукай, Хош-абат, Файза-бад, Купсангир, Тупряк, Карабаг, Порач, Буйра-китай, Научук, Лавлет-баг, Кызыл-дубя.

Каждый округ или отдел в административном отношении и для сбора податей подразделялся на большее или меньшее число волостей (аксакальств), вмещавших в себя по одному или несколько кишлаков.

Административное деление Восточного Туркестана определялось сложными физико-географическими условиями и особенностями хозяйственной деятельности населения, естественным образом связанного с базами и крупными городами, являвшимися административными, хозяйственными и культурными центрами округов. Вследствие стабильности перечисленных условий административное деление оказывалось защищенным от произвола сменявших друг друга правителей Кашгара.

В совершенно ином положении оказывалась перед лицом частых перемен власти система органов админи-

стративного управления, суда и церковных учреждений — каждый из деятелей, взявших верх в борьбе за власть, стремился привести эту систему в соответствие со своими взглядами на управление страной, основу которых, однако, зачастую составляли соображения наживы. А. Н. Куропаткин в этой связи отмечал: «Восстания производились ради выгоды отдельных лиц, имели успех только вследствие неспособности китайских военачальников, малочисленности и дурного качества их войск, и после усмирения каждого восстания главные виновники его успевали большей частью вовремя бежать с награбленными богатствами, народ же расплачивался за затеи своих вожakov жизнью и имуществом»³.

В целом в государственном устройстве Кашгара смешивались элементы мусульманской и китайской административных систем, причем в разное время и в разных областях отличавшихся значительным разнообразием в пропорциях.

Мусульманская система, очевидно, имела свой расцвет в период нахождения у власти Якуб-бека. Излагая историю государства при нем, русские путешественники сходятся во мнении, что Якуб-бек сделался правителем Кашгарии не по желанию народа, а как узурпатор, захвативший власть в свои руки, пользуясь слабостью Бузурука и опираясь на войско. Стремясь к власти, Якуб-бек не гнушался никакими средствами. «Он берет с боя Янги-гиссар, Яркенд, Хотан. В последнем,— писал А. Н. Куропаткин,— режет массу жителей, вероломно умерщвляет хакимов Хотана и Кучи — Хабибуллу и Рашиддина, истребляет взбунтовавшихся кипчаков, обязавшись клятвой на Коране выпустить их свободно из Кашгарии, дает яд Катта-тюре, заметив, что он не был расположен повиноваться беспрекословно, и т. д.»⁴

Анализируя внутреннюю и внешнюю политику Якуб-бека, русские путешественники отмечали, что первая зиждилась на армии, сильные гарнизоны которой были расставлены во всех городах для достижения спокойствия, вторая — также на армии, силами которой внешние границы удалялись далеко за пределы земель, принадлежавших когда-либо Кашгарии. Такая ориентация политики предопределила форму государственного устройст-

³ Куропаткин А. Н. Кашгария. Спб., 1879. С. 43.

⁴ Там же. С. 44.

ва Восточного Туркестана времен правления Якуб-бека. По этому поводу А. Н. Куропаткин не без основания замечал: «Занятый войнами, поддержанием спокойствия внутри страны, обеспечением границ извне и организацией своего порядка, Якуб-бек не мог уделить много времени на наведение порядка в стране и поэтому принял систему управления Кашгарией наиболее спокойную для него и в то же время наиболее тяжелую для народа»⁵.

Вся полнота власти была сосредоточена в руках самого Якуб-бека. Он назначал по своему усмотрению высшую гражданскую и военную администрацию, судей, духовенство. Его придворный штат был малочислен, чем резко отличался от штатов бухарского эмира или кокандского хана. Все распоряжения по управлению страной и всю переписку Якуб-бек вел через свою канцелярию, состоявшую из четырех эмиров, которые служили ему одновременно и секретарями, и писарями.

Во всех случаях, где возможно, приказания отдавались словесно. Каждое утро со светом Якуб-бек уже сидел на своем обычном месте у двери на коврике. Вся полученная за истекший день переписка прочитывалась им полностью. По прочтении каждой бумаги он диктовал тотчас свое резюме, что записывалось мирзой на прочитанной бумаге. В тот же день гонцы верхом со скоростью от 140 до 200 верст в сутки везли эти бумаги по назначению. Через каждые 40—50 верст гонцы меняли лошадей на специальных станциях.

Как отмечал А. Н. Куропаткин, быстрота решений Якуб-бека и их строгость известны всем и заставляли подданных Якуб-бека дрожать при его имени за сотни верст.

Хакимами (начальниками) каждого округа бадунет назначал беков, хакимами отделов — беков, тогсобов, пасатов и даже юзбаши. Все хакимы считались независимыми и сносились непосредственно с самим Якуб-беком. Каждому хакиму район отдавался как бы в аренду: он был обязан доставить в казну определенное количество зерна и денег, весь же собранный излишек поступал в собственность хакима. Денежного содержания хакимы не получали не только на себя, но и на весь свой штат. В штат хакимов обычно входили главный серкер (сбор-

⁵ Там же. С. 4.

щик налогов) и несколько мирз (секретарей, писцов). На доходы со всего округа или отдела каждый хаким обязан был содержать большее или меньшее число солдат, служивших в гарнизоне города, в полиции и в качестве чабарамов (курьеров). По распоряжению Якубека хакимы получали более или менее значительные земельные участки во временное или вечное пользование.

Каждый хаким кроме выплат в казну определенного количества зерна и денег обязан был ежегодно приносить бадудету подарки, размер которых сильно влиял на расположение к ним правителя. Подарки состояли из значительного числа лошадей, тюков с халатами, ковров, шелковых тканей, тюков с чаем, сахаром, блюд с золотой и серебряной монетой или слитками. «Число» «девять», — отмечал А. Н. Куропаткин, — играет значительную роль при расчете подарков. Обыкновенно присылается один или несколько десятков лошадей, девять тюков с халатами (при бедности девять халатов), девять ящиков с сахаром (или девять головок сахару), девять ямб (слитки по 108 рублей каждый) и т. п. Подарки эти доставлялись или лично хакимами, являющимися на поклон к бадудету, или через их доверенных людей. Бадудет одаривал своих хакимов больше лаской, чем вещественными предметами, имеющими денежную ценность. Халаты различных оттенков, пояса и оружие — вот вещи, которыми он одаривал как первых хакимов, так и последних чабаров»⁶.

Главными должностными лицами в каждой волости являлись серкер и юзбаши. В обязанность обоих входили сбор, хранение и сдача в казну различного рода податей. Кроме того, серкер заведовал казенными продовольственными магазинами, из которых выдавал проходящим воинским командам провиант и фураж под контрмарки от хакима. В обязанности юзбаши входило поддержание спокойствия и порядка в селениях, содержание в исправности дорог, встреча войск, различного рода начальников, их расквартирование, а также сбор с жителей перевозочных средств для войск, прием и сдача этих средств военным властям.

Следует отметить, что должностные лица, начиная с хакима, не получали от казны содержания. Хакимы

⁶ Там же. С. 33.

награждали себя сами из собираемых ими доходов, и, судя по подаркам, которые они имели возможность делать бадулету, это вознаграждение было весьма значительным.

«Серкеры,— писал А. Н. Куропаткин,— бравшие поставку хераджного сбора на откуп, никакого вознаграждения не получают. Серкеры же, доставляющие хераджный сбор сообразно урожаю, имеют право на кяфсень, т. е. на известную (неопределенную) часть зерна для вознаграждения себя и участвовавших в сборе своих помощников»⁷.

Юзбаши, выбираемые из местных жителей, обычно имели в местах своей службы земельные участки, которые им бесплатно обрабатывали жители. В этой связи Н. Ф. Петровский с горечью писал: «Все округа были сданы в аренду, и их хакимы стали брать с народа более, чем мог он дать, и этим подрывали в корне всякую возможность для него оправиться. Мелкие начальники — серкеры, юзбаши — поступали так же, как и их старшие. Каждый думал только о наживе и, сознавая непрочность своих мест, старался нажиться как можно скорее»⁸.

Суд в Кашгарии был представлен казиями, назначавшимися Якуб-беком по одному на несколько волостей в зависимости от плотности населения и территории различных волостей. В аппарате каждого казия состояло по одному муфтию, толкователю закона. Наконец, в каждом селении имелось по одному раису, выбиравшемуся из наиболее нравственных и набожных местных жителей.

Кроме того, в административном центре каждого округа имелся казы-аскер — специальный судья для обеспечения судопроизводства по делам военнослужащих, казы-калян — старший над всеми казиями и казы-раис — старший над раисами. Эти три лица назначались лично Якуб-беком и не были зависимы от хакимов.

Как административный, так и судебно-полицейский аппарат государственной казной не оплачивался. Казии или муфтии за каждое решенное дело получали вознаграждение с тех, кто затевал тяжбу, или с виновных. Это вознаграждение бывало от 20 к. и до размеров весь-

⁷ Там же. С. 36.

⁸ Сборник географических... С. 90.

ма крупных. Служившие при кази полицейские чины, вызывавшиеся в суд, также получали вознаграждение с виновных. Райсы довольствовались добровольными приношениями, которые для смягчения строгости райса иногда бывали солидными. Кроме того, участвуя во всех похоронах, раис пользовался правом брать себе лучший халат покойного, которым по обычаю покрывалось его тело во время церемонии погребения.

Для полноты картины судопроизводства в Кашгаре приведем наблюдения А. Н. Куропаткина: «Права райсов весьма обширны, а произвольное пользование правами и их расширение в большинстве случаев не менее тяжелы для жителей, как и произвол серкеров и юзбашей при взимании податей. По смыслу закона и обычаю раис есть блюститель общественной нравственности и чистоты обрядовой стороны магометанской религии.

С символом своей власти, ременной плетью, раис обходит в любое время дня и ночи селение и имеет право заходить в каждый дом. Мужчины, женщины и дети все подлежат ведению его. Он следит, чтобы в семьях не было раздоров, следит, чтобы все положенные намазы (молитвы) отправлялись даже детьми, следит, чтобы дети посылались в школы, проверяет в лавках весы и меры, наблюдает за хорошим качеством продаваемых на базаре продуктов, следит, чтобы женщины не показывались на улице без покрывал, следит, наконец, чтобы в восемь-девять часов вечера уже все укладывались спать. На виновных или только подозреваемых в виновности сыпятся им щедрые удары плетью по спине, плечам и даже по голове. Кроме того, за известные преступления уже положено определенное число ударов. Так, например, ткач, который пустит в продажу мату в кусках меньшей длины чем положено, получает 39 ударов.

Медленное движение райса по улице в сопровождении полицейских вызывает панику во всех встречаемых. Мужчины обыкновенно останавливаются и с опущенной головой ждут, когда строгий блюститель порядка минует их. Женщины же и дети, завидя райса, обращаются в ничем неудержимое бегство. Каждый встречный, если только он не из зажиточных жителей, может рассчитывать получить несколько ударов плетью без вины, вперед»⁹.

⁹ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 44—45.

В трудах русских путешественников имеется также много других интересных сведений, касающихся административного устройства края, его государственных институтов. При этом записки отражают большую эрудицию исследователей в области общественно-правовых знаний.

Изучая различные стороны функционирования этого государства в XIX в., русские путешественники не могли, естественно, не описать один из важнейших его организмов — армию. Внимание к ней не случайно и понятно. Почти все русские путешественники были людьми военными и, отправляясь в экспедицию, помимо задачи исследований края руководствовались интересами обеспечить безопасность российских рубежей. Опытный взгляд исследователя-военного профессионально подмечал интереснейшие детали, улавливал особенности развития армии Восточного Туркестана. Дошедшие до нас подробные описания системы комплектования службы, вооружения и снабжения, жизни и быта позволяют более или менее полно представить, сколь оригинальной для того времени была азиатская армия этого государства.

Материалы экспедиций и миссий офицеров Генерального штаба — Н. М. Пржевальского, М. В. Певцова, А. Н. Куропаткина, Маннергейма, Каульбарса, Рейнталя, Галкина, Ч. Ч. Валиханова, а также публикации русских исследователей и корреспондентов, представленные известными в России периодическими изданиями «Русский инвалид», «Военный сборник», «Туркестанские ведомости», помогают воссоздать особенности военной организации в Восточном Туркестане во второй половине XIX в.

Одна из первых попыток создать в Восточном Туркестане постоянные войска относится к началу 60-х гг. XIX столетия, когда страной завладел ходжа Валихан. Придя путем вооруженного переворота к власти, он энергично принялся за организацию армии. Всех добровольно изъявивших желание служить разбил на знамена по 500 чел. в каждом под начальством пансата. Войска делились на пехоту — сарбазов и кавалерию — джигитов. Они были довольно бедно одеты (как таковой формы не существовало), обучены движениям в строю и нескольким командам, вооружены весьма разнообразно: в пехоте и кавалерии имелись фитильные ружья и в

небольшом количестве кремневые; кавалерия была вооружена пиками, пехота — короткими дротиками, шашками (клычами) и батиками¹⁰.

Добровольцев оказалось недостаточно для комплектования постоянного войска. Валихан принял решение о рекрутском наборе всех молодых людей, годных к службе. Эта мера в значительной степени увеличила численность войск, но вместе с тем вызвала сильное недовольство населения. Ведь население было обременено и бесплатной поставкой для войска лошадей, скота, провианта, фуража и топлива. Все мастеровые были заняты выделкой оружия, изготовлением одежды и снаряжения. В Кашгаре открылся литейный завод, на котором начали отливать артиллерийские орудия. Недостаток в меди заставил Валихана насильственно отобрать для этого завода медную посуду, находившуюся в обращении не только у местных жителей, но и у иностранных купцов. С появлением орудий была сформирована батарея¹¹.

Четыре месяца непрерывных усилий Валихана и его приверженцев по созданию армии привели к образованию довольно многочисленного войска, с которым он намеревался выступить на борьбу с китайцами. Хотя первое столкновение с китайским войском закончилось полным поражением Валихана, значение опыта создания постоянной армии Восточного Туркестана велико. Причины военного поражения Валихана, очевидно, следует искать в отсутствии поддержки населения, в исключительно слабой подготовленности войска и пр. Для нас, как следует из материалов русских путешественников, очевиден факт быстрого и организованного образования здесь мусульманского войска.

Интересным периодом в истории этой страны XIX в. были 70—80-е гг., которые падают на время правления Якуб-бека.

Воспользовавшись результатами национально-освободительного восстания уйгуров и дунган 1862—1864 гг., Якуб-бек установил военно-теократическое государство в форме военной диктатуры, основой которого стала армия. По своей организации, оснащению, обученности армия Якуб-бека представляла собой в определенной степени особый государственный институт, который не-

¹⁰ См.: Там же. С. 46.

¹¹ Там же. С. 158.

случайно привлекал внимание русских исследователей второй половины XIX в. Дошедшие до нас материалы описаний армии Якуб-бека, большая часть которых до сих пор мало известна широкому кругу читателей, свидетельствуют о том, что наиболее подробно вопросы, связанные с военной деятельностью этого правителя по созданию армии, освещались в исследованиях русских путешественников этого периода.

Прибыв, как известно, в 1864 г. в Восточный Туркестан в качестве лашкар-баши (главнокомандующего), сопровождавшего кокандского ставленника Бузурук-хана, Якуб-бек в борьбе за власть мог рассчитывать только на военную силу. С этой целью он создал особое положение войска в государстве — привилегированное и господствующее. Щедро награждая и раздаривая места в администрации военным, Якуб-бек содействовал образованию высшей аристократии. Личные качества этого правителя немало способствовали росту его популярности в войсках. А. Н. Куропаткин отмечал: «Его военные дарования, организаторские способности, личная храбрость, скромная жизнь, сила воли и железная энергия в достижении поставленных им себе целей, казалось, могли бы служить залогом, что под управлением этой богато одаренной от природы личности страна отдохнет и оправится от пережитых ею бедствий»¹².

Организация, приданная Якуб-беком его войскам, в принципе ничем не отличалась от издавна практикуемой во многих независимых азиатских владениях.

Войска разделялись на сарбазов (пехоту), джигитов (кавалерию) и топчи (артиллерию). Боевой единицей считалась сотня под командой юзбаши. Сотня при численности от 40 до 60 чел. делилась на полусотни под командой двух пяндж-башей. Полусотни разделялись на десятки, которыми командовали да-баши (десятники).

Все лица, принадлежавшие в Кашгарии к военному сословию, носили при Якуб-беке название сипаев. Кроме сарбазов, джигитов и топчи, существовали еще тайфурчи, которые по своему вооружению, состоявшему из тяжелых и длинных фитильных ружей, и по своему назначению представляли род войска, ближе подходящий к артиллерии, чем к пехоте.

Сарбазы, джигиты, топчи и тайфурчи составляли

¹² Там же. С. 157.

войска постоянные, кроме них в восточных городах Якуб-беком были сформированы для борьбы с китайцами еще временные ополчения, преимущественно из дунганского населения.

С прибытием в Восточный Туркестан турецких военных инструкторов сарбазы вместо прежнего подразделения на сотни и знамена были разделены на таборы. Каждый табор делился на 8 булюков по 30 рядов в каждом. В случае недокомплекта численность булюков изменялась от 15 до 30 рядов¹³.

Большая часть кавалерии Якуб-бека постепенно получила организацию, принятую также от турецких инструкторов. Джигиты подразделялись на таборы. Каждый табор делился на 8 таких по 15—16 рядов в каждом. Определенная часть джигитов сохранила старое деление на сотни и на знамена. Первыми командовали юзбаши, а вторыми — пансаты. Сила сотни изменялась от 40 до 100 чел. Одно знамя состояло из 3—6 сотен.

В кашгарских войсках имелось несколько артиллерийских батарей, каждая из шести орудий. Они состояли из гладкостенных орудий местной отливки, приблизительно 12-фунтового калибра, и из орудий горных трехфунтовых нарезных, заряжающихся с казенной части. При каждой из батарей имелось в прикрытии около 50 конных и столько же пеших людей.

Тайфурчи набирались исключительно из китайцев и дунган. Каждые четыре человека составляли прислугу и живой лафет для тайфурчи, большого фитильного ружья. Пять таких тайфур составляли отделение. Каждое отделение имело свое знамя и пять человек прикрытия с обыкновенными ружьями¹⁴.

В пехоте, кавалерии и артиллерии принята была следующая служебная иерархия. Нижние чины имели три степени: рядовые, да-баши (десятники) и пяндж-баши (пятидесятники); офицерских чинов было только два — юзбаши (сотник) и пансат (пятисотник). Первый из них составлял степень обер-офицерского, второй — штаб-офицерского чина. Высший военный чин был ляскар-баши, который командовал 5—10 пансатами и соответствовал как бы начальнику дивизии.

Первоначально войска комплектовались доброволь-

¹³ Там же. С. 161.

¹⁴ Там же. С. 162.

цами как из среды населения, так и из иностранцев. Позже была установлена обязательная рекрутская повинность при сохранении вербовки добровольно поступающих на службу как вспомогательного средства для комплектования своих сил.

Обязательная повинность падала на все мужское население, достигшее 15-летнего возраста. Число рекрутов, поставляемых ежегодно населением, было произвольно изменяемо сообразно потребности. Определенное к призыву число рекрутов распределялось по округам и в округах — по городам и кишлакам. Тяжесть рекрутской повинности должна была преимущественно падать на семейства, имеющие двух-трех братьев, из которых брали одного. Возраст для рекрута определялся от 15 до 35 лет.

Китайцы, служившие в войсках Якуб-бека, были остатками китайских войск, истребленных во время восстания в Кашгарии в 1863—1864 гг. Приняв мусульманство, они спасли себе жизнь, но сами и их дети с двенадцати лет были записаны поголовно в служилое сословие. Китайцы комплектовали особые тайфурные войска и составляли самую ненадежную часть вооруженных сил. Кроме службы в тайфурчах, китайцы исполняли все хозяйственные работы в войсках.

Дунгане комплектовали частью тайфурные войска, частью поступали в джигиты. Их положение было несколько лучше, чем китайцев, хотя и к ним относились с большим недоверием. Китайцы и дунгане имели начальников, назначавшихся из их же среды. Киргизы были охотниками в кавалерии и курьерами почтовой связи.

Наконец, в войсках было довольно значительное число бывших рабов, захваченных в войнах с различными мелкими независимыми землями, окаймляющими западную и южную границу Кашгарии.

Служба в кашгарских войсках была пожизненная. Сделавшиеся неспособными для строевой службы назначались к обработке полей или пасли казенный скот.

Награды по службе выражались в деньгах, одежде и оружии, в производстве в чины и в отпусках. Размер денежных наград был совершенно произволен. Практиковалось награждение оружием или одеждой. Одежда состояла из халатов различного достоинства в зависимости от звания награждаемого. Простым солдатам дава-

лись ситцевые или атласные халаты, юзбаши — шелковые, редко суконные, пансатам — суконные высшего качества, парчевые и в редких случаях они получали бархатные.

В числе наградного оружия главную роль играли дуствольные охотничьи ружья и редко — револьверы.

Награждение чинами не определялось ни сроками службы, ни старшинством. Производство в да-баши и пяндж-баши зависело от пансатов. Производить в юзбаши и пансаты зависело уже от воли Якуб-бека, который по своему усмотрению мог из рядовых назначить прямо в пансаты и, наоборот, пансатов разжаловать в рядовые. Дальнейшие награды пансатов состояли в пожаловании им в арендное содержание (или даже в собственность) земельных участков, иногда целых кишлаков, и в назначении их на придворные и административные должности, к числу последних относились высшие звания, приобретаемые на службе по администрации: токсобы, бектособы и беки. Управляя населением, названные чины могли в то же время сохранить за собой командование войсками, расположенными в управляемом ими районе.

Небезынтересна постановка обучения кашгарских войск бою и боевым действиям. Занятия с войсками и учения проводились довольно часто: Якуб-бек придавал этим вопросам большое значение.

Бой примерно организовывался следующим образом.

При сближении с неприятелем вперед высылались кавалерийские подразделения для ведения разведки. Пехота оставляла своих лошадей и арбы в обозе, которому придавалось сильное прикрытие. В дальнейшем кавалерия следовала по флангам колонны, составленной из пехоты и артиллерии. Обоз оставался на месте. Затем строился боевой порядок. Пехота и артиллерия выстраивались в одну или несколько линий. В интервалах между каждыми двумя орудиями находилось 40—60 пехотинцев. Кавалерия отходила большей частью в резерв. По мере надобности длина боевой линии увеличивалась с обеих сторон. Войска вводились вперед постепенно. Затем большей частью войска обеих сторон смешивались в одну общую беспорядочную толпу, которая, подобно рою пчел, подавалась то в одну сторону, то в другую. Важную роль играл резерв, надежно укрытый от взора

неприятеля. В резерв входили отборные части, преимущественно кавалерия.

Кавалерия действовала во время боя огнестрельным оружием. Выдвинутые вперед части, рассыпаясь иногда в виде цепи наездников, открывали перестрелку с противником. Стрельба с лошади практиковалась не только в одиночку, но и целыми шеренгами. При оборонительных действиях кавалерия спешивалась целыми частями, причем в коноводы уходила только четвертая часть людей. Настоящее действие кавалерии начиналось с той минуты, когда противник дрогнул. Тогда, заложив ружья за плечи и выхватив клычи (шашки), кавалерия бросалась вперед, довершая поражение противника.

При атаке превосходящего противника боевая линия пехоты, кавалерия и артиллерия смыкались в каре с орудиями, расставленными по всем углам.

Тайфурные войска в деле показывали себя очень плохо. Якуб-бек, сознавая это, постепенно расформировывал их. Из нескольких тысяч доставшихся ему тайфур он оставил в войсках китайцев и дунган только несколько сот. Китайским тайфурчам выдавались фитильные ружья. Большей части дунганских солдат взамен тайфуры были также выданы фитильные ружья.

Об уровне боевой подготовки кашгарской армии отчасти может свидетельствовать мнение главы русской дипломатической миссии полковника Каульбарса. В письмах Туркестанскому генерал-губернатору, датированных 1872 г., барон Каульбарс подробно излагает свои впечатления от знакомства с войсками Восточного Туркестана. Он неоднократно присутствовал на смотрах, учениях, имел возможность изучить жизнь и быт войск. В частности, полковник Каульбарс выделял меткую стрельбу сарбазов и артиллеристов. Батарея на конной тяге обучена, по его словам, искусному маневрированию согласно английским командам ¹⁵.

Важнейшим вопросом являлось вооружение новой армии. К моменту прихода к власти в Восточном Туркестане Якуб-бека в войсках уйгуро-дунганских повстанцев в достаточном количестве имелось лишь холодное оружие. До 1868 г., как отмечал А. Н. Куропаткин, в местных мастерских изготовлялись преимущественно фитильные ружья и в небольшом количестве курковые.

¹⁵ См.: Сборник географических... С. 26.

Порох в Восточном Туркестане изготовлялся довольно удовлетворительного качества ¹⁶.

Потребность иметь хорошо вооруженную армию и сложность доставки в страну оружия и боеприпасов извне диктовали необходимость создания основ собственной военной промышленности. По указанию Якуб-бека в Кашгаре было создано несколько пороховых заводов, изготовлявших полированный порох хорошего качества. Там же, как указывал полковник Рейнталь ¹⁷, действовал пушечный литейный завод и особый завод по изготовлению картечных снарядов. С помощью английских мастеров кашгарцам удалось наладить выпуск разрывных снарядов и разрывных гранитных трубок. Был создан также оружейный завод, на котором ударные ружья переделывались в скорострельные. В 1875 г. в армии Якуб-бека имелось уже около 4 тыс. ружей, переделанных в скорострельные ¹⁸.

Таким образом, Якуб-беку удалось наладить собственное военное производство, что имело важное значение для повышения боеспособности армии и уменьшало зависимость его государства от иностранных держав. Вместе с тем следует учитывать, что ограничивались усилия правителя в этой области общей экономической отсталостью страны.

Материалы экспедиций и миссий свидетельствуют о стремлении Якуб-бека установить тесные военно-политические и военно-экономические связи с Англией, Османской империей и некоторыми странами мусульманского мира.

Во время своей второй миссии к Якуб-беку полковник Рейнталь, которому было поручено «не оставлять ничего без внимания и собрать возможно больше сведений о положении дел в Алтышаре об иностранцах там проживающих и о торговле англичан» ¹⁹, в своих донесениях на имя Туркестанского генерал-губернатора подробно остановился на военных связях Кашгара с Англией и Турцией. По свидетельству Рейнталья, он лично видел двух иностранных инструкторов, которые занимались обучением артиллеристов и кавалеристов. Рейнталь полагал, что это были турецкие инструкторы, так

¹⁶ См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 182.

¹⁷ ЦГИА УзССР. Ф. 875. Оп. 1.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

как последние получали жалование от своего правительства и имели жен-сартянок (английские инструкторы в армии Йэйтишара целиком содержались за счет Якуб-бека и не имели права брать в жены кашгарских женщин). В отчетах приводился костюм иностранных инструкторов: мундир с контрпогонами и галунами-наугольниками от локтей до обшлагов, белые брюки, европейские сапоги и меховые остроконечные шапки на бритых головах ²⁰.

В отчетах посольств и миссий, побывавших у Якуб-бека, довольно много упоминаний об английских военных инструкторах в армии Йэйтишара. Однако нет сколько-нибудь точных данных относительно их общей численности и деятельности в Восточном Туркестане. Это в значительной мере объясняется тем, что английские колониальные власти в Индии всемерно старались сохранить в тайне деятельность своего советнического аппарата в армии Якуб-бека. С этой целью в Восточный Туркестан посылались специально подготовленные военные инструкторы из числа местных жителей северо-запада Индии и Афганистана. Ост-индийское правительство активно использовало специальный разведывательный аппарат — пандитов для своей военно-политической деятельности в Восточном Туркестане. Одним из таких пандитов в войсках Якуб-бека был английский наемник Кир-Магомет, афганец по национальности. Кир-Магомет исполнял должность командира кавалерийского полка и пользовался большим доверием у бадулета ²¹.

Не ограничиваясь посылкой военных инструкторов, Ост-индийское правительство отправило к 1872 г. к Якуб-беку 60 специалистов и техников, которые оказывали помощь в налаживании военной промышленности и строительстве линии укреплений на севере от Кашгара близ среднеазиатских владений России ²².

По мере развития вооруженных сил, увеличения численности личного состава и усиления технической оснащенности все острее возникала потребность в квалифицированных военных кадрах. В начале 70-х гг. XIX в. Якуб-бек предпринял энергичные усилия с целью создания первой военной школы в Кашгаре. Летом 1873 г.

²⁰ Там же.

²¹ Туркестанские ведомости. 1872, № 13.

²² Там же. № 21.

его личный представитель Саид-Якуб-ишан-ходжа в Константинополе имел беседу с турецким султаном Абдул-Азизом, в ходе которой высказал просьбу правителя Йэттишара прислать офицеров-преподавателей для учреждения в Кашгаре военной школы. Просьба эта была выполнена лишь частично. Двое османских офицеров получили предписание ехать к Якуб-беку, но какой-либо финансовой помощи учреждавшейся военной школе султан не предоставил²³. В дальнейшем в сообщениях русской печати и отчетах путешественников сколько-нибудь точных данных о существовании в Йэттишаре военных школ нет.

Большую помощь в техническом оснащении армии Якуб-бека сыграли Англия и Османская империя. В незначительной степени стрелковое оружие поставлялось из Афганистана и Коканда. Регулярные поставки английского оружия в Восточный Туркестан начались с первой миссией Р. Шоу (1868 г.). Затем последовала миссия Д. Форсайта (1870 г.), который привез в Яркенд до 400 ружей²⁴. Вторая миссия Д. Форсайта (1873—1874 гг.) доставила в Кашгар уже до 2200 скорострельных ружей²⁵. В это же время Якуб-беку было передано восемь горных нарезных орудий трехфунтового калибра²⁶. В последующие годы поток английского оружия нарастал. К моменту пребывания в Кашгаре посольства А. Н. Куропаткина (1876—1877 гг.), которое застигло как бы кульминационный этап деятельности Якуб-бека, в его армии имелось уже до 8000 энфильских нарезных ружей со штыками и около 4000 скорострельных ружей, частью уже выданных в войска, частью еще находившихся на складах в Яркенде²⁷. Закупки стрелкового оружия производились и в Турции. В 1875 г. посланник Якуб-бека в Константинополе получил в подарок от турецкого султана 1000 ружей²⁸. Еще раньше им же было куплено около 6000 ружей и восьми орудий, которые были доставлены в Кашгар через Тибет²⁹. В 1870 г. другой

²³ Архив внешней политики России (АВПР). Ф. Канцелярия. Константинополь, 1873. Д. 26.

²⁴ Туркестанские ведомости. 1871, № 44.

²⁵ См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 171.

²⁶ См.: Там же.

²⁷ См.: Там же. С. 170.

²⁸ АВПР. Ф. Канцелярия. Константинополь, 1875. Д. 27.

²⁹ См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 171.

посланник Якуб-бека Шади-мирза привез из Индии и Афганистана до 400 ружей, а кашгарский чиновник Назар-баши доставил примерно в то же время из Афганистана еще 200 ружей³⁰. Однако несмотря на такие значительные закупки за границей, в армии Якуб-бека ощущалась острая нехватка современного огнестрельного оружия. Это было связано с тем, что на складах хранилось достаточно ружей, но они не могли быть использованы из-за отсутствия боеприпасов. Большое количество стрелкового оружия выходило из строя по причине неумелого обращения с ним, ремонт же был затруднен из-за отсутствия специальных мастерских и вследствие того, что оно не было стандартизировано.

Войска были вооружены следующим образом: сарбазы — нарезными и фитильными ружьями, джигиты — ружьями и шашками (клычами), часть их (дунгане) — пиками; артиллеристы, составлявшие прислугу, — шашками, а составлявшие прикрытие — ружьями; тайфурные — из китайцев и дунган — тайфурами, прикрытие к ним — фитильными ружьями. Все начальствующие лица, начиная с юзбашей, были вооружены нарезными ружьями, шашками, пистолетами и револьверами.

Оснащение войск в основном осуществлялось за счет средств страны, за исключением, пожалуй, сукна, которое привозили из России и частью из Индии.

Военное обмундирование кашгарских войск было особое. Оно разделялось по роду войск. Сарбазы носили длинные двубортные с металлическими пуговицами кафтаны из полутонкого сукна красного цвета с вышитыми на плечах звездами разных цветов. Небольшая часть сарбазов была одета по образцу турецких солдат в черные суконные сюртуки, обшитые по швам красным кантом и в широкие брюки такого же сукна навывпуск с кантами. У остальных пехотинцев были кожаные чамбары желтого цвета навывпуск. Головной убор сарбазов состоял из высокой конусообразной шапки из сукна разных цветов или плиса с меховым (из русской выдры) околышком. Кафтаны подпоясывались широкими ремнями из сыромятной кожи с серебряными бляхами. На поясе висело несколько сумок: на правом боку небольшая сума для мелочи (ниток, иголок, шила, ножа и т. п.), на левом — кожаная пороховница, сумка для

³⁰ Туркестанские ведомости. 1872, № 16.

пуль, сумка для капсюлей, три патронных сумки, каждая на пять патронов, и рог с бараньим салом для смазки оружия.

Головной убор и поясы были одинаковыми для сарбазов, джигитов и артиллеристов.

Артиллеристы имели кафтаны из полутонкого черного сукна или плиса с вышитыми на плечах красными звездами. Джигиты носили халаты разных цветов: ситцевые, полушелковые, шелковые и из маты, запуская их в чамбары. Тайфурчи, китайцы и дунгане были одеты в халаты из маты разных цветов, преимущественно серого. Головным убором для большинства из них служило полотно из маты, один конец которого при вязке приходился спереди гребешком. Обуты тайфурчи были в синие чулки и толстые башмаки, пехота, кавалерия и артиллерия — в широкие сапоги мягкой кожи с толстыми подошвами.

Довольствие войск — денежное, провиантское, фуражное и вещевое — не имело правильной, раз и навсегда для всех установленной нормы. Размер довольствия изменялся сообразно тому, находились ли войска в походе, стояли ли по казармам в городах или по отдельным постам. В основном этот размер изменялся сообразно состоянию денежной кассы Якуб-бека.

Простейший способ довольствия войск заключается в том, что пансату, тогсобе или беку отдавались на арендное содержание один или несколько кишлаков, на доходы с которых эти лица обязались содержать определенное число солдат. Причем только оружие и иногда одежду выдавали из казны, за все же остальное довольствие (как денежное, так и вещевое) отвечал арендатор участка. Этот способ довольствия солдат был наиболее тяжелым: они получали то, что заблагорассудится начальству, нередко оставались без жалованья, жили впроголодь, были обременены полевыми и различными хозяйственными работами.

Воинские контингенты армии Якуб-бека дислоцировались на территории Восточного Туркестана крайне неравномерно, что объяснялось конкретными оперативными планами ведения боевых действий против китайских войск, дунган и мятежных войск ходжей. Тем не менее можно выделить два своеобразных центра «военной активности» в государстве Якуб-бека. Первый — Кашгар, где находились предприятия военной промышлен-

ности, арсеналы, склады и пр. Кашгар представлял собой «стратегическую базу» армии Якуб-бека. Здесь осуществлялась подготовка войск, в том числе и иностранными инструкторами, имелись в резерве значительные контингенты войск. Последние выполняли охранные функции на границах Йэттишара с Афганистаном и среднеазиатскими владениями России.

Второй центр — восточная резиденция Якуб-бека — город Аксу. По сообщениям русских путешественников, Аксу представлял собой нечто вроде «оперативного» центра правителя Йэттишара, откуда он осуществлял руководство боевыми действиями против китайских, а во время войн с дунганами — и дунганских войск. Якуб-бек имел в Аксу большую часть своей кавалерии (5—6 тыс. всадников)³¹, артиллерии³² и пехоты (около 10—12 тыс.)³³. Войска, дислоцированные в Аксу, располагались частью в палатках, частью в специально построенных казармах. Примечательно, что военнослужащие, проходившие службу в Аксу, имели улучшенное материально-бытовое положение по сравнению с военнослужащими, дислоцированными в других местностях. В восточной ставке солдаты получали от Якуб-бека лошадей и провиант, кроме того, их семейства содержались за счет правителя³⁴.

В городах и на отдельных постах войска располагались казарменным порядком. При городах устраивалась для этой цели отдельная на каждую часть курганча, которая состояла из нескольких дворов, окруженных общей стеной. Вокруг дворов были устроены ряды небольших саклей, которые служили помещением. В каждой сакле жило до 10 человек. В курганчах помещались и семейства нижних чинов, не имевшие родственников. Семейные находились в отдельных саклях. Двор содержался чисто, но сакли, особенно семейные, были грязны, темны и слишком тесны.

Распорядок дня выглядел примерно следующим образом. Ежедневно, за исключением пятницы, с 5 до 11 ч дня проводились занятия или учения. Затем солдаты занимались строевой подготовкой с 13 до 14 часов в ожидании обеда. Иногда назначались учения и в после-

³¹ Туркестанские ведомости. 1872, № 5.

³² ЦГИА УзССР. Ф. 875. Оп. 1.

³³ Там же.

³⁴ Туркестанские ведомости. 1872. № 15.

обеденное время, чаще же после обеда солдаты были заняты обработкой полей и огородов или другими хозяйственными работами. Свободного времени оставалось мало. Увольнения из казарм производились с разрешения начальства. По пятницам все военнослужащие собирались в главную мечеть для совершения джума-намаза (общей молитвы).

Дисциплинарные наказания, налагавшиеся на кашгарских солдат, заключались в аресте, избиении розгами и плетью. Права различных начальствующих лиц по наложению наказаний не были точно определены: в этом отношении господствовал полный произвол. По поступкам уголовным военнослужащие подлежали общему суду по шариату. За первое, например, воровство сажали в тюрьму, за второе — отрубали кисть правой руки за третье — казнили³⁵.

Материалы экспедиций и миссий путешественников о состоянии армии Восточного Туркестана во второй половине XIX в. свидетельствуют о том большом внимании, которое уделялось здесь этому вопросу. Понятно из документов и то, что благодаря усилиям Якуб-бека и его сторонников из числа военной знати, духовных и светских феодалов, преимущественно выходцев из Коканда, была создана армия, которая представляла собой уникальное явление в военной истории Восточного Туркестана. По тем временам это было довольно организованное, обученное и хорошо вооруженное войско не только для Кашгарии, но и всего Востока. Особенно это видно при сравнении армии с войсками других независимых азиатских владений. Хотя по своему составу кашгарские войска были более разнородны, чем, например, войска Бухарского ханства, по вооружению и обучению они стояли выше войск среднеазиатских ханств. Особо следует выделить кавалерию, выгодно отличавшуюся от беспорядочной, слабо вооруженной конницы Средней Азии.

Следует отметить, что при всей исторической значимости Якуб-бека и его ближайшего окружения в создании армии отчетливо просматривается в этом роль иностранных держав и прежде всего Англии и Турции.

В сравнительном плане небезынтересно познакомиться с состоянием вооруженных сил китайцев в Восточном

³⁵ См.: Сборник географических... С. 8.

Туркестане и с тем, как у них была организована военная служба после поражения Якуб-бека и в последующие годы. Здесь от Аксу и до Хотана китайцы расквартировали после свержения Якуб-бека 22 лянзы, из которых 17 были пехотными и 5 кавалерийскими.

Вследствие отдаленности Кашгарии от Внутреннего Китая число китайцев, желающих переселиться сюда, было незначительным. В Аксуйском округе, например, они составляли около 5% всего населения, в Кашгарском и Яркендском — 2%, а в Хотанском — еще меньше³⁶. В силу этого, как отмечали русские исследователи, существовала проблема пополнения армии местным контингентом. В начале 1885 г. в Яркендском округе была предпринята попытка привлечь на военную службу местное мусульманское население, однако удалось сформировать лишь одну лянзу малочисленного состава³⁷.

По роду оружия китайские войска, расположенные в Восточном Туркестане, подразделялись на пехоту, кавалерию и артиллерию. Пехота и кавалерия были организованы в лянзы. Начальник лянзы имел название ингуаня, его именем именовалась лянза. Пехотные и кавалерийские лянзы состояли из 5 сай. Пехотные саи в свою очередь подразделялись на 8 пын, кавалерийские — на 5 пын.

В мирное время лянза составляла высшую административную единицу и жила совершенно самостоятельной жизнью. Располагались лянзы в так называемых импанах. Каких-либо нарядов для поддержания внутреннего порядка в импане не было: ни дежурных, ни караула. Ворота запирались и отпирались доверенным лицом ингуаня.

Как отмечали русские исследователи, тактическая и боевая подготовка китайских войск, расположенных в Восточном Туркестане в 90-х гг. XIX в., находилась на низком уровне. Обучение действию огнестрельным оружием велось небрежно, оружейные мастерские отсутствовали. Действия в обороне были основаны главным образом на стрельбе залпами из каре.

«С европейской точки зрения, — констатировал Галкин, — тактическая подготовка частей войск не выдерживает никакой критики, все строи движения и построение

³⁶ См.: Там же. Вып. 24. С. 182.

³⁷ См.: Там же. С. 183.

ния частей войск имеют очень мало внутреннего смысла и не отвечают современным требованиям, особенно же плохо ведется тактическая подготовка разных родов оружия к совокупным действиям... Учения всех трех родов оружия бывают не более двух раз в год и заключаются в том, что войска выстраиваются в две линии: в первой — пехота с ее артиллерией и во второй — кавалерия, и образовавшаяся длинная линия двигается то вперед, то назад, причем производится беспорядочная стрельба, кавалерия же играет весьма пассивную роль»³⁸.

Парады и смотры, которые производились в торжественных случаях, были красочны и не лишены театральности. Для смотров был принят особый вид строя — шпалеры из двух шеренг, повернутых одна к другой лицом. Между людьми оставлялся интервал на один шаг. Конницу выводили в пешем строю, орудия ставили в стороне.

На одном из флангов построившихся войск разбивали большую парадную палатку с чаем и разными сладостями. По приезде главного начальника начинался смотр, который обязательно сопровождался стрельбой, производимой для шума. Затем главный начальник объезжал войска, после чего отправлялся в палатку, где занимался угощением. Войска проходили торжественным маршем мимо палатки, причем в этот момент они старались произвести как можно больше шума: стреляли, кричали, плясали. Парад заканчивался коленопреклонением всех войск перед инспектором. Последний при громких криках приветствия раздавал всем денежное вознаграждение.

Как видно, организация военного дела у китайцев в Восточном Туркестане после свержения Якуб-бека существенно отличалась от того, как оно было поставлено у кашгарцев. Материалы русских путешественников позволяют в сравнительном порядке оценить это явление.

Одним из главных занятий населения Восточного Туркестана являлась торговля. Дошедшие до нас материалы русских путешественников, посвященные этому вопросу, помогают составить представление о характерных для Кашгарии второй половины XIX в. экономических и торговых отношений.

³⁸ Там же. С. 207—209.

Вследствие частых смен власти экономическая и торговая жизнь края была не лишена различного рода проблем и сложностей. Прежде всего, сложной была система денежного обращения.

Платежи производились долгое время золотой, серебряной и медной монетой: тиллями, кокандскими и кашгарскими; серебряными ямбами; теньгами кашгарскими и далчинами; русскими кредитными бумагами.

«Фальшивая и неполновесная монета, — сообщал в своих записках Н. Ф. Петровский, — прилив ямб (во время присылки из Пекина на жалованье войскам и чиновникам) и отлив их в русские пределы, принудительные займы китайских властей у своих торговцев — все это делает денежный рынок в Кашгаре весьма колеблющимся и весьма непрочным, неблагоприятным образом влияет на все торговые сделки, оттягивая платежи и заставляя наших торговцев прибегать к цене своих товаров на произведения туземные — не всегда, по времени года и по другим обстоятельствам для них выгодной. Необходимо отметить еще одно обстоятельство, заслуживающее особенного внимания: русские и кашгарские торговцы не только весьма охотно приобретают русские кредитные билеты, но и сами напрашиваются на такую покупку. Причина тому заключается столько же в курсовой разнице кредитных билетов в Кашгарии и в наших пределах, сколько и в удобствах скрyтия, хранения и пересылки означенных билетов — качество в Восточном Туркестане, где народные смуты обратились в привычку и где китайские власти трудно отличают свое от чужого, — весьма для торговцев важное»³⁹.

Более поздние упоминания о сложностях денежной системы Восточного Туркестана встречаются у М. В. Певцова, который писал о том, что в Кашгарии уже нет обращения золотой и серебряной монет, которые в прежние времена ходили по всей стране, и что это вредит успехам внутренней торговли. «Китайцы ныне изъяли из обращения эти монеты и ввели в Кашгарии свою медную монету чжос, по-туземному пула. Эти последние чеканят в Кашгаре из местной меди, добываемой в горах Куэнлуня, — к юго-западу от Яркенда. Обращающиеся ныне в Кашгарии пулы двоякого достоинст-

³⁹ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 48.

ва: крупные стоимостью в 0,54 нашей копейки и мелкие — в 0,27 коп. Первые ходят только в Хотанском и Керийском округах, а последние — во всех остальных»⁴⁰.

Сложность денежной системы самым непосредственным образом воздействовала на торговлю в Восточном Туркестане, вызывая к жизни такое явление, как меновая торговля, которая, судя по заметкам русских путешественников, господствовала на внутреннем рынке, а в некоторых случаях занимала важное место и в торговле Кашгарии с сопредельными государствами. Н. Ф. Петровский по этому поводу писал: «Торговля в Восточном Туркестане производится по преимуществу в кредит и на мену товаров. Только некоторые товары (как, например, железо и чугун) и редкие случаи продаж и покупок совершаются на наличные деньги. Причина тому заключается, во-первых, в исстари установившемся обычае; во-вторых, в отсутствии наличных денег, кредитных учреждений и даже кредитующих деньгами лиц; и, в-третьих, в массе недоброкачественной и фальшивой монеты, обращающейся на рынках Кашгарии. При всех выше изложенных условиях в Восточном Туркестане, если так можно выразиться, производится не торговля, а размен товаров с отсроченной уплатой деньгами или товаром.

Оптовый торговец, отдавая свой товар розничному торговцу в кредит, почти всегда знает, что уплата за товар денег, несмотря на выговоренный при сделке срок, никогда не произойдет своевременно, ибо при безденежье торговца розничного уплата за отданный товар может быть произведена только по мере его распродажи частями. В действительности так и бывает. Каждую субботу оптовые торговцы ходят по лавкам своих должников, торговцев розничных, и собирают у них уплаты частями.

При меновых сделках отдавший в кредит товар редко получает за него тотчас же эквивалентный товар, а по большей части ждет его получения более или менее продолжительное время, т. е. когда получивший товар в кредит, продав его, будет в состоянии купить другой товар для отдачи ссудившему его первым или (при мене на шелк) когда поспевают коконы. При таком ходе дела весьма естественно, что все срочные обязательства, со-

⁴⁰ *Певцов М. В.* Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. Спб., 1895. С. 119.

вершенные у казиев и даже с поручителями, являются простыми записями, но не срочными документами»⁴¹.

Убедительным подтверждением сказанного является свидетельство ташкентского купца Колесникова, сопровождавшего полковника Каульбарса в Кашгарию: «Документов при продаже в кредит не берут, дело ведется на честное слово. В случае неисправности платежа жалоба приносится беку, должника сажают под арест, имущество его продают, за отца отвечает сын даже после смерти, и это показывает, насколько сильно в туземцах понятие о святости долга, это доказывается и тем, что должники никогда не отрицают своего долга, а случаи несостоятельности к платежу редки»⁴².

Несмотря на эти объективные трудности, торговля в Кашгарии традиционно являлась весьма престижным занятием. М. В. Певцов замечал следующее: «Внутренняя торговля Кашгарии, в особенности мелочная, весьма обширна. Можно утвердительно сказать, что число торговцев в этой стране превышает действительную потребность в них. Этот избыток в людях торгового класса происходит от чрезмерной склонности, или, вернее, страсти туземцев к торговле, как в какой-нибудь азартной игре. Занятие торговлей составляет заветную мечту многих бедных горожан и отчасти поселян. Когда им удастся скопить небольшую сумму, они тотчас же открывают торговлю.

В больших оазисах, как, например, Яркендском и Хотанском, кроме обширных городских базаров, на которых еженедельно два раза бывают торжки, существует еще много малых рынков, рассеянных по этим оазисам. На них торжки бывают один раз в неделю и самые базары именуются по этим дням. Кроме того, базары с еженедельными торжками существуют во всех без исключения многочисленных селениях страны»⁴³.

На пути развития внутренней и внешней торговли в Восточном Туркестане стояли и другие трудности и препоны, проистекавшие от характера правящей власти и ее отношения к торговому сословию. Так, в период правления Якуб-бека, смотревшего на торговлю, как на свою личную монополию, русские торговцы, решившиеся лич-

⁴¹ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 64—65.

⁴² См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 48—52.

⁴³ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 85.

но доставить свой товар в Кашгарию, встречали неласковый прием и терпели стеснения большие, чем азиатские торговцы⁴⁴. А. Н. Куропаткин пишет, что Якуб-бек «оценивал по своему усмотрению товары и значительную часть из них забирал по назначенным им же ценам в кредит на неопределенные сроки. Кроме того, часть товаров поступала к нему в виде подарков. Уплата за забранные товары производилась весьма медленно, иногда в течение целых годов. Протест со стороны торговцев оканчивался в лучшем случае отказом от долга, в худшем же — тюрьмой, конфискацией имущества и даже смертью. Выход из Кашгарии караванов задерживался на целые месяцы. Личная свобода торговцев подвергалась стеснению. В особенности много вытерпели первые русские торговцы, проникшие в Кашгарию при Якуб-беке в начале семидесятых годов. Притеснения эти вызывали туркестанского генерал-губернатора на отправку посольства в Кашгарию с целью заключить с бадулетом торговый договор»⁴⁵.

Небезынтересны, на наш взгляд, следующие данные о притеснениях русских купцов Якуб-беком, приведенные А. Н. Куропаткиным: «При посещении нами базаров в городах Кашгаре, Аксу, Куче и Курле власти старались не допускать наших купцов говорить с нами. Нам каждый раз приходилось настоятельно требовать допуска к нам торговцев, причем мы не скрывали, что требовали их для сбора торговых сведений и опроса претензий. Претензии, заявленные нам почти всеми из опрошенных торговцев, были по преимуществу денежные как на самого Якуб-бека и его сына Беккулы-тека, так и на его беков, в неполной бессрочной уплате за забранный товар.

Кроме того, я узнал через состоящих при посольстве туземцев, что до 40 приказчиков ташкентских, кокандских купцов приготовили мне коллективную жалобу, но были предупреждены местными властями, что если эта жалоба будет подана, то их имущество конфискуется, а их самих зарежут.

Кроме положенной пошлины со всех предметов ввозной и вывозной торговли, кроме обязательных подарков, кроме отдачи части товаров в казну, в кредит на неоп-

⁴⁴ См.: *Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 48—52.*

⁴⁵ Там же.

ределенные сроки, часто продолжительные, купцы облагались еще особыми раскладочными сборами при всех непредвиденных случаях нужды в деньгах, в которых Якуб-бек по мере развития своих военных сил нуждался все более и более.

Так, в бытность нашу в Кашгарии, орудия, заряжающиеся с казны, ружья системы Снайдера, снаряды и заряды, закупленные Якуб-беком в Константинополе, были задержаны в Кашмире до уплаты пошлины в 30 ямб, т. е. свыше 4000 рублей. Деньги эти по приказанию Якуб-бека были взяты у купцов и отправлены с нарочным в Кашмир. Подобных неожиданных уплат им приходится платить очень много»⁴⁶.

Местные власти своими действиями затрудняли не только развитие внешнеторговых связей Восточного Туркестана, но и в известной мере ограничивали расширение внутреннего рынка. Так, восстановив владычество над Кашгарией, Китай ввел на все предметы торговли, кроме продовольственных продуктов, пошлины (бадж). «Хотя эти пошлины и незначительны, — отмечал М. В. Певцов, — но взимание их сопряжено с большими хлопотами и тратой времени для торговцев, которые обязаны иметь на всех продаваемых товарах клейма, налагаемые по уплате следуемых с них пошлин. Для взыскания их во всех городах и многолюдных селениях с базарами существовали особые китайские чиновники, называемые народом баджигерами (сборщиками пошлин)»⁴⁷.

Интересно замечание этого же автора о том, что «китайские власти в Кашгарии не признают в числе своих служебных обязанностей заботиться о развитии торговли, считая ее делом отдельных и частных лиц»⁴⁸. С таким отношением китайских властей М. В. Певцов связывал отсутствие торговли с Внутренним Китаем и недостаточное «содействие торговле с русскими владениями и другими странами». Он замечал: «Все просьбы консульства о самом незначительном, хотя только в нескольких опасных местах, исправлении караванного пути в кашгарских пределах, несмотря на охотно данные китайскими властями обещания, остались неисполненными».

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 186.

⁴⁸ Там же. С. 188.

ми, и, вероятно, обещания эти никогда и не будут исполнены»⁴⁹.

В условиях наложения баджа на товары торговли наиболее выгодной была, безусловно, спекуляция продовольственными товарами, которая составляла основу внутреннего рынка. Крупные торговцы занимались преимущественно хлебными операциями. Скупив осенью по дешевым ценам у поселян и мелких торговцев хлеб, они держали его у себя всю зиму, а с наступлением весны до нового урожая продавали этот хлеб нуждающимся почти по двойным ценам на месте или на стороне, где цены выше. Эта спекуляция давала огромные барыши хлеботорговцам, но была очень обременительной для населения, так как осенние цены на хлеб, устанавливавшиеся по ставкам скупщиков, были чуть не вдвое ниже весенних и летних цен, устанавливавшихся этими же скупщиками⁵⁰.

Пренебрежение китайских властей к развитию торговли с Восточным Туркестаном привело к тому, что торговые отношения с Внутренним Китаем, по сведениям Н. Ф. Петровского, практически отсутствовали. Русский консул подчеркивал: «С Внутренним Китаем торговли не существует. В Кашгаре (в Новом городе в особенности), хотя и имеются китайские лавки и китайские товары, но все эти лавки и товары предназначены для потребностей китайских чиновников и войск и имеют маркитантский, а не торговый характер. Гоняясь за барышами на этой окраине Китая, китайские купцы навезли в Кашгар разный мелкий товар самого низкого достоинства и продают его по весьма высоким ценам. Даже чай, потребляемый туземным населением, привозится в Восточный Туркестан из Малого Тибета кашмирцами, афганцами и туземными купцами и в сравнительно малом количестве выписывается из Китая китайскими чиновниками, продающими, или, вернее, навязывающими этот чай выше базарной цены кашгарским торговцам»⁵¹.

Представляет интерес то, как была организована торговля в Восточном Туркестане. У Н. Ф. Петровского есть следующее описание: «Оптовая торговля производится в караван-сараях, а также на дому у купцов, а рознич-

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ См.: *Певцов М. В. Труды Тибетской...* С. 85.

⁵¹ См.: *Сборник географических...* Вып. 22. С. 41.

ная в лавках. Караван-сарай представляют собой более или менее обширный двор с одними воротами. Внутри сарая вдоль его стен расположены лавки (худжара) с навесами, в середине сарая находится глубокая яма с отлогим в нее спуском, служащая конюшней для лошадей, которые помещаются в этой яме под навесами, доходящими до уровня земли караван-сарая. На этих навесах, а также на проходах кругом ямы вдоль лавок помещаются тюки с товарами. В караван-сараях живут по преимуществу торговцы приезжие. Из торговцев туземных только редкие имеют там лавки.

Караван-сарай по большей части вакуфные, т. е. построенные разными благочестивыми лицами и завещанные потом как доходная статья на поддержание богоугодных заведений. Экононы таких заведений (мутевали) отдают означенные караван-сарай в аренду желающим их взять, которые (сайрамань) становятся затем непосредственно распорядителями сарая. Наемная плата за лавку в караван-сараях самая ничтожная, не превышающая 6 рублей в год, но по установившемуся издавна обычаю, за охрану сарая, содержание его в чистоте, за нагрузку и разгрузку товаров содержатель сарая при каждой совершенной сделке получает от покупателя вознаграждение в размере 20 копеек со ста рублей, т. е. $\frac{1}{5}\%$ ⁵².

Дополняют это описание заметки А. Н. Куропаткина о том, как осуществлялась плата за те или иные услуги: «За привозимый в Кашгар товар уплачивается зякет в размере $2\frac{1}{2}\%$ со стоимости привозимого товара. Товар, свезенный в зякетный сарай, оценивается привозимыми для этой цели купцами и притом несколько дороже действительной стоимости, как, например, вместо 48 червонцев оценивается в 50. Зякет составляет наиболее крупный из торговых расходов. Затем существует еще сайраманский сбор в пользу хозяина сарая. Сбор этот, если нанята в сарае лавка, составляет с ямба до шести тенег, т. е. около $0,4\%$, причем каждая из сторон платит по три тенги.

За сохранение купеческих товаров платится по соглашению. Наемная плата чернорабочего в день составляет в 1876 г. 35—40 пуль, т. е. меньше 10 коп. Наем лавок в караван-сараях не дорог: около $1\frac{1}{2}$ червонцев в год

⁵² См.: Там же. С. 42—43.

за квадратный сажень половой настилки в помещении.

Место маклеров, назначаемых от правительства, занимают при оптовой торговле торговцы же, а при мелочной — каждый встречный. Маклерские деньги составляют около 0,25%»⁵³.

Как видно из всего сказанного, при слабо развитой внутренней торговле Восточный Туркестан тем не менее представлял собой край, где торговля издревле почиталась выгодным и престижным занятием. Это проистекало из того, что в Кашгарии соединялись пути из Китая в Среднюю Азию, а также из Средней Азии в Индию. Как отмечал Ч. Валиханов, «торговый путь из Ферганской долины через Теректы в Кашгар был известен еще Птоломею. В настоящее время вся Средняя Азия получает через Кашгар чай, употребление которого в этих странах сделалось так же общим, как у нас. Поэтому все торговое значение Кашгара и прочих шести городов Восточного Туркестана было основано и основывается теперь на произведениях Китая и в особенности на вывозе чая»⁵⁴.

По мнению всех русских, побывавших в Кашгарии во второй половине XIX в., основным торговым партнером Восточного Туркестана была Россия. По мнению А. Н. Куропаткина, «до сих пор Синьцзянская провинция — один из рынков в Китае, где Россия первенствует»⁵⁵. Исследователь привел таблицу, в которой показал уровень торгового оборота в 1893 г. между Россией и Восточным Туркестаном, который составил 5020 тысяч рублей, в том числе отпуск из России — 2304, привоз в Россию — 2716 тысяч рублей. А. Н. Куропаткин подчеркнул, что торговый оборот России и Кашгарии с тех пор имел тенденцию к постоянному увеличению и что единственными соперниками русских были англичане. Что касается других стран, то «торговля в Кашгарии с Индией пока не превышает 1/4 оборотов ее с Россией», — отмечал исследователь. — Причины этого — лучшее качество наших товаров (ситцев), более дешевый провоз и давность установившихся торговых отношений с Ферганой, сравнительно с возникшими с Кашмиром»⁵⁶.

Первенство России в торговле с Кашгарией подтвер-

⁵³ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 48—52.

⁵⁴ Валиханов Ч. Ч. Сочинения. Спб., 1904. С. 462.

⁵⁵ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 49—50.

⁵⁶ Там же.

дил и Ч. Ч. Валиханов, что подчеркивалось одним из исследователей его трудов Д. И. Дулатовой: «Ряд сравнительных таблиц, приводимых Валихановым, свидетельствует о том, что во ввозе Кашгарии русские товары занимали ведущее место по сравнению с английскими»⁵⁷.

Механизм этой торговли подробно исследован Н. Ф. Петровским, замечания которого сводятся к следующему.

Торговля с русскими владениями производилась по преимуществу русскими подданными мусульманами, так называемыми андижанцами (по названию города Андижан Ферганской области), хотя действительных андижанцев, т. е. жителей гор. Андижана, проживало в Кашгарии не более пяти человек. Всеми прочими торговцами являлись жители Коканда, Маргелана, Намангана, Оша и Ташкента. Кашгарские подданные участвовали в торговле с русскими владениями в значительно меньшем числе, чем с русскими подданными, и вели ее преимущественно вывозными товарами и по большей части с Семиречьем, куда туземные товары Кашгарии наиболее требовались. Все русские торговцы, кроме нескольких лиц, пребывавших в Аксу и покупавших товары, сами или через своих приказчиков на Ирбитской ярмарке, хотя и торговали оптом (и редко в розницу), но принадлежали к так называемым торговцам третьей руки, т. е. покупавшим и получавшим товары для Восточного Туркестана не из первых рук в Москве или на Нижегородской ярмарке, а в основном из Ферганской области, Ташкента, Верного, где жили их старшие компаньоны или хозяева. Обороты каждого отдельного лица были весьма скромными, наиболее богатые из них не торговали и на 50 000 руб. в год.

Исследователь отмечал также, что, кроме торговцев мусульман, в Кашгарии торговал один состоятельный ташкентский еврей (другой еврей-торговец был убит в Хотане). Весьма известная московская фирма товарищества «Владимир Алексеев», деятельно начавшая торговлю Ферганской области в Кашгарии, решила ее прекратить в этой стране из-за неправильных действий своего доверенного в Коканде, посылавшего товары этой фирмы и получавшего оттуда шелк. Товарищество просило оказать ему содействие в разъяснении положения

⁵⁷ См.: Валиханов Ч. Ч. Сочинения. С. 409.

Кашгарской торговли товарищества путем обзора торговых книг, документов и товаров. Просьба товарищества была консулом исполнена, причем оказалось, что товарищество, как оно само полагало, слишком доверчиво отнеслось к своему кокандскому приказчику. Таким образом, вследствие недостаточно осторожного выбора товариществом лица для заведывания торговлей на дальней окраине Восточный Туркестан лишился единственной и притом весьма почтенной русской фирмы, которая при других условиях могла бы не без выгоды для себя значительно расширить торговлю.

Едва ли не главную причину значительно большего распространения в Восточном Туркестане русских товаров, чем товаров английских, видел Н. Ф. Петровский в тех издавна сложившихся отношениях Кашгарии и Кокандского ханства, что постоянно влияло не только на ее торговлю, но и на ее политический быт, нравы и обычаи. «В силу этих отношений торговцы обеих стран давно сжились между собой, отлично и до мельчайших подробностей изучили друг друга, взаимные торговые обороты, средства, характеры и т. п., знают одинаково хорошо и Фергану и Кашгарию, условия и размеры их торговли, и каждый из них ведет торговлю с одними и теми же фамилиями в течение двух и даже трех поколений: как теперь торгуют между собой дети наших андижанцев и кашгарцев, так вели торговлю прежде их отцы и деды. Эти же условия создали между торговцами обеих стран нечто вроде торговой общины и некоторую солидарность в отношении торговых дел ее членов. Отсюда, в свою очередь, развились ручательства купцов друг за друга по разным торговым обязательствам, весьма часто здесь практикуемые, а также совместные обсуждения дел по взаимным претензиям и нередко платежи друг за друга таких лиц, которые в момент этих платежей не состоят ни в каких взаимных обязательствах. Подобных связей и отношений не существует между торговцами и теми лицами, которые ведут торговлю с Ладаком. Обе означенные торговли весьма резко разграничиваются по лицам, в них участвующим, по местности и вышеизложенным условиям: русская торговля имеет, так сказать, семейный домашний характер между лицами одного племени, давними знакомыми и притом мусульманами одного толка. Торговля же с Ладаком, возникшая сравнительно в недавнее время, производится

между странами, гораздо менее сходными друг с другом, ознакомившимися и между лицами разноплеменными (афганцами, кашмирцами), почти во всем другом, кроме торговли, друг другу чуждыми»⁵⁸.

У того же автора, в силу своего служебного положения занимавшегося вопросами торговли между Россией и Восточным Туркестаном, есть следующие ценные сведения: «В приложении к правилам для сухопутной торговли, включенным в петербургский договор, поименовано 35 пограничных пунктов, через которые могут проезжать русские подданные, отправляющиеся для торговли в Китай.

Для Восточного Туркестана таких проходных пунктов указано пять, а именно: Иркештам, перевалы Суиок, Тургарт, Теректы и Бедель. Из них Иркештам и перевал Суиок прилегают к Ферганской области Туркестанского, а остальные в Семиреченской области Степного генерал-губернаторств. В торговом отношении заслуживают внимания только четыре из вышеуказанных пунктов, так как перевалом Суиок торговцы не пользуются. Через него прогоняют иногда из русских пределов баранов для продажи в кочевьях киргизов китайских подданных. В связи с означенными пунктами находятся все торговые пути сообщения Восточного Туркестана с русскими владениями»⁵⁹.

Какие же товары служили основой экспортно-импортных операций между Кашгарией и Россией? Ответ на этот вопрос содержится у А. Н. Куропаткина, который упоминал, что «предметами вывоза из Кашгарии служит сырье: шелк, хлопок, опиум, квасцы, нашатырь, сера; фабрикаты: мата, халаты, машруп (полушелковая, весьма прочная материя), ковры, обувь, выбойка (крашеная мата). Из них мата вывозится в весьма значительном количестве и составляет главный предмет вывозной торговли страны. Ввозятся в Кашгарию из России ситцы, сукно, мишура, железо, железные изделия, олово, чай, сахар, красильные вещества, спички, седла, ремни, клей, фрукты, табак»⁶⁰.

Подтверждением приведенному мнению может служить замечание Н. Ф. Петровского: «главнейшие предметы вывоза из Восточного Туркестана в русские владения»

⁵⁸ Сборник географических... Вып. 22. С. 25—26.

⁵⁹ Там же. С. 29—54.

⁶⁰ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 26.

ния составляют хлопчатобумажные ткани, белевые и крашенные произведения туземной ручной промышленности, шелк, кожи, ковры, кошмы, квасцы, нашатырь и (в меньшем количестве) некоторые другие товары»⁶¹.

Интересно, каким образом купцы извлекали прибыль от перепродажи кашгарских изделий. Этот механизм вскрыл Ч. Ч. Валиханов на примере хотанского шелка. Пуд его «стоит на месте от 7 до 9 золотых и продается размешанный; в Кашгаре за пуд его платят от 8 до 11 золотых и в Коканде — от 12 до 14 золотых. Здесь же смешивают с местным шелком и отправляют в Бухару, в Лебаб. В Бухаре пуд этого шелка стоит от 16 до 17 золотых, и перемешанный с лебабским шелком он доходит до Кабула. Этот шелк, окрашенный в красный цвет, идет в Дикокаменную орду»⁶².

Партнерами по торговле Восточного Туркестана кроме России являлись Яркенд, Бадахшан, Гильшат и Канджунт.

Торговля с Малым Тибетом велась между городами Ладаком и Яркендом, откуда привезенные товары расходились по другим населенным пунктам. От Ладака до Яркенда насчитывалось 30 переходов. В главный торговый путь входили переходы: Ладак, Баранса, Кардунг (перевал), Тагар, Панамих, Испангу, Чан-Лунг, Караулдаван (перевал), Тутиляйлаг⁶³, Сасыр (перевал), Япчень, Чауджит-джильга, Каракорум (перевал), Баранса, Баксум-Буляк, Вахаб-джильга, Дарвас-Саргаут, Малик-ша, Чибра, Сугет, Шахи-дулла (перевал), Грунч-Кийлык⁶⁴, Тегирманлык, Килиан-даван (перевал), Ак-Шур, Килиан, Бура, Каргалык, Пускам и Яркенд. От Яргалыка к западу от Кухияра имелся обходной путь, выводивший на главный. Транспортировка клади производилась на лошадях и мулах (качирах), а от Ладака до Сасыра — и на верблюдах. Лошадь и мул несли 7½ пудов, разделенных на два вьюка, а верблюд считался за две лошади или за два мула. От Ладака до Яркенда провозная плата составляла до 400 кашгарских тенег (40 руб.), от Яркенда до Ладака — дешевле до

⁶¹ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 54.

⁶² Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. 1985. Т. 3. С. 211.

⁶³ После Тутиляйлака был обходной путь к востоку на Мурги, выходивший у Чаутжит-джильги на главный путь.

⁶⁴ От этого пункта был другой путь на перевал Санджу, выходивший к пункту Бура на главном пути.

300 тенег (30 руб.), так как возчиков товаров — по преимуществу яркендцев — легче было найти в Яркенде, чем в Ладаке. По дороге на указанном пути пошлины не взимались, но далее за Ладаком в Индии в г. Амритсаре (называемом в Средней Азии Амбарсаром), куда преимущественно направлялись яркендские товары, пошлину взимали с двух привозных из Яркенда товаров: с шелка — $1/40$ часть стоимости, с козьего пуха — 20 коп. с 20 фунтов⁶⁵.

Сведения о товарах, перевозившихся этим крайне сложным путем, встречаются у М. В. Певцова, который отмечал, что Яркенд вел небольшую торговлю с Ладаком, куда из этого города вывозились только козий пух и гашиш (наркотическое вещество, добываемое из конопли). Из Ладака же в Яркенд доставлялись преимущественно белая кисея на чалмы, женские кисейные платки, индийские лекарственные вещества, бенгальский чай низкого сорта (контрабандой) и немного английских ситцев (бомбейских фабрик) и металлических изделий. Перевозили тайком и индийский чай низкого сорта (бенгальский), ввоз которого был строго воспрещен китайским правительством во имя обеспечения сбыта собственного чая в Кашгарии.

Торговые отношения Хотана с Ладаком так же, как и Яркенда, были стеснены трудностями пути через восточные хребты Куэнь-Лунь и Кара-Корум. Товары по этому пути перевозились вьючным способом на лошадях. Торговые караваны из Хотана в Ладак и обратно ходили почти исключительно летом, и их путь лежал через селение Саньчжу и Килианский перевал. В течение осени и зимы 1889—1890 гг. из Ладака в Хотан пришли только два каравана, хотанские же караваны, выступившие в путь поздно осенью, не могли проникнуть в Ладак через заваленные глубоким снегом горные проходы и повернули назад⁶⁶.

О количестве и качестве импорта английских товаров в Кашгарию можно судить по следующим замечаниям Н. Ф. Петровского: «Количество привозимых в Восточный Туркестан товаров английского и англо-индийского происхождения определить трудно за невозможностью иметь об этом предмете точных сведений. Можно, однако,

⁶⁵ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 62.

⁶⁶ Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 85.

с некоторой вероятностью сказать, что главные из этих товаров — ситец и кисея — едва ли составляют в общем четвертую часть ситцев русских, привозимых в Кашгарию. Несмотря, впрочем, на такое благоприятное, по-видимому, отношение в пользу русских товаров, нельзя отрицать, чтобы английские товары — именно ситец и кисея, а также мелочь — не имели бы особенно успешного хода на рынках Кашгарии, и следует затем заметить, что английские ситцы и кисея, привозимые в Восточный Туркестан, далеко не так дурны сравнительно с ситцами русскими, как это принято думать. Независимо от изящества рисунка, яркости и красивого подбора цветов плотность означенных ситцев хотя и ниже плотности ситцев русских, но недостаток этот, с одной стороны, искупается вышеизложенными достоинствами, а с другой — не составляет в глазах туземцев, особенно женщин, достаточной причины отказываться от покупки английских ситцев, так как по принятому обычаю туземец приобретает себе одежду преимущественно к двум годовым мусульманским праздникам, требует, чтобы новая одежда шумела и была красива, а затем мало заботится о ее носке. Туземные же женщины, ходящие дома в одних рубахах, надевают свой новый костюм только во время редких выходов своих из дома: в гости, на базар, на поклонение гробницам святых, и потому еще более, чем мужчины, требуют от своих одеяний не столько прочности, сколько красоты и приятного сочетания цветов. В этом отношении, как сказано выше, английские ситцы превосходят русские»⁶⁷.

Если торговля в Восточном Туркестане, судя по отзывам русских путешественников, пребывала во второй половине XIX в. в стадии своего развития и совершенствования, то промышленности как таковой там еще не существовало. «В Малой Бухарии, — излагал Ч. Валиханов свои впечатления, — как во всей Азии, собственно мануфактуры нет, а есть ремесло»⁶⁸.

Во многих местах края изготовлялась даба. В Хотане вырабатывали грубую полушелковую материю, которая применялась для шитья одежды. Кашгар славился производством ковров. В Аксу получали кожу хорошего качества. А. Н. Куропаткин отмечал, что так называемое

⁶⁷ См.: Сборник географических... Вып. 22. С. 62.

⁶⁸ Валиханов Ч. Ч. Сочинения. С. 455.

промышленное производство в Восточном Туркестане ориентировано преимущественно на «удовлетворение несложных нужд местного населения»⁶⁹.

В значительных размерах в Кашгарии была развита кустарная промышленность.

Путешественники отмечали, что одно из первых мест по промышленному производству принадлежало Хотанскому оазису. Здесь получали больше всего маты, войлока и шерстяных ковров, которые выделялись из шерсти тонкорунных овец. Хотанские войлоки были известны во всей Центральной Азии своей прочностью и изяществом. Шерстяные ковры отличались красотой рисунков, разнообразием красок, дешевизной. Кроме того, из шкур тонкорунных овец здесь выделявали мех, преимущественно белый и черный.

В Хотане действовало несколько частных мастерских для изготовления поделок из нефрита, а также медной посуды, писчей бумаги и т. д. В Яркендском оазисе выделялось значительное количество хлопчато-бумажных тканей; изготовлялись различная обувь, ковры, войлоки, сбруи, нефритовые вещи. В Каргалыкском оазисе было развито ремесло выделки разнообразных войлоков, не уступающих по качеству хотанским. На городских и сельских базарах трудилось много мелких кустарей: портных, сапожников, кузнецов и т. п. Главным занятием жителей Нии считалось земледелие и садоводство. Оазис Чира славился своими хлопчатобумажными и шелковыми тканями⁷⁰.

Товары Восточного Туркестана имели широкую известность за его пределами. Нефритовые изделия, ковры, шерсть, войлок, шелк поступали в Китай. Мата, как сообщал А. Н. Куропаткин, в большом количестве вывозилась в Туркестанский и даже в Оренбургский края. «Гашиш из Яркенда,— писал русский путешественник,— составляет важный предмет вывоза в Кашмир и Пенджаб... славятся ковры из Хотана, обувь из Яркенда, кожаные и медные изделия из Аксу, железные из Куча, табаком — Аксу, шерстью и хлопком — Куня-Турфан»⁷¹.

Тому, что главным занятием кочевого населения было скотоводство, благоприятствовали местные условия:

⁶⁹ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 20.

⁷⁰ Левцов М. В. Труды Тибетской... С. 118—119; 185—186.

⁷¹ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 20.

сравнительно мягкие зимы, обширные пастбища по склонам и долинам гор. В Восточном Туркестане разводили лошадей, овец, мулов, ослов. Путешественники отмечали, что лошадей частью поставляли киргизы и жители Ферганы. Верблюдов в крае было очень мало⁷².

Основу феодальной собственности в Кашгарии составляла земля. Описывая развитие сельского хозяйства в крае, русские путешественники были единодушны в выводе, что земледелие — основное занятие оседлого населения. Возделывались озимые и яровая пшеница, ячмень, горох, просо, кукуруза, конопля, горчица, чечевица, кунжут, люцерна. Значительное место в корме скота, по наблюдениям путешественников, занимал муссой, употреблявшийся вместо сена. В отдельных районах выращивался табак, джугара, хлопок. Благоприятные климатические условия способствовали занятию огородничеством. Местные жители разводили капусту, шпинат, порей, свеклу, репу, сельдерей, морковь, редьку, редис, лук и чеснок; стручковые — бобы, фасоль, горох и стручковый перец; картофель, тыкву, арбузы дыни, огурцы, баклажаны. Татары и таранчи выращивали несколько видов тополей, джигда (пшат), карагач, шелковичные деревья, а также яблони, груши, вишни, сливы, персики, абрикосы, виноград. Получаемые фрукты, однако, отличались водянистостью и жесткостью, содержали мало сахара и были безвкусны.

Хотя население Восточного Туркестана раньше других народов Средней Азии перешло к оседлому образу жизни, — отмечали русские путешественники, — однако обработка земли велась крайне примитивно. Так, например, применялся плуг с деревянным сошником, а вместо бороны доска с гвоздями.

Из сообщений путешественников следует, что земель, способных к орошению и возделыванию, в Восточном Туркестане немало: «Куда доходит вода, там жизнь, где она кончается, там пустыня, — свидетельствовал А. Н. Куропаткин, — жизнь оазисов поддерживается ирригационным способом культуры почвы. Каждая из главных рек Кашгарии разбивается для орошения при помощи плотин на несколько главных рукавов; рукава в свою очередь разбиваются на арыки, из которых вода спускается к полям. Образуется весьма сложная водная сеть, покры-

⁷² См.: Сборник географических... Вып. 7. Добавления. С. 106.

вающая оазис. Каждое ничтожное поле должно иметь свой арык, иначе существовать оно не может. Система плотин дает возможность равномерно распределять воду по всему участку. Вода, пущенная на то или другое поле, должна его покрывать несколько дней. Стоит по пустыне пустить воду — и бесплодные, даже сильно солонцовые пространства сделаются способными к культуре»⁷³.

Однако на практике к проведению и сохранению арыков относились зачастую небрежно, земли распределялись плохо, рабочих рук не хватало⁷⁴.

Торгово-экономические отношения Восточного Туркестана специально не являлись объектом изучения русских путешественников. Тем не менее, как следует из приведенного материала, исследователи уделяли этому важному вопросу большое внимание. Ценно, на наш взгляд, то, что экономические проблемы развития края рассматривались ими в тесной связи с проблемами социальными.

⁷³ Куропаткин А. Н. Кашгария. С. 26.

⁷⁴ См.: Сборник географических... Вып. 7. Добавления. С. 109.

НАСЕЛЕНИЕ. БЫТ, ПРАВЫ, ОБЫЧАИ

Русские путешественники и исследователи, посетившие страну во второй половине XIX в., большое внимание уделяли изучению истории, этнографии, культуры, социально-политического и социально-экономического положения народов, населявших ее. В их работах затронуты вопросы этногенеза и истории уйгуров, этнокультурных особенностей других коренных народов. Необходимость в демографическом и этнографическом изучении страны объяснялась не только интересами развития науки, но и теми социально-экономическими условиями, которые сложились в России ко второй половине XIX в. Это прежде всего начавшееся бурное развитие капитализма, которое подтолкнуло русских промышленников после добровольного вхождения среднеазиатских ханств в Россию активно искать торговых связей с соседними государствами. В этих обстоятельствах отсутствие сколько-нибудь точных данных о численности населения, традиционных товарах потребления, рыночном спросе сковывало торговые операции русских купцов. Сопредельные страны, особенно Восточный Туркестан, представляли для России объект пристального изучения. Чтобы знать партнеров по торговым отношениям, возможности нового рынка, необходим был более близкий взгляд на страну. Вот почему в эти годы в Восточный Туркестан снаряжались экспедиции, отправлялись миссии.

Среди работ русских путешественников, посвященных описанию населения Восточного Туркестана, особенностей его быта, нравов, выделяются труды М. В. Певцова. Им были рассмотрены важные вопросы, связанные с этногенезом и историей уйгурского народа.

Население Кашгарии, как отмечал М. В. Певцов, распределившись по оазисам, составило его оседлую часть и приняло название по названиям этих же оазисов. Так, различают кашгарцев, яркендцев, аксуйцев, кучайцев и турфанцев. В действительности, полагал автор, все они принадлежат к одному типу, в котором выступает сильнее то тюркская раса (у западных и юго-западных жителей), то монгольская (у восточных). Пришлое население страны, писал исследователь, составляют китайцы, дунгане и жители западного Туркестана, в особенности бывшего Кокандского ханства. В значительно меньшем числе встречаются индусы (появляются преимущественно как торговцы).

По собранным М. В. Певцовым на месте (от местных и отчасти китайских чиновников) сведениям, численность всего населения Кашгарии составляла приблизительно до 2 млн человек, в том числе около 1 млн 800 тыс. оседлого и 200 тыс. кочевого и пастушеского.

В своих описаниях М. В. Певцов засвидетельствовал внешний вид кашгарцев, т. е. оставил наблюдения антропологического характера: «Рост кашгарцев в общем не выше среднего, грудь слегка впалая, а спина выпуклая; корпус у них сухощавый, поджарый, верхние и нижние конечности тонкие, почему общий вес тела мал. Лицо продолговатое, к подбородку суженное, затылок плоский, скулы выдающиеся; уши оттопыренные, нос у корня широкий, а на конце слегка заостренный. Рот умеренный, глаза прямые, карие или темно-карие, брови дугообразные. Волосы на голове и бороде черные, средней густоты, но значительно гуще, чем у киргизов. Цвет кожи светло-смуглый, но у лиц, не принадлежащих к рабочему классу (люду. — *Авт.*), отличается большей белизной. Выражение лица спокойное, задумчивое, как бы испытующее, причем у женщин на нем заметно более оживления, чем у мужчин»².

М. В. Певцов вместе с тем отмечал, что ввиду продолжительного смешения народов Восточного Туркестана встречаются и отклонения от основного типа внешности. Это особенно характерно для Южной Кашгарии. Так, в Яркендском и отчасти в Каргалыкском округах

¹ См.: Певцов М. В. Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг. Спб., 1985.

² Там же.

приходилось неоднократно замечать жителей, подходящих по телесным признакам весьма близко к таджикам, т. е. высокого роста, с густой окладистой бородой, густыми дугообразными бровями, с горбинкой на носу и узким межбровьем. Точно так же в Южной Кашгарии, в Хотанском и Керийском округах, встречались изредка люди среднего роста с правильными европейскими чертами лица, русой бородой и серыми глазами, представлявшими по наружности резкий контраст с остальной массой населения страны.

Кашгарский народ, по наблюдениям исследователя, не именует себя никаким общим названием: оседлые жители Кашгарии различаются только прозвищами по месту жительства (так, например, говорят: кашгарлык, яркендлык, хотынлык (т. е. кашгарец, яркендец, хотанец и т. п.).

В трудах русских путешественников содержатся подробные данные о жизни дунган, киргизов и других народов Восточного Туркестана. В числе оседлых жителей Кашгарии, отмечали путешественники, насчитывается около 6000 дунган, переселившихся в эту страну из Внутреннего Китая и проживающих в оазисах Аксуйской области. Дунгане издавна усвоили язык и обычаи китайцев, от которых несколько отличаются наружностью и своим мусульманским вероисповеданием. По наблюдениям ученых, к числу оседлых обитателей Кашгарии принадлежат еще около 300 семейств цыган, которые занимаются преимущественно плетением корзин и отчасти барышничеством.

Кроме оседлого населения, в ней обитают кочевники, составляющие более четверти всех ее жителей. Кочевое население живет в пограничных горах совершенно отдельной и самостоятельной жизнью. По сообщению путешественников, кочевники состоят только из одних киргизов, населяющих южный склон главного хребта Тянь-Шаньской системы — Кокшала с его отрогом Каратэке и окраинный хребет Памирского нагорья Сарыкол. Эти кочевники, называемые кара-киргизами, отличаются несколько наружностью, языком и бытом от своих северных сородичей, кочующих в сибирских степях.

Внутренний склон Куэнь-Луня в южной и юго-западной частях Кашгарии занимают жители, отличающиеся от обитателей оазисов своим полуоседлым, пастушеским образом жизни. В юго-западной части того же окраинно-

го хребта живут еще около 350 чел. таджиков, вышедших из Вахана и называемых поэтому кашгарцами ваханлыками. Они ведут также полуседлый пастушеский образ жизни, говорят на древнеперсидском наречии.

В Куэнь-Луне почти на всем его протяжении в пределах Кашгарии живут пастухи. Они пасут стада овец, принадлежащие богатым жителям оазисов, и это занятие переходит у них наследственно от родителей к детям. Обитатели оазисов, по свидетельству М. В. Певцова, называют этих пастухов таглыками (горцами) и относятся к ним с некоторым пренебрежением. «В действительности же таглыки,— писал М. В. Певцов,— уступая несколько жителям котловины в учтивости и знании приличий, простодушнее и откровеннее их»³.

Таглыки проводят со стадами все лето на высоких горах, достигая в июле высочайших альпийских пастбищ, а осенью спускаются в нижние горные долины и на северное предгорье Куэнь-Луны, где расположены их убогие селения, состоящие из пещерных жилищ и маза-нок. В таких примитивных жилищах, свидетельствовали русские путешественники, проводят таглыки все лето с женами, детьми. Переезжают с необходимым домашним скарбом одновременно с перемещением стад на другие пастбища. Спустившись осенью с гор в свои селения, они по мере вытравливания соседних пастбищ бывают вынуждены угонять далеко от них стада и проживают там временно в таких же пещерных жилищах, как и летом в горах Куэнь-Луны.

Основным занятием обитателей Лобнорской впадины, как сообщали русские путешественники, было рыболовство. Отдавали дань они также земледелию, ловле уток петлями, во время весеннего перелета, на солончаковых отмелях озер. Осенью ходили на Тибетское нагорье за куланами и антилопами, которых били исключительно для шкур. Некоторых из лобнорцев отправляли на восток в пески Кумтаг на охоту за дикими верблюдами⁴.

М. В. Певцов оставил нам интересные сведения о языке местных народов, согласно которым все оседлые туземцы Кашгарии, исключая дунган, говорят на одном и том же тюркском наречии, включающим, по всей веро-

³ Там же. С. 218.

⁴ См.: Там же. С. 310.

ятности, не менее одной пятой древнеперсидских слов. Кроме того, в этом наречии встречается немало арабских слов, вошедших в него со времени распространения в Кашгарии арабами ислама. Областные различия местного языка столь незначительны, что обитатели отдаленнейших местностей этой страны объясняются друг с другом совершенно свободно.

Труды других русских исследователей дополняют описания населения Восточного Туркестана, сделанные М. В. Певцовым. Так, Ч. Валиханов о внешности кашгарцев писал: «От влияния ли солнца, под которым они жарятся каждое лето, или это заключается в народе, как бы то ни было туркестанцы шести городов чрезвычайно черны и имеют авганский тип лица. Впалые, углубленные глаза, тонкий и изогнутый, как турецкая сабля, нос, узкие губы и бедренная сухощавость отличают их от других среднеазиатцев»⁵.

Г. Е. Грум-Гржимайло привел описание жителя турфанского оазиса: «Турфанец — вот он перед нами. В среднем типе не столь красивый и статный, как таджик... он, однако, не менее последнего жив и подвижен. Скулы его выделяются сильнее вперед, глаза уже, но всегда выразительны, растительность на лице очень редкая. В общем телосложение его сухопарое, рост средний, грудь часто впалая. Производя впечатление физически слабого человека, он, однако, чрезвычайно вынослив, деятелен и неутомим. Мне кажется, что вся организация его приспособлена к тому именно, чтобы быть сытым при самом ничтожном количестве пищи; и действительно, трудно даже представить себе, как мало он ест! И в этом, может быть, и следует видеть тот именно якорь, который спасает турфанский народ от повального разорения. Насколько он скромн в еде, настолько же он скромн и во всем остальном»⁶.

Коренные жители Хами, отмечали путешественники в своих записках, — потомки древних уйгуров, смешавшихся впоследствии частью с монголами, частью с выходцами из Туркестана. По наружности хамийцы напоминают татар. Сами себя они называют таранчами⁷.

⁵ Валиханов Ч. Ч. Собр. соч.: В 5 т. Алма-Ата, 1985. С. 192.

⁶ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948. С. 231.

⁷ Пржевальский Н. М. Путешествия. М., 1958. С. 175.

По свидетельству М. В. Певцова, в Кашгарии еще сохранялись остатки рабства. Рабы, называемые кулами, или хызмет-кар, несмотря на давность своего пребывания в Кашгарии и метисацию с туземцами, сохранили некоторые признаки, свойственные их народностям⁸.

Русские путешественники донесли до нас подробные данные о жизни и роли в обществе различных слоев населения Восточного Туркестана. Из них следует, что вся светская духовная власть в стране была сконцентрирована в руках хакимов, сеидов и ходжей. Хакимы — потомки прежних правителей — владели родовыми землями, обрабатываемыми преимущественно их собственными рабами, несмотря на то, что рабство было официально упразднено. Хакимы жили в городах и селениях, занимались исключительно земледелием, пренебрегая другими промыслами.

Сеиды, потомки Магомеда и ходжи, являлись большей частью лицами духовного звания, они жили исключительно в селениях. Пользовались уважением в народе; жители, приступая к какому-нибудь важному делу, например, к постройке дома, к торговой операции или отправляясь в путь, обращались за благословением и приносили им деньги, платье или съестные припасы. Ходжи большую часть времени проводили в молитве и паломничестве по мазарам. У них были земли, но они не обрабатывали их, а отдавали в аренду.

В Кашгарии в любом незначительном селении имелось несколько мулл и каждый имел свой приход (малля). Один из них назывался ахуном, т. е. старшиной, и ему подчинялись остальные. Ахуны, в свою очередь, подчинялись хукум-казы — высшему духовному лицу в округе. Главой духовенства в Кашгарии считался Яркендский хукум-казы, носивший титул аляма.

По свидетельству А. Н. Куропаткина, М. В. Певцова и других исследователей Восточного Туркестана, религия занимала совершенно особое место в жизни населения. Духовенство представляло очень влиятельный социальный слой, так как почти исключительно на нем лежало отправление правосудия, народное образование и общественная благотворительность.

С захватом власти Якуб-беком явилась прежняя строгость религиозных обрядов, постов и общественных

⁸ См.: Певцов М. В. Труды Тибетской... С. 180.

молитв. Для наблюдения за неприкосновенностью обрядов было восстановлено звание райса. Женщины стали ходить с закрытым лицом. Якуб-бек запретил байгу — любимейшее празднество азиатов, на котором они показывали свое искусство в верховой езде и силу в единоборстве. Он же закрыл во всех городах Кашгарии появившиеся в большом количестве во время владычества китайцев публичные дома. Китайцы были обращены в ислам, исключение составили калмыки, которые остались идолопоклонниками.

При китайском владычестве жителям была оставлена свобода вероисповедания, причем суровость и фанатизм учения Магомета весьма искусно смягчались. Одним из результатов китайского влияния была большая свобода женщин. Ей разрешено было ходить с открытым лицом по улицам.

Кашгарцы — магометане-сунниты, но почти вовсе не проникнутые религиозным фанатизмом. К иноверцам, в особенности к христианам, они никогда не относились враждебно, а к русским питали даже некоторую симпатию, благодаря доброй славе, распространенной о русских в Кашгарии русскими подданными — ферганскими сартами (уйгурами), торговавшими в этой стране.

Материал по религии жителей озера Лобнор, содержащийся в описаниях Н. М. Пржевальского, позволяет дополнить наши представления о степени влияния исламской религии в Восточном Туркестане в целом и в отдельных его районах. Можно заметить, что быт, обычаи и нравы лобнорцев имели порой существенные отличия от последних у жителей других районов страны. «Это во многом, — указывал в своих трудах Н. М. Пржевальский, — было обусловлено исторической изолированностью Лобнора и этнокультурной замкнутостью его обитателей.

Относительно своей религии обитатели Лобнора и Тарима — магометане суннитского толка, господствовавшего во всем Восточном Туркестане, религиозным фанатизмом не отличаются. Ежедневный намаз совершается лишь в Абдалах. Посты соблюдаются только стариками. Есть и пить с нами лобнорцы также не гнушались. Суеверий у них, как кажется, немного, в злого духа не верят.

Высокочитимую святыню всего Лобнора составляет небольшой мазар (гробница, кладбище), находящийся

близ деревни Старый Абдал, что на реке Тарим. Здесь в шагах пятидесяти от левого берега реки на небольшом глинисто-песчаном бугре, верхушка которого выровнена площадкой, была сделана из тростника с туграковыми столбами по фасам квадратная загородка, имеющая сажени три в стороне каждого фаса и около одной сажени высоты, плоская крыша также тростниковая. С южной стороны оставлен вход, запираемый тростниковой дверью, а с запада приделана другая небольшая загородка, отделенная от главной тростниковой стеной западного фаса. В этой небольшой загородке закопана в землю главная святыня — медная чашка и, кроме того, лежит небольшой красный флаг, тоже святой. К стенке западного фаса, отделяющего большое помещение от малого, приделаны на высоте футов трех от земли небольшие туграковые подмости, на которых в порядке разложены несколько десятков маральих рогов, головы хара-сульт и домашних баранов, а также несколько хвостов яков и пара их рогов. В маленькой загородке также находятся подобные приношения. Снаружи на туграковых подмостках набросана куча маральих рогов. Наконец, кое-где по сторонам всей постройки торчат невысокие шесты с привязанными к ним яковыми хвостами»⁹.

Как указывал Н. М. Пржевальский, по местному преданию в давние времена проходили из Хотана через Лобнор шестеро магометанских святых с одной собакой. Они-то и подарили за какую-то услугу одному из предков Кунчикан-бека вышеупомянутую медную чашку, а затем прислали из Турфана красный флаг и бумагу на владение обеими подаренными драгоценностями. Бумага завернута в шелковую материю и положена в небольшой, грубой работы туграковый ящик, поставленный между маральими рогами к стенке западного фаса большого помещения. Сами святые, как гласит легенда, ушли в пещеру недалеко от Турфана, сказав: «мы еще вернемся».

По тому же преданию, во время шествия в Турфан святых преследовали монголы с целью убить. Разбойники эти искали намеченные жертвы по следу собаки. Тогда у нее были отрублены ноги, но собака все-таки не отстала от хозяев. Лобнорцы чтили эту святыню и уве-

⁹ Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 178.

ряли Пржевальского, что только одна она удерживает их жить в таком худом месте, как Лобнор.

Одаренный от природы народ Восточного Туркестана в условиях цинского гнета был фактически лишен возможности культурного развития. Уделивший много внимания изучению народного образования в Кашгарии М. В. Певцов отмечал, в частности, что школ в Кашгарии очень мало, преподавание в них отличается схоластическим направлением, очень мало развивающим мыслительные способности и почти не дающим никаких положительных знаний. Между тем туземцы Кашгарии отличаются сообразительностью и понятливостью, но при этом не чужды легкомыслия и легковерия.

Из работ Н. М. Пржевальского можно получить представление о существовавшей в те годы в Восточном Туркестане системе народного образования.

В каждом селении соответственно числу жителей имелись две или более начальных школы — для мальчиков и девочек отдельно. В мужских школах преподавали приходские муллы, а в женских — учительницы или учителя из светских лиц. Дети обоего пола посещали начальные школы с шести- или семилетнего возраста и учились в них до 10—12 лет. В этих школах обучали чтению и письму на родном языке, но главным предметом считался Коран, заучиваемый наизусть по арабскому тексту, которого не понимали не только ученики, но и большинство самих учителей.

В городах кроме начальных школ существовали еще средние училища — медресе, а в больших городах (Аксу, Кашгаре, Яркенде и Хотане) — высшие медресе. Те и другие состояли при главных мечетях и готовили молодых людей почти исключительно для духовного поприща. В медресе преподавали в соответственных объемах: мусульманское богословие, философию и право, а также арабский язык, арифметику и начала геометрии. Преподавание в средних и высших медресе давало очень мало знаний. Всеми учебными заведениями каждого округа заведовал дамулла-инспектор. Общего же попечителя учебного дела в Кашгарии не было.

Китайское правительство усиленно хлопотало о распространении китайского образования среди мусульман Синьцзянской провинции — кашгарлыков, таранчей и киргизов, но старания эти не дали ожидавшихся результатов. Таранчи и киргизы не пошли в открытые для них

китайские школы. Охотнее учились китайской письменности кашгарлыки: они делали определенные успехи, некоторые подвергались государственным экзаменам; несколько человек после экзамена получили даже первую ученую степень сю-цай. Знание китайского языка кашгарлыки находили для себя, безусловно, выгодным, так как это давало возможность занимать не только места переводчиков в китайских учреждениях, но и получать также штатные, хотя и небольшие, места в администрации.

Для изучения тюркской грамоты существовали училища при мечетях, где преподавали муллы. Киргизы и таранчи, однако, неохотно шли и в эти школы, так что грамотных среди них даже по мусульманским меркам было очень мало, особенно среди киргизов. Кашгарлыки и по-мусульмански учились охотнее своих единоверцев — таранчей и киргизов.

Русскими путешественниками, в частности Н. М. Пржевальским, М. В. Певцовым, В. И. Роборовским, был собран ценный этнографический материал относительно семейно-брачных отношений.

М. В. Певцовым дано описание принятия родов у туземной женщины, характерные для этого случая церемониалы и традиционные поверья.

Узнав о приближении родов, муж приводил старуху-повитуху к жене непременно секретно, так как существовало поверье, что если об этом узнают посторонние люди, то роды могут быть трудными и даже опасными. Повитуха прежде всего занималась изгнанием злого духа, препятствующего рождению ребенка. Для этого, войдя в комнату, она трижды произносила слова «сюп» («изыди») и каждый раз плевала на роженицу. Затем она запирала дверь и приступала к приему родов. Муж роженицы все это время оставался недалеко (в соседней комнате), так как в случае сильных мук повитуха призывала его к постели роженицы. Они были убеждены, что присутствие мужа способствует благополучному исходу трудных родов.

Появившегося на свет ребенка повитуха завертывала в пеленки и клала по правую сторону от матери. Затем, поздравив ее и мужа с сыном или дочерью, она получала вознаграждение и уходила, предоставляя дальнейший уход за больной и новорожденным родственникам роженицы. Следуя поговорке «Сын в дом, а дочь из до-

ма», отцы больше радовались рождению сыновей, а матери предпочитали дочерей.

На другой или на третий день приходили с поздравлениями родные и близкие знакомые. Женщины приносили в подарок деньги или лепешки, а отцы отделенных сыновей дарили своим новорожденным внукам, смотря по состоянию, лошадь, корову или осла. Через три или четыре дня после родов приглашался мулла для наречения имени новорожденному. По этому поводу приглашались родные и близкие. Сначала следовали угощения, затем приносили ребенка, и мулла, взяв его на руки, обращался лицом к западу (к Мекке) и читал молитву (тагби). Затем он последовательно обращался с ним к северу и к югу, читая ту же молитву, и прочитав ее в третий раз, нарекал имя новорожденному и передавал его одному из родственников. Тот передавал другому, другой третьему и т. д., пока ребенок последовательно не перебывает у каждого из присутствующих родных. Последний из них клал его на пол, откуда малютку брала одна из родственниц и уносила его к матери. После этой церемонии мулла и гости расходились по домам.

Через 15 дней после рождения младенца клали в люльку, через 20 — первый раз омывали, через 40 — омывали вторично, и если ребенок мальчик, то брили ему голову. Для этого приглашались несколько мальчиков в возрасте от пяти до десяти лет. Из них выбирали одного, отличающегося кротким характером и имеющего в живых отца и мать. Избранный мальчик, опоясавшись кушаком и воткнув за него плетень, брал в правую руку бритву и по указанию старших прикасался слегка ее обухом к голове ребенка, а один из присутствующих мужчин, приняв от него бритву, брил голову новорожденному. После этого приглашенных мальчиков угощали сладким (компотом из ягод джиды).

Женщины-кашгарки кормили детей грудью до двух лет и даже больше. С шести-семи лет дети начинали посещать школу. Обрезание мальчиков совершалось в возрасте от семи до десяти лет, а если ребенок болезненный, то откладывали до 12-летнего возраста. Операция сопровождалась также обрядом. В назначенный день отец мальчика приглашал к себе родных и близких и предлагал им дастархан. После угощения присутствующих мальчика уводили в отдельную комнату, где фельдшер (канчи) при содействии мужчин совершал быстро

обрезание. При этом редко употреблялось насилие, а большей частью ловкий, невинный обман. С 10 лет мальчики начинали уже помогать в работе отцам, а девочки — матерям.

В Кашгарии традиционными были ранние браки. Юноши, достигшие 14 лет, а девушки — 12 лет могли вступать в брак. О брачном союзе детей родители жениха и невесты условливались заранее, даже вскоре после рождения. Относительно степени родства соблюдались при этом предписания Корана, запрещающего братьям вступать в брак с родными сестрами, дядям — с родными племянницами, отчимам — с падчерицами, племянникам — с тетками, пасынкам — с овдовевшими мачехами. Запрещено было также иметь одновременно женами двух сестер, но вдовец мог жениться на сестре своей умершей жены¹⁰.

Заслуживает внимания описание брачной церемонии, которую наблюдал на Лобноре Н. М. Пржевальский.

Накануне свадьбы жених подносил своей невесте две лисьи шкуры, немного хлеба печеного или в зерне и при этом в виде хадака — пучок связанных косичек серой пакли, называемой кош.

Свадьба совершалась в жилище невесты. Молодые садились против входа у задней стенки. Справа от жениха располагались мужчины, а слева от невесты — женщины и девушки. Отец невесты угощал гостей рыбой и утками, а также бараниной и хлебом. После трапезы отец невесты закрывал молодых двумя халатами, а ахун (или лицо его заменяющее) читал молитву, во время которого молодые и гости стояли. После молитвы венчание считалось оконченным, гости расходились, кроме двух женщин, которые провожали новобрачных на противоположную сторону Тарима, где ставилась небольшая кендыревая палатка. В ней молодых оставляли на ночь. Утром те же женщины приносили им для мытья воду. Затем новобрачные отправлялись с визитами по домам своей деревни. Здесь им дарили рыбу, кендырь, холст, деревянную посуду и прочее. После визитов молодые отправлялись в свое жилище, где новая жена подносила мужу 12 рубак и 12 панталон из кендыревого холста. Отец невесты дарил зятю лодку, сети, домашнюю утварь, а иногда и скот. Праздновалась свадьба только

¹⁰ Певцов М. В. В дебрях Азии. Спб., 1895. С. 96.

один день. В это время устраивались гонки на лодках, скачки на лошадях и ослах. Молодые также принимали участие в этих увеселениях ¹¹.

Обряд бракосочетания, совершаемый в самом Кашгаре, несколько отличался от описанной Н. М. Пржевальским свадьбы на озере Лобнор.

Ко дню бракосочетания, как писал М. В. Певцов, родители невесты приглашали к себе родных и знакомых. Отец жениха в сопровождении муллы и близких родственников приезжал к ним в этот день после всех приглашенных. Будущий сват с родными встречали его за воротами, помогали сойти с лошади и вводили в дом. Хозяин усаживал гостей на почетное место и угощал. Вскоре после отца приезжал с друзьями жених. На дворе его встречала одна родственница невесты с чашкой чая в руках и произносила приветственную речь. Для этой речи избиралась женщина бойкая и красноречивая. Поблагодарив за приветствие и выпив чай, жених с приятелями входил в дом, где его встречал будущий тесть, усаживал подле отца и угощал.

Невеста с матерью и со всеми приглашенными женщинами находилась в это время на женской половине дома, где ее одевали. Когда невеста была готова, об этом извещали присутствующих. Вслед за тем двери в женскую половину растворялись, и женщины-родственницы вводили ее, покрытую платками, в собрание. Жених становился по правую сторону невесты, а перед ними ставился столик с хлебом и чашей соленой воды. После этого совершался сам обряд бракосочетания. Мулла, называя жениха по имени, спрашивал его, согласен ли он взять себе в жены стоящую рядом с ним девушку (произносил ее имя). Если жених давал отрицательный ответ, брак не мог состояться. При согласии жениха мулла обращался с подобным вопросом к невесте. Она отвечала согласием или несогласием, или же молчала. Молчание невесты считалось согласием, а отрицательный ответ мог служить препятствием к браку. Окончив опросы, мулла читал молитву, в которой призывал благославение аллаха и испрашивал молодым долгую и счастливую супружескую жизнь. По прочтении молитвы он отламывал от предложенного хлеба два куса и, обмакнув их в соленую воду, подавал жениху и невесте, которые долж-

¹¹ Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 287.

ны были тут же съесть все это в знак духовного единения и полного согласия в предстоящей супружеской жизни. Этим актом оканчивался обряд бракосочетания.

После этого женщины-родственницы с плачем и причитаниями начинали снаряжать девушку к переселению из родительского дома к мужу. Они медленно опоясывали новобрачную кушаком, расстилали на полу войлок или ковер, усаживали невесту и, оплакав ее, брали в руки концы ковра и выносили на нем молодую во двор. Там они пересаживали ее на лошадь верхом, не снимая с ее головы покрывала. Затем весь свадебный поезд направлялся в дом родителей молодого.

Женщина в Кашгарии, по свидетельству многих русских путешественников, пользовалась значительной самостоятельностью и отнюдь не служила рабыней мужа, как в других мусульманских странах. По свидетельству М. В. Певцова, женщины носят свои роскошные волосы опущенными на спину и заплетенными на конце в две косы после свадьбы и в одну до нее. Они красивы лицом, рано развиваются и выходят замуж (12 лет) и бывают прекрасными женами (семья из пяти-шести детей — общее явление).

Мужчина имеет столько жен, сколько он в состоянии содержать, они дешевы и стоят всего несколько платьев, да 15 рупий каждая. Временные браки в обычае¹². Многоженство обычно только у купцов, зажиточных ремесленников и других наиболее обеспеченных в материальном отношении людей. Некоторые богатые торговцы, переезжающие постоянно из одного города или селения в другое, имеют по 5 и даже 10 жен, проживающих в тех местах, которые им приходится посещать по торговым делам.

Имеющий несколько жен и постоянное местожительство помещает их в разных домах, построенных на одном и том же дворе, а за неимением их — в одном доме, но непременно в разных комнатах с отдельными выходами в сени или во двор. Первая жена считается старшей и полноправной хозяйкой дома, а остальные — ее помощницами, обязанными ее почитать и исполнять безукоризненно приказания. В действительности же бывает почти всегда иначе: жены одного мужа, помещающиеся под одной кровлей, очень редко живут в согласии и едят из

¹² См.: Певцов М. В. В дебрях Азии. С. 100.

одного очага. Между ними почти всегда господствует непримиримая ненависть и ее неизбежное последствие — полная неурядица в доме. Пищу готовят порознь, и каждая старается расходовать из общего достояния как можно больше на себя и заботится только о себе, вследствие чего в доме царят хаос и опустошение.

М. В. Певцов указывал, что многие кашгарцы осознают, что полигамия разрушает семью. В связи с этим многие из кашгарцев избегают ее даже при полном достатке средств и решаются на второй брак только в случае бесплодия первой жены или рождения ею исключительно дочерей¹³.

Многоженство, отмечал А. Н. Куропаткин, как и в других мусульманских землях, есть право для всех, но на практике доступно только зажиточным людям. Якуб-бек, например, ведя крайне скромную жизнь, имел в своем постоянном гареме до 300 женщин, из которых до шести походных жен сопровождали его во всех передвижениях¹⁴.

В семьях, где отсутствует полигамия, супруги, по наблюдениям путешественников, живут в согласии. Муж, как правило, не предпринимает ничего важного без совета жены, которая является не только полноправной хозяйкой в доме, но нередко пользуется даже неограниченным влиянием на своего супруга.

Из описываемого путешественниками населения выделены мужчины, которые исполняют все работы вне дома. Женщины же ведают домашними делами: ухаживают за детьми, варят пищу, прядут нитки и ткут холст из кендыревого волокна, шьют одежду, иногда собирают поблизости дрова и осматривают сети в отсутствие мужчин. Причем женщины постоянно сидят дома и ни в какие общественные дела не вмешиваются.

Китайцы, по мнению русских путешественников, способствовали большой свободе нравов и покровительствовали свободе брака. Брак, и без того легко расторгаемый по закону Магомета, в Кашгарии расторгался с еще меньшими формальностями.

При обоюдном согласии супруги могли развестись во всякое время беспрепятственно, поделив между собой детей. Но в случае желания только одной стороны, раз-

¹³ См.: Там же. С. 101.

¹⁴ См.: Куропаткин А. Н. Кашгария. Спб., 1879. С. 24.

вод допускался только по уважительным причинам а именно: при несогласии сожития супругов; побоях, неоднократно нанесенных мужем жене; неспособности мужа или жены к отправлению супружеских обязанностей; прелюбодеянии, совершенном мужем или женой; сумасшествии одного из супругов; вступлении мужа в последующий брак без согласия первой жены.

По обычному праву кашгарцев развод допускался в случаях, значительно менее уважительных, например, вследствие неоднократных ссор между супругами, скупости мужа на покупку необходимой одежды для жены, растраты ее приданного и т. д.¹⁵

Обряды погребения, как показывают работы русских исследователей Восточного Туркестана, осуществлялись аналогично погребальным обрядам, распространенным в других мусульманских странах. Умерших из числа бедных хоронили обычно на второй, а зимой — на третий день. Богатых хоронили на день позже, чтобы всем родственникам съехаться на похороны. О постигшем горе домашние тотчас же извещали родных и знакомых, и они немедленно собирались в комнату, где лежал умерший, оплакивали его с причитаниями и молили аллаха об отпущении грехов покойного. Тело его оставалось до дня похорон в том самом положении, как его застигла смерть, и к нему никто не прикасался.

В назначенный для похорон день родственники покойного приглашали трех мулл и сзывали родных и знакомых. Муллы вырывали в комнате умершего небольшую яму, накрывали ее дверным полотнищем и, раздев его клали на это полотнище и приступали к омовению: один поливал покойника водой, другой мыл, а третий поворачивал. Женщин обмывали богомолки. При омовении тела, кроме мулл, никто не мог присутствовать. Родные умершего и все приглашенные на похороны находились в это время в соседних комнатах и там его оплакивали. Обмыв покойного, муллы надевали на него последовательно три одежды из кисеи или бумажной материи: короткую рубашку до пояса с разрезом на груди, такую же рубашку длиной до колен и саван с разрезом против лица, завязываемый над головой и ниже ног веревочками, обувь на ноги не надевали. Тело умершего предавали земле без гроба, с вытянутыми по бокам руками.

¹⁵ См.: *Певцов М. В.* В дебрях Азии. С. 100—101.

Близкие родственники умершего носили в течение 40 дней траур — черные или белые халаты и белые кушаки. Сыновья же покойного, кроме того, в течение этого времени не брили голову. Через три дня после похорон справлялись поминки в доме умершего, на которые приглашали мулл, родных и знакомых. Родственники предварительно посещали могилу покойного, молились там и потом уже отправлялись на поминки. После угощения муллы читали молитвы об отпущении грехов покойному, по окончании которых приглашенные расходились. Такие же поминки справлялись в 20-й и 40-й день после смерти покойного. В 40-й день после поминок один из друзей умершего приглашал его сыновей к себе в дом, снимал с них траур и брил им головы. В годовщину кончины покойного справлялись по нем третьи, последние поминки¹⁶.

Надгробные памятники в Кашгарии имели вид гробниц из лёссовой массы, на которые положены вылепленные из того же материала цилиндры или шестигранные призмы. Над могилами святых строили из лёсса или обожженных кирпичей мавзолеи с куполами и оградами, обставляемые со всех сторон шестью с флагами, конскими и яковыми хвостами. На карнизах и оградах мавзолеев помещали черепа с рогами диких баранов. Такие могилы называли мазарами, богомольцы приходили к ним на поклонение и в установленные дни над ними совершались молебствия¹⁷.

Несколько другую последовательность обряда погребения привел в своих работах М. В. Певцов, который отмечал, что строгие мусульманские обычаи не всегда соблюдались.

Одев покойного, муллы выносили его на войлок в соседнюю комнату, клали на нары и открывали ему лицо, чтобы родные последний раз могли его видеть. Женщинам обычай запрещал видеть лицо умерших мужчин. Впрочем, обычай этот редко соблюдался, но лицо умершей женщины не должен был видеть ни один мужчина, даже из самых ближайших родственников.

Когда муллы открывали лицо покойного, плач и рыдания собравшихся родственников усиливались. Мужчины и женщины, окружив тело умершего, начинали при-

¹⁶ См.: *Певцов М. В.* В дебрях Азии. С. 114.

¹⁷ См.: Там же.

читать: «Ой, отец (или брат), зачем ты нас покинул! На кого оставил? Как нам, сиротам, жить без тебя?» Но при этом никто из них не целовал и не обнимал покойника, а только смотрел ему в лицо. Один из мулл, отстранив окружающих покойника, читал над ним отпустительную молитву, по окончании которой четверо мужчин выносили его на том же войлоке на двор, клали на носилки и покрывали пеленой. Те же мужчины поднимали носилки, и печальная процессия отправлялась на кладбище. Впереди носилок шли близкие родственники умершего в трауре и с посохами в руках, плача и причитая всю дорогу, а по сторонам их следовали дальние родные и друзья покойного, также в трауре и с посохами, поддерживая по очереди носилки. За носилками безмолвно шествовали муллы.

Женщины никогда не сопровождали покойников на кладбище. Выйдя вместе с похоронной процессией за ворота, они оставались и только смотрели ей вслед.

Могила рылась в длину всегда по направлению меридиана, а глубиной в человеческий рост. В восточном обрыве могильной ямы немного выше дна выкапывалась во всю длину боковая ниша, в которой мог бы поместиться покойник. Когда его подносили к могиле, один из мулл принимал из носилок и укладывал в нишу так, чтобы он лежал на спине головой к югу, а лицом обращен немного на запад по направлению к Мекке. Затем отверстие ниши закладывали кирпичами, а могилу засыпали землей. Муллы читали над ней молитвы, по окончании которых присутствовавшие на похоронах отправлялись поминать умершего. Поминки в день похорон справлялись всегда в доме одного из близких родственников покойного, так как в доме умершего в течение трех дней после его кончины не разводили огня и ничего не готовили. У богатых покойников около могилы ставили палатку, в которой муллы после погребения читали от семи до сорока дней Коран¹⁸.

Различия в погребальном обряде имелись и у жителей Лобнора. Об этом встречаются упоминания в трудах Н. М. Пржевальского.

У лобнорцев покойника мыли, затем одевали в пять белых рубах из маты: первая такая рубаха достигала лишь до пояса, остальные постепенно удлинялись, так

¹⁸ См.: Там же.

что пятая закрывала ноги. В Каракурчине за неимением маты рубахи делались из кендырья. Голову мертвого мужчины окружали белой повязкой, женщины — покрывали лишь платком спереди. Потом покойника несли на носилках к ахуну или к лицу его заменяющему, и тот читал молитвы. В головах носилок приделывался шест, на который у мужчин надевалась чалма, а у женщин — платок. Хоронили в день смерти или же на следующий.

Для могилы выкапывали на кладбище яму, приблизительно равную кубической сажени. В этой яме с западной стороны делалась ниша, в которую клали покойника (на тростниковой подстилке) на бок, лицом на запад, головой на юг, потом нишу заделывали и яму засыпали.

В Каракурчине умершего клали в лодку, покрывали ее другой лодкой, и этот гроб ставили в густом тростнике. Кругом натягивали сети. Поминки по усопшим совершались на 1-й, 3-й, 7-й и 40-й день после смерти. На кладбищах втыкали шесты с привязанными к ним хвостами диких яков, цветными тряпками и тому подобными украшениями. Наследство получали лишь после смерти обоих родителей.

Этнографические описания, составленные русскими путешественниками и исследователями, дают более или менее полную картину жизни народов Восточного Туркестана. При этом многие авторы подчеркивают, что, несмотря на вековую борьбу за жизнь в условиях суровой природы и непрекращающиеся вторжения завоевателей, в национальном характере народов этой страны отсутствует замкнутость и суровость. Кашгарский народ, по их мнению, отличается кротким характером, честностью, гостеприимством и услужливостью. Эти его черты в значительной мере преобладали над присущими ему, отрицательными качествами: лицемерием, корыстолюбием и раболепием. Процент преступности, служащий верным критерием нравственности, в Кашгарии мал. Тяжкие уголовные преступления: грабежи, убийства, поджоги и т. п. — очень редки. Самые обыкновенные в Европе преступления, как, например, воровство, в Кашгарии случались, по свидетельству многих путешественников, несравненно реже, чем в любом из европейских государств. «Дома в этой стране, — указывал М. В. Певцов, — не имеют ни запоров, ни замков. Хлеб почти всю зиму хранится в ямах на полях, и никто не опасается

воров. На базарах нередко можно видеть открытые лавки, покинутые отлучившимися на время хозяевами, и товар в них остается в целости»¹⁹.

Спокойный характер людей, вежливость и учтивость во взаимоотношениях между ними, любовь к матери, уважение к старости — такими представляются нам нравственные качества жителей Восточного Туркестана из описаний русских путешественников.

Взаимные отношения оседлых жителей Кашгарии, как отмечал М. В. Певцов, отличались вежливостью. «При обращениях они всегда величают друг друга «Вы». Это же местоимение употребляется взаимно и супругами при гостях. Только родители, обращаясь к своим детям, и хозяева к рабочим называют их «ты». При встречах на дороге или при входе в дом произносят «асселяу-алейкум?» (здоровы ли?), на что дается ответ «алейкум-асселям» (слава Богу); затем следуют вопросы: как поживаете? счастливо ли? (тола обдан ма? тола хуш ма?), здорово ли семейство и т. п. Эти приветствия сопровождаются поклонами, приложением руки к сердцу и, наконец, взаимным пожатием обеих рук. Целование при встречах и прощаниях между мужчинами, даже близкими родственниками, не принято, но женщины-родственницы или приятельницы целуются иногда в правые щеки. Прощаются пожеланием благополучия (мубарак), или возгласом «Аллах акбер» (Бог велик). Приступая к еде или к какому-нибудь делу, набожные кашгарцы произносят вполголоса: биссимиля аррахман арраим (во имя всеблаготворного милосердного Господа), причем мужчины поглаживают слегка руками бороду»²⁰.

Кашгарцы зимой и летом вставали за полчаса до рассвета. Первой поднималась жена и, надев нижнее белье²¹, зажигала ночник (чирак), потом разводила огонь в очаге. Зимой она ставила на очаг чайник с водой для омовения и, согрев нижнее белье мужа, будила его. Надев белье, он шел к очагу для омовения, потом расстилал на нарах маленький войлок или коврик (джай-намаз), становился на колени лицом к западу и молился. После него умывалась жена и также совершала молитву. Окончив молитву, муж усаживался на нары, а

¹⁹ Там же. С. 437.

²⁰ См.: Военный сборник. Спб., 1895. № 6. С. 447.

²¹ Кашгарцы спят без белья, имея лишь на головах мужчины — ермолки, а женщины — платки.

жена готовила завтрак. Когда кушанье было готово, она расстилала на нарах или на маленьком кругленьком столике с короткими ножками скатерть и подавала завтрак. Остальные члены семьи, окончившие уже к этому времени омовения и молитву, собирались к завтраку и садились к столу в следующем порядке: сыновья близ отца, а дочери — около матери. После завтрака богатые и зажиточные кашгарцы пили крепкий чай, а бедные суррогат его из местных трав (да и то лишь изредка).

Интересные сведения о внутреннем убранстве жилища, предметах домашнего обихода жителей Лобнора содержатся в описаниях, составленных Н. М. Пржевальским. «Из предметов домашнего обихода, — указывает он, — мы встречали чугунную чашу для варки пищи, медный чайник (кумган) для кипячения воды, чугунок в виде сковороды для печения хлеба, волосяные сита для просеивания муки, топор, деревянные ведра, такие же блюда, чашки и ложки, циновки из стеблей куги, служащие вместо скатерти во время еды, в редкость — войлоки. Быть может, имеются еще какие-нибудь хозяйственные мелочи, но их во всяком случае немного. У каракурчинцев даже подобный инвентарь обыкновенно бывает неполный, так что взамен чугунной чаши иногда употребляется большой черпак от чаши разбитой, а медного чайника или сковороды часто нет вовсе»²².

Исключительной собственностью женщин, кроме их платья, были веретена, прялки, иногда грубый ткацкий станок, немного иголок и других мелочей. Мужчины, почти все, имели огнива, бритвы и ножи, которые они носили за поясом в кожаных ножнах, а за пазухой — жестяную, деревянную или кожаную коробочку с табаком, который не курили, а жевали. Необходимую принадлежность каждого семейства составляли лодки, выдолбленные из ствола туграка, сети и удочки для рыболовства, также связки сухой рыбы и холстины из кендыря, затем нередко капканы для ловли лисиц и волков. Ружья имелись на всем Лобноре лишь у нескольких человек. Каракурчинцы обыкновенно носили все свое платье на себе, в нем и спали, не раздеваясь. Абдалиныцы помимо повседневного платья почти все имели праздничную одежду. Денег, вероятно, ни у тех, ни у других не

²² Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 287.

было. Притом лучшие свои вещи лобнорцы не держали дома во избежание случайного пожара или грабежа. Эти вещи они зарывали в песок в местах, известных лишь самим хозяевам.

М. В. Певцов так описывал занятия мужского и женского населения Кашгарии: «Мужчины в будние дни отправляются на работы, а в праздники — в мечеть²³. Женщины же убирают сначала комнаты, потом чешут головы и одеваются. Приведя в доме все в порядок, туземки отправляются доить коров, затем приносят воду и готовят кушанье. Летом они полют огороды, сажают овощи, собирают плоды и вообще исполняют легкие полевые работы, тогда как все трудные лежат на мужчинах. Зимой женщины очищают и прядут хлопок, шерсть, разматывают коконы, ткнут материи и ковры, делают войлок и шьют одежду. Мужчины же в течение зимы имеют много свободного времени. Уход за скотом, заготовление дров и изредка поездки на мельницы — вот почти и все их зимние работы»²⁴.

С окончанием полевых работ мужчины и женщины отправлялись на ближайшие базары, причем часто без всякой нужды, а просто для развлечения и обмена новостями, которые сообщались в спокойных, неторопливых беседах. Рынки заменяли кашгарцам клубы и газеты. Примерно в это же время у богатых и зажиточных людей устраивались нередко вечеринки под названием тамаша (увеселение), на которые приглашались родные и знакомые и которые здесь сопровождалась музыкой. Музыканты и певцы, аккомпонируя себе, распевали любимые народные песни, такие, как например, «Алтын-джан» («Золотая душа») и «Назыр-гум» («Моя милая»), а присутствовавшие мужчины и женщины танцевали попарно или поодиночке, танцоры двигались вокруг медленно и плавно, едва переступая, слегка изгибая корпус, при этом вяло, как бы нехотя жестикулируя руками. Быстрые движения в танцах, как и быстрый темп музыкального сопровождения, были очень редки. Танец в Кашгарии, как отмечал М. В. Певцов, в общем грациозен, но крайне монотонен.

В антрактах между танцами присутствующих на та-

²³ Мусульманки в мечеть не ходят, а молятся всегда дома.

²⁴ См.: Военный сборник. С. 448.

маше угощали чаем, плодами, пирожками, холодным мясом и пловом.

По впечатлениям многих русских путешественников, кашгарцы очень любили музыку. Серьезные и сосредоточенные в обыденной жизни, они оживлялись при ее звуках и с увлечением предавались веселью. Их любимые песни отличались приятными мелодиями и содержательностью. Музыка служила в основном аккомпанементом к танцу и песне и исполнялась оркестром²⁵. «К сожалению, — указывал М. В. Певцов, — музыкальные мотивы.. весьма приятные для слуха, также монотонны, как и их грациозный танец»²⁶.

Будучи страстными любителями музыки, пения и танцев, кашгарцы использовали любой случай (обрезание, помолвки, свадьбы), чтобы устроить тамашу, несмотря на то, что экономическое положение значительной части населения было неудовлетворительным.

Оседлое население Кашгарии относилось преимущественно к земледельцам, которые выращивали зерновые культуры — пшеницу, ячмень, кукурузу, просо, рис и хлопок. При ирригационном способе возделывания урожаи получали хорошие. Кочевое же население Кашгарии сочетало скотоводство с земледелием, при этом сеяли чаще всего ячмень, который благодаря частым дождям в горах вызревал без искусственного орошения.

Горное дело в хозяйственной жизни местного населения занимало весьма скромное место: это была добыча незначительного количества каменного угля и металлов. Вообще же горное дело в Кашгарии во времена посещения ее русскими путешественниками было, по существу, в зародыше, сами местные жители минеральные богатства страны почти не использовали. Однако еще до прихода в страну Якуб-бека китайцы добывали золото и нефрит в Хотанском округе в довольно больших объемах.

Ряд путешественников (Певцов, Пржевальский и др.) указывали на сравнительно невысокий уровень развития в Восточном Туркестане архитектуры, литературы, музыки. В городах они не видели пышных и богатых мечетей, столь характерных для Бухарского и Хивинского

²⁵ В состав полного оркестра входили следующие инструменты: чаштар — шестиструнная скрипка с длинным грифом; ситар — лютня с тремя медными струнами; дутар — двуструнная лютня; рабоб — шестиструнная лютня; калун — гусли и доб — бубен.

²⁶ См.: Военный сборник. С. 448.

ханств, а также сколько-нибудь значительных общественных построек. «Добавлю, что если архитектурное искусство стоит в Кашгарии на такой низкой ступени, — писал М. В. Певцов, — то все остальные искусства находятся в первобытном состоянии и скорее падают, чем совершенствуются. Литературы в Кашгарии не существует, за исключением десятка сочинений бухарских и арабских писателей. Проехав большую часть страны, мы нигде не нашли книжной торговли»²⁷.

Н. М. Пржевальский отмечал различный уровень культурного развития населения по отдельным районам Восточного Туркестана: «Противоположно монголам и тангутам, абдалины опрятны и чистоплотны. Летом купаются часто, зимой постоянно умываются. Посуду содержат в чистоте, пищу также чисто приготавливают, перед едой и после нее моют руки. Одежда у них хотя простая, но сколько возможно, чистая; праздничное одевание весьма опрятное. Каракурчинцы — те грязны и оборваны, притом сильно пахнут рыбой, как и все обитатели Лобнора и Тарима. От их деревень рыбный запах слышен по ветру довольно далеко»²⁸.

Действительно, рыба составляла на Лобноре главный продукт питания. Исключая зимнее время, ее ловили ежедневно, на зиму заготавливали в сухом виде. Свежую рыбу обыкновенно варили, сушеную нередко поджаривали, предварительно смочив ее соленой водой. Рыбный отвар пили вместо чая. Из рыбы также добывали жир, который употребляли вместо масла. Подспорьем к рыбной пище весной и осенью служила дичь, а зимой отчасти мясо зверей: харасульт, диких верблюдов и др. Кабанов местные жители как магометане не ели. Абдалины ко всему этому добавляли баранье мясо (изредка) и пшеничный хлеб, который все более входил в здешних краях в употребление. Зерно собирали со своих пашен и мололи его на своих крошечных водяных мельницах. Каракурчинцы хлеба не знали, некоторые из них вовсе не могли его есть, равно как и баранье мясо. Зато они ели, как и все лобнорцы, мясо пеликанов и выпей (мясо выпей считалось полезным от кашля и боли живота). На Лобноре и Тариме все жители употребляли в пищу поджаренные корни кендыря, а весной — молодые побе-

²⁷ См.: Там же.

²⁸ Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 287.

ги тростника, которые считались даже лакомством. Из метелок тростника летом изредка вываривали темную тягучую массу, сладкую на вкус. Лобнорцы и таримцы в противоположность монголам охотно пили сырую воду.

Так как рыба служила главной пищей населения Кашгарии, рыболовство составляло специальное занятие в течение весны, лета и осени. Ловили рыбу сетями и на удочку. Сети использовали небольшие, собственного приготовления из ниток кендыря, сделанных таким образом, что рыба сама в них запутывалась. Ежедневно утром и вечером мужчины осматривали свои снасти и собирали попавшую в них рыбу. Ее было так много, что редко кто возвращался без добычи. Для удобства рыбной ловли на Тариме, а частью и на Лобноре создавались искусственные озера в тех местах, где уровень Тарима вследствие оседания на берегах и в самом ложе реки приносимой ветром пыли, как равно и выдувания почвы по соседству, выше окрестной местности. Тогда стоило лишь прокопать в береге небольшую канаву, и хлынувшая сюда вода затапливала большую или меньшую площадь. Обычно это делали весной, затем спускную канаву засыпали. Вместе с водой в новообразованное озеро заплывала и рыба, которая проводила здесь лето, набирала в весе. Между тем площадь озера, подвергнутая сильному испарению в течение лета, значительно уменьшалась, рыбе становилось тесно и душно. Тогда спускную канаву вновь отворяли, ставили здесь сети, в которые и устремлялась в большом количестве рыба, почуявшая свежую воду. Подобная операция повторялась в одном месте несколько лет подряд. Впоследствии на таких озерах вырастал тростник, который служил главным кормом для скота. Большая часть нижнетаримских озер образовалась подобным образом.

Для рыболовства использовали лодки, которые были малых размеров (3,5—4 м в длину, полметра, а иногда и меньше, в ширину). На зиму во избежание растрескивания от сухости воздуха лодки закапывали в песок. Лобнорцы управляли своими лодками в высшей степени искусно, могли ездить в них как сидя, так и стоя.

Одним из распространенных на Лобноре занятий местного населения, как указывал Н. М. Пржевальский, была охота на птицу и в особенности ловля уток нитяными петлями. Зимой лобнорцы добывали в горах Ал-

тын-тага диких верблюдов и яков. Каракурчинцы часто использовали капканы для ловли зверей, только в этом и проявлялись их охотничьи наклонности. Абдалинцы содержали значительное количество баранов, рогатый скот, лошадей и ослов. К овцеводству тяготели жители Тарима. А лобнорцы разводили курдючных овец, которые отличались высокой продуктивностью, они давали превосходное жирное мясо.

Русские путешественники отмечали, что, несмотря на преобладание в хозяйстве скотоводства, население стремилось к земледелию. По материалам Н. М. Пржевальского, на озере Лобнор земледелие было особенно развито в Чархалыке и на р. Джахансай. Наиболее распространенными культурами были пшеница, ячмень, кукуруза и хлопок. В небольшом количестве население выращивало овощи (лук, морковь), арбузы и дыни.

На Лобноре передвижения совершались летом главным образом на лодках, а зимой — по льду Тарима (в этом случае под лодки подделывались небольшие салазки; абдалинцы так перевозили по льду и дрова).

В трудах русских путешественников и исследователей Восточного Туркестана есть интересные описания народных праздников и связанных с ними ритуалов и традиций. Материал этот, безусловно, содержит не только ценные научные данные по этнографии уйгуров, но и расширяет наши представления о Восточном Туркестане в целом.

«Праздников у них очень немного, — указывал М. В. Певцов, — кроме пятницы, посвящаемой всеми мусульманами молитве и отдохновению от недельных трудов, в Кашгарии празднуют только три главных праздника: роза-аит, курбан-аит и янги-иль (новый год)»²⁹.

Праздник роза-аит, считающийся торжественным и справляемый в мае в течение трех дней, следует после единственного в году поста розы, продолжавшегося 30 дней. Во время всего этого поста правоверным не разрешается днем вовсе есть, а только вечером и ночью до рассвета. Путешествующим же мусульманам (муссафир) и женщинам, кормящим грудью своих детей, дозволяется есть и днем. В пост роза-аит каждый мусульманин должен сколько возможно чаще посещать мечеть и со-

²⁹ См.: Военный сборник. С. 449.

вершать ежедневно 62 омовения. Это, однако, выполняется только самыми набожными стариками, свободными от работы.

В первый день праздника роза-аит, кануном которого оканчивается пост, мужчины с восходом солнца одевались в лучшее платье и отправлялись в мечеть. Моление начиналось с чтения отпустительной молитвы, продолжавшегося около десяти минут, во время которого все молящиеся стояли на коленях с наклоненными головами совершенно неподвижно и благоговейно слушали молитву. После этой молитвы мулла читал часа два Коран, а люди слушали чтение стоя или сидя. По окончании моления, присутствующие поздравляли друг друга тут же в мечети с праздником и потом расходились по домам. Закусив немного дома, они отправлялись к родным и знакомым с поздравлениями. В каждом доме гостей угощали мясом, вареными яйцами, пловом, чаем, печеньем и фруктами. Взаимные посещения продолжались все три дня праздника, в течение которых никто не работал, но тамашу в эти дни не устраивали.

Спустя 70 дней после розы-аит справлялся другой праздник — курбан-аит, продолжавшийся также три дня. Этот праздник установлен в память аврамова жертвоприношения. По верованию мусульман, Авраам, намереваясь принести в жертву Богу сына своего Исмаила (т. е. Исаака, но мусульмане относят этот случай к Исмаилу), никак не мог вонзить в его тело нож, отскакивавший от него, как от камня, и на вопрос Авраама, почему он не действует, отвечал, что Господь запретил ему убивать Исмаила. В это время явился архангел Гавриил и указал Аврааму на ягненка, которого надлежало принести в жертву вместо Исмаила.

Праздник этот начинался также в мечети. По возвращении из мечети домой, каждый взрослый мужчина в богатом семействе закалывал барана, а в остальных глава дома колот одного барана на все семейство. Заколотый баран символизировал жертвоприношение Богу. Мусульмане веруют, что эти жертвы облегчают им по смерти переход в рай по узкому, как лезвие ножа, мосту (эльсырат), по которому праведники переходят благополучно, а грешники падают в бездну ада. Из жертвенных баранов женщины тотчас же начинали готовить кушанья на праздник, а мужчины, посидев немного дома, отправлялись поздравлять родных и знакомых с

праздником. Визиты продолжались все три дня, и в каждом доме предлагался дастархан. На базарах все время играла музыка и устраивались танцы, в которых принимали участие не только мужчины, но и женщины. Существовал также обычай во время курбан-айта биться яйцами, как на пасху.

Новый год (янги-иль), начинавшийся с февральского новолуния, жители Восточного Туркестана отмечали также три дня, но праздничного богослужения в мечетях не устраивали. В течение трех дней люди ходили к родным и знакомым с поздравлениями, и в каждом доме их угощали. В Новый год для женщин устраивали на базарах качели. Здесь обязательно играла музыка, люди танцевали. Женщины, качаясь на качелях, пели.

Кроме праздничных богослужений, у кашгарских мусульман бывали общественные моления об урожае и отпущении грехов.

Моление об урожае совершалось ежегодно в феврале. Праздник считался началом весны. В этот день жители собирались к мазару (могиле святого), а там, где его не было, — к мечети и разводили в стороне костры, на которых женщины из принесенных с собой припасов готовили кушанье. Мужчины же усаживались около самого мазара или мечети. Впереди садились в кружок муллы и читали молитвы о ниспослании воды и обильного урожая. По окончании молитвы муллы и мужчины в ожидании пищи вели беседы. Когда еда была готова, каждая женщина, варившая для своего семейства в отдельном котле, посылала часть приготовленной пищи муллам, другую часть — присутствовавшим на молении дуванам (дервишам), а остальное съедали тут же члены семьи. После обеда все расходились по домам.

Общественное моление об отпущении грехов бывало в день барата (за 16 дней до праздника розы-айт). Под вечер накануне этого дня правоверные собирались к мазару или к мечети, куда доставлялись бараны и рис для приготовления пищи молящимся. Собравшиеся садились близ мазара или мечети на разостланных войлоках. Впереди усаживались (также на войлоках) двумя отдельными группами монашествующие мусульмане — гопизы и сопи (гафизы и софи или софты). Гопизы читали поочередно Коран по одной главе (сур) каждый и по окончании ее обращались лицом к сопи. Эти последние, стоя на коленях кружком и сцепившись руками, заканчивали

чтение каждой главы громким возгласом «Алла-гу», повторяемым до 100 раз, и при возгласе делали поклон. Затем очередной гопиз читал следующую главу Корана, заканчивавшуюся сопи тем же возгласом, и т. д.

Моление продолжалось до полуночи, когда богомольцы ели приготовленную для них пищу, затем они продолжали в таком же порядке молиться до рассвета. В эту ночь правоверные молили Всевышнего об отпущении грехов и о помощи в нуждах и бедствиях.

Массовое отправление религиозного культа оказывало сильное психологическое воздействие на участников молитвы. «Под конец в толпе молящихся, — писал М. В. Певцов, — наэкзальтированной долгим бдением и заунывными возгласами сопи, слышатся стоны, вопли и порой даже истерические рыдания. С рассветом моление оканчивается и утомленные богомольцы расходятся по домам. Женщины в эту ночь собираются группами в домах и там слушают Коран, читаемый им набожными старушками»³⁰.

К определенным праздникам были приурочены и некоторые виды танцев. Так, например, вечером 10-го дня поста уразы после захода солнца молодежь устраивала праздничное шествие, шутливый карнавал. Наделав из цветной бумаги, лент, камыша забавных фонариков в виде гусей, рыб, свечей и пр. и прихватив с собой музыкальные инструменты — дору, танбил, а в Кашгарии обязательно и сафаили (народные ударные инструменты), молодежь и дети отправлялись по домам состоятельных жителей. Иногда к этому дню заранее делались карнавальные маски из тыквы с прочной коркой (капак) в виде зверей и чудовищ. Обходя дома, молодые люди пели и танцевали, получая в награду мелкую монету, сладости и пр. Исполнялись танцы с подносами (ляганями), пиалами, сафаилями, а также танец Кема-уйин, изображавший ханскую дочь, катающуюся на лодке, украшенной лентами и бумагой.

Через семьдесят дней после мусульманского поста (рамазан-руза) устраивался курбан-аит — праздник жертвоприношения, длившийся три дня. Во всех общественных местах — на базарных площадях, возле мечетей — происходили массовые гуляния и зрелища. Группа музыкантов образовывала оркестр, и начинались массовые

³⁰ Певцов М. В. В дебрях Азии. С. 106, 108.

танцы, в которых принимали участие празднично одетые мужчины и женщины. Исполнялись танцы Хеит усулари, Ногира усули, Сурнай усули, Сароиль усули, танцы с ляганами и пиалами. (В праздник Нового года — науруз, с которым народ связывал надежды на новую жизнь, гуляние продолжалось в течение трех дней.)

Суеверия населения Восточного Туркестана, как указывали путешественники, касались вообще всех сторон их быта. Так, например, завидев новую луну, набожные кашгарцы начинали прыгать, чтобы стряхнуть с себя грехи, накопившиеся в течение прошедшего месяца. Существовал также обычай вечером в день барата разводить на улицах костры, через которые прыгали женщины для очищения от грехов и предохранения себя от болезней. В тот же вечер юноши и мальчики, собравшись группами, брали тыквенные фляги из-под масла, прикрепляли их к шестам и зажигали. Потом с этими факелами они поднимались на крыши домов и пели стих «чарамазан-барат». По поверью населения, пение этого стиха на крышах домов при свете факелов предохраняет живущих в них от вселения злых духов.

Кашгарцы старались хранить в своих очагах «неугасимый» огонь, который, по их поверью, приносил благополучие дому. Золу же никогда не выносили днем, а только вечером или рано утром до рассвета, так как дневное очищение очагов могло навлечь несчастье на живущих в доме. Оседлые туземцы Кашгарии очень боялись гроз, во время которых многие из них молились об избавлении от угрожающей опасности.

Медицина в Восточном, Туркестане, согласно сообщениям русских путешественников, отсутствовала в привычном для европейцев понимании этого слова. Сколько-нибудь организованной системы медицинской помощи населению не было. Лечением больных занимались преимущественно знахари. Как отмечал в связи с этим М. В. Певцов, кашгарцы «для излечения болезней обращаются часто к знахарям и знахаркам, пользующимся большим доверием в этой стране. Они лечат своих пациентов заговорами, настойками сушеных лягушек, ящериц, змей и т. п. средствами. Пишут также на бумаге подходящие к случаю изречения Корана и, смыв написанное водой, дают ее больным пить. Знахари и знахарки, кроме того, снабжают желающих талисманами, пре-

дохраняющими не только от болезней, но и от всяких бед и напастей»³¹.

Из местных болезней самая страшная — оспа. Язвы на теле лечили ртутью, принимая ее внутрь. От той же болезни и от некоторых других пили отвар «иерусалимского корня», привозимого в Восточный Туркестан из России. Лечение оспы местные жители не знали, заболевшего бросали на произвол судьбы, вся же деревня перебиралась на другое место.

Среди населения Кашгарии преобладали следующие болезни: лихорадка, сыпи, ревматизм, глазные болезни и зоб. Легочные болезни были редки, а сифилис и волчанка (род проказы) замечались только в больших городах. Болезненность и смертность в этом районе были вообще весьма умеренными.

Независимо от обращения к пырхонам, знахарям и знахаркам местное население пользовалось еще и услугами профессиональных лекарей, не обладавших никакими научными познаниями и руководствовавшихся при лечении своих пациентов весьма сомнительными методами. Медикаментами служили преимущественно сухие травы и корни, как местные, так и привезенные из Индии. Последние в особенности славилась своей целебной силой и продавались недешево. «Из индийских лекарств, — указывал М. В. Певцов, — наибольшей популярностью пользуются корни «пиль-пиль» и «боз-бога», которые, по уверению туземцев, помогают от всех простудных заболеваний. Эти корни обращают в порошок и принимают его с чаем»³².

Из болезней, наиболее часто встречающихся в Кашгарии, первое место занимали глазные, доводившие часто до слепоты, поражение органов дыхания, золотуха, чесотка и зоб. Болезни глаз объяснялись солончаковой пылью, наполнявшей воздух, и частью сильным отблеском в летнее время от солонцовых полей. Причину зоба само местное население видело в употреблении сырой воды. Следует также упомянуть о болезнях, связанных с употреблением опиума, болезненные явления при этом сопровождались расстройством пищеварительных органов. Опиум в Восточном Туркестане, как отмечают

³¹ См.: Военный сборник. С. 452.

³² См.: Там же. С. 453.

русские путешественники, употреблялся мужчинами и женщинами в одинаковой степени.

М. В. Певцов писал, что кашгарцы одевались так же, как и жители Туркестанского края. Одежда мужчин состояла из короткого халата (чапана) и панталон из белой хлопчатобумажной ткани. Сверху надевался халат из серой, коричневой или синей бумажной ткани, зимой на вате или на бараньем меху, опоясываемой всегда синим, коричневым или малиновым бумажным кушаком. Летом мужчины ходили в ермолках, которые снимались только на время бритья головы, а зимой поверх ермолок надевали теплые куполообразные шапки с широкими меховыми околышами, бараньими или лисьими. Мужчины носили сапоги с узкими голенищами и высокими каблуками. Отправляясь в мечеть или в гости, они надевали на них калоши, оставляемые в сенях.

Женщины носили длинные рубашки из белой бумажной ткани и также шаровары, сильно суженные внизу. Как свидетельствовал М. В. Певцов³³, у одежды девушек и замужних женщин в Восточном Туркестане имелись различия. У рубашек замужних женщин делался на груди разрез и обшивался по краям малиновыми или пунцовыми ситцевыми лентами, а у девушек рубашки шились с разрезами на плечах, застегиваемыми на пуговицы. Верхняя одежда женщин состояла из длинного халата, спускающегося почти до земли с длинными рукавами. Кушаков женщины не носили, а поверх халатов надевали иногда короткие кофты с широкими рукавами. Женщины также носили сапоги, но с еще более узкими и короткими голенищами.

В сообщениях путешественников отмечались особенности костюма жителей Восточного Туркестана, связанные со знойным климатом района. «В жаркое время, — указывал М. В. Певцов, — мужчины и женщины ходят в одном нижнем белье и босиком, а дети обходятся без всякой одежды». Девушки заплетали волосы в несколько мелких косичек, связывая их позади тесемками, а замужние женщины собирали их спереди в два плоские локона, концы которых заплетались каждый в одну косу и спускались на грудь. Головной убор женщин в летнее время состоял из ермолок или платка, завязанного на затылке, а зимой они носили теплые шапки с меховыми

³³ Певцов М. В. В дебрях Азии. С. 92.

околышами. Под шапку надевали белый платок, закидываемый за спину, а спереди из-под нее выпускали белую кисейную вуаль, прикрывающую лицо. Впрочем, многие женщины, особенно в многолюдных селениях, ходили с открытым лицом, а торговавшие на базарах его вообще никогда не закрывали. «Предписываемый Кораном и строго соблюдавшийся при Якуб-беке обычай закрывать лицо, — писал М. В. Певцов, — теперь женщинами часто нарушается и, вероятно, вовсе выведется в этой стране». В ушах кашгарки носили серебряные серьги с камнями и весками, а на пальцах — серебряные кольца, на шею надевали коралловые или стеклянные бусы. Летом голову нередко убирала живыми цветами. Румяна и белила местного приготовления составляли необходимую принадлежность туалета местных модниц.

Русские путешественники отмечали скромность и опрятность в одежде у жителей Кашгарии. Одежда состояла из следующих частей: длинной рубашки (куйнэк), сшитой из местной хлопчатобумажной материи — белой бязи (боз), и таких же штанов (дамбал), заправляемых в сапоги (пайпак) лошадиной кожи; из ватной кофты (джаймэк), застегивающейся на левом боку и настолько широкой, что ее приходилось подпоясывать кушаком (пуге), для которого брали обычно кусок бязи или 6, 4 метра (гезь) ситца, и, наконец, из тюбетейки (допа) или же шапки с меховым околышем (коробок). Более состоятельные заменяли джаймэк халатом, но это позволяли себе только жители городов да и то преимущественно пожилые и почтенные люди.

Относительная бедность жителей Кашгарии сказывалась до известной степени в разновидностях носимых ими халатов. Если в России в праздничный день на базаре среднеазиатских городов можно было встретить много народа в адрясовых (полушелковых), шелковых и даже парчовых халатах (ситцевые халаты носят и многие бедняки), то в Кашгарии большинство были одеты в халаты, которые крашены матой (местного изделия), ситцевые очень редки, шелковые составляли исключения. Зимой число носимых халатов увеличивалось, так как они надевались один на другой.

У Н. М. Пржевальского существует интересное описание одежды жителей Хами. Он писал, в частности, что «национальная одежда хамийцев состоит из широкого цветного халата и особенной, надеваемой на затылок

шапки, имеющей форму митры. Эта шапка шьется из сукна или из бархата, красного или зеленого, и украшается вшивными цветами. Сверху нее прикрепляется черная кисть. Подобный головной убор носят как мужчины, так и женщины. Последние вместо халата надевают длинный балахон, а поверх него кофту без рукавов. Чалмы хамийцы не носят. Некоторые из них, не исключая и женщин, надевают всю вообще китайскую одежду»³⁴.

Н. М. Пржевальский отмечал различия в одежде между жителями различных районов Восточного Туркестана. «Главным материалом для одежды всех лобнорцев,— писал он,— служит кендыревый холст собственного приготовления. Из него шьются панталоны и рубашки, которые всегда носят как мужчины, так и женщины. Из того же холста делаются армяки или халаты, составляющие верхнее одеяние для обоих полов. У более цивилизованных лобнорцев — жителей деревни Абдал и ближайших к ней — халаты иногда шьются из дабы или маты синего, коричневого, реже красного цвета, кроме того, абдалины готовят для халатов грубую ткань из бараньей шерсти или из шерсти диких верблюдов. Зимой абдалины надевают бараньи шубы, составляющие редкость в Каракурчине. Там для теплоты кендыревый холст подбивается лишь шкурками. Немногие же старухи-каракурчинки, придерживаясь старины и по крайней мере бедности, всю свою одежду, не исключая рубашек и панталон, шьют из утиных шкур, предварительно выделявая их рыбьим жиром и солью. На голову каракурчинцы надевают зимой шапку из лисьего меха, летом — матерчатую или войлочную тибетейку. Женщины Каракурчина зимой носят шапочки из утиных (реже из лебединых) шкурок перьями наружу, летом повязывают голову платком из кендыря. В Абдалах мужчины носят зимой бараньи, реже лисьи шапки, летом — тибетейки, женщины повязывают головы платками на манер наших деревенских баб. Даже платки теперь здесь обыкновенно московских фабрик, полученные от китайцев в обмен на баранов. Обувью в Каракурчине служат у мужчин и женщин чирики (вроде калош или лаптей) из звериной кожи. Голень обматывается, как у наших крестьян, носящих лапти, большой онучей из кендыря и окручивается сверху веревкой. Абдалины носят ичиги,

³⁴ Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 175.

даже самодельные сапоги с каблуками; у женщин, которые и здесь не прочь щегольнуть, каблуки делают выше. Летом жители Лобнора большей частью ходят босыми, не исключая и самого Кунчикан-бека»³⁵.

Интересные сведения дошли до нас из описаний М. В. Певцова о национальной кухне жителей Восточного Туркестана: «Самое употребляемое кушанье в Кашгарии — умач, жидкий кисель, приготовляемый из маисовой муки. Бедные довольствуются преимущественно одним умачем, потребляемым с лепешками из маисовой муки, и только по праздникам едят лапшу из пшеничного теста с кусочками баранины. Летом к умачу добавляется похлебка из свежих недозревших персиков или абрикосов с маисовой мукой, а также свежие фрукты, дыни и арбузы, съедаемые с теми же лепешками. Эти последние пекутся также из пшеничной муки, из которой, кроме того, приготавливают большие тонкие сочни. Лепешки пекут толстые, сдавленные в середине и летом обыкновенно с зеленым луком, до которого, подобно китайцам и евреям, кашгарцы большие охотники. Они приправляют им почти все свои кушанья. Хлеб, кроме наших европейских, в Кашгарии совсем не пекут»³⁶.

Летом жители Восточного Туркестана, имевшие коров и овец, пили кислое молоко. Это же молоко, разбавленное водой, служило прохладительным напитком (катык) в жару. Осенью употребляли в пищу незрелые початки кукурузы, вареные в соленой воде. Кроме перечисленных блюд у богатых и зажиточных жителей приготавливались следующие кушанья: сурпа — суп из баранины с морковью, петрушкой и редисом; кесме-гуджа — лапша из пшеничного теста с кусочками баранины; шула — жидкая рисовая каша с мелко крошеной бараниной и жиром; грюнчжиа — густая рисовая каша с кусочками баранины и сухими плодами, манты — пшеничные пирожки с начинкой из баранины и жира с луком, приготавливаемые на пару; вареная холодная баранина и, наконец, палау — плов из риса с кусочками баранины, приправленной постным маслом, морковью, луком и изюмом. Это блюдо считалось самым лакомым, и без него не обходилось ни одно торжество.

Ежедневная пища простого жителя Восточного Тур-

³⁵ Там же. С. 176.

³⁶ Певцов М. В. В дебрях Азии. С. 91.

кестана состояла из туппы — накрошенной толстой вермишели с большим или меньшим числом кусков мяса или с примесью сала, и шурпы — бараньего супа с зеленью и мясом, количество которого соответствовало достатку хозяина.

В праздничные дни готовили любимейшие блюда всех среднеазиатских жителей — плов из риса с бараниной и кореньями. Из китайской кухни жители Кашгарии переняли ел-казан — род супа, приготовлявшегося в особой кастрюле, сходной с самоваром и состоящей из нескольких отделений. В состав этого весьма сложного блюда входило мясо различных сортов, вермишель, перец, гвоздика, лавровый лист. Это кушанье было доступно только богатым людям. У китайцев также позаимствованы разного вида кисели и желе. Питьем за обедом служила вода, реже молоко. К столу подавалось большое количество фруктов: дыни, арбузы, виноград, груши, яблоки. Из сладостей кашгарцы употребляли завозимые из России паточные конфеты и леденцы.

Жидкие кушанья жители Восточного Туркестана ели деревянными ложками с длинными ручками, а все остальное, не исключая густой каши и плова, — прямо руками. Пищу варили обыкновенно в чугунных или медных котлах, привозимых преимущественно из России, а для кипячения воды использовали медные кувшины местного производства с длинными и узкими горлышками.

У жителей Восточного Туркестана, как утверждали путешественники, вся домашняя утварь (чаши, блюда, ведра, кадки, ступы) была выдолблена из дерева. В дорогу они брали с собой тыквенные фляги, отличавшиеся прочностью и легкостью. Глиняную посуду совсем не производили и не употребляли. Китайская фарфоровая посуда и русская медная утварь встречались только у богатых жителей, да и то в ограниченном количестве.

М. В. Певцов указывал на склонность жителей Восточного Туркестана к употреблению табака: «Почти все кашгарцы, не исключая и женщин, курят и жуют табак, родящийся у них в изобилии и хорошего качества, но благодаря плохой обработке получаемый в виде самого низкого сорта — хуже нашей махорки. Трубок туземцы не употребляют, а заменяют их массивными деревянными кальянами с медной оправой местного изделия. В городах и многолюдных селениях распространено еще ку-

рение анаши (гашиша), очень вредного для здоровья. В больших городах существуют даже особые заведения для курения анаши, где можно встретить не только мужчин, но и женщин. Курильщиков анаши особенно много в Керии. К счастью, это зло мало распространено среди поселян, отличающихся вообще чистотой нравов»³⁷.

Жилище народов Восточного Туркестана, как правило, не отличалось затейливостью архитектуры и представляло собой тот тип строений, которые встречались во всей Центральной Азии. Характерными в этом отношении являлось жилище жителей Лобнора, описанное Н. М. Пржевальским: «Все обитатели Лобнора и нижнего Тарима живут в тростниковых помещениях, называемых по-местному «сатма». Такое жилье представляет квадратную загородку длиной в 5—6 сажен больших фасов, обращенных обыкновенно к северу и югу и сажени три-четыре по длине фасов меньших, расположенных на восточную и западную стороны горизонта. По углам и в самих фасах на некотором расстоянии вкопаны корявые, часто не очищенные от коры стволы туграка, поддерживающие всю постройку. В Каракурчине вместо туграковых столбов за неимением этого дерева ставятся плотно связанные снопы из тростника. Стены описываемого жилья обставляются тростником высотой в сажень или немного более. Вместо потолка настилается тот же тростник, в середине оставляется небольшое (фута полтора в поперечнике) отверстие для света и выхода дыма от огня. В одном из фасов, обыкновенно южном, делается выход, прикрываемый тростниковой дверью»³⁸.

Внутренность всего жилища разделялась тростниковыми перегородками на три или четыре отделения, в зависимости от зажиточности хозяина. Первое от входа, самое большое отделение, на середине которого в ямке был расположен очаг, предназначалось для обыденного пребывания семьи и для приема посетителей. Из других, меньших отделений, одно служило спальней, другое — кухней, где находился глиняный очаг для приготовления пищи, третье — кладовой; нередко кухня строилась отдельно от жилого помещения. Вместо полок на внутренних стенах сатма подвешивались обломки старых лодок. Вокруг очага большой комнаты расстилался для сиде-

³⁷ Певцов М. В. В дебрях Азии. С. 91.

³⁸ Пржевальский Н. М. Путешествия. С. 284.

ния тростник, он же служил вместо подушек и постелей в спальне; изредка для постели собирали метелки ветви тростника и утиные перья.

У более зажиточных людей близ сатма делались глиняные загоны для скота с тростниковой покрышкой. «Впрочем, такие загоны, — указывал Н. М. Пржевальский, — видели лишь в деревне Абдале, которая считается столицей Лобнора. Здесь тростниковые жилища просторнее и чище, нежели в Каракурчине. Там иногда сатма стоят даже на болоте за неимением сухого места, в таком случае в жилом помещении тростник настилается толстым слоем на сырую почву»³⁹.

Как на Тариме, так и на Лобноре сатма составляли обычно небольшие деревни. Выбор местоположения деревень определялся в зависимости от удобства рыбной ловли и наличия пастбищ. Сами жилища защищали своих обитателей лишь от летнего зноя, но не спасали от холода и бурь. При небольшом ремонте они служили три-четыре года. В них часто случались пожары от малейшей оплошности в обращении с огнем.

Труды русских путешественников изобилуют многочисленными сведениями, повествующими об особенностях жизни, быта и нравов населения Восточного Туркестана. Каждый исследователь подмечал что-то новое, по-своему отмечал черты национального характера. Они дали цельную картину жизни многонационального населения региона. Непреходящее значение и научная ценность этнографических материалов, которые по сегодняшнему дню в большинстве своем уникальны.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Обширнейшие плоскогорья, безжизненные пустыни и полупустыни, труднопроходимые горные системы и жаркий климат Центральной Азии — все это служило естественными препятствиями для проникновения сюда человека, обусловило определенную изоляцию региона от близлежащих этнокультурных центров Востока — Индии, Китая, Передней и Средней Азии. И все же люди с давних пор стремились обжить эту территорию. В результате исторического развития здесь сложилась своя этническая группа населения, сформировалась самобытная культура.

³⁹ Там же. С. 285.

Интерес исследователей к Восточному Туркестану в других странах был велик с давних пор. Как известно, европейцы первые достоверные сведения о далекой Центральной Азии получили еще в XIII в. Исходили они преимущественно от западноевропейских послов, направляемых в ставку могущественных наследников Чингисхана. В том же столетии Центральную Азию и Китай посетил величайший путешественник средних веков — венецианский купец Марко Поло. Его маршруты пролегли через Кашгар, Яркенд, Хотан, Керию и Черчен в город Лоб. В своей увлекательной книге, повествующей о долголетних странствиях, Марко Поло уделил внимание и описанию Восточного Туркестана. В последующее время страну неоднократно посещали купцы, дипломаты, различные миссионеры, ученые.

История географических открытий — это яркий пример международного сотрудничества ученых-географов разных стран — России, Китая, Англии, Германии, Швеции и др. Благодаря их усилиям неведомый и таинственный уголок земного шара, каким являлся Восточный Туркестан в глазах многих европейцев, стал для наших современников более доступным и понятным. Одними из первых таких исследователей были русские путешественники, оставившие глубокие труды по истории, этнографии, демографии края. Большая часть таких поездок падает на вторую половину XIX в. Несмотря на то, что миссии и экспедиции русских исследователей проходили в крайне трудных условиях, подчас с риском для жизни, все они осуществлялись с применением методов научного познания, в соответствии с последними достижениями науки того времени.

Огромный труд русских путешественников, собравших неоценимые сведения об истории, культуре народов Восточного Туркестана, был не только подвигом научным, но и гражданским. Благодаря этим материалам русская наука получила возможность составить представление о сопредельной стране, что открывало пути для торгового сотрудничества с ней не только России, но и европейских государств. Русские путешественники были проводниками зарождавшихся отношений между двумя великими странами — Россией и Китаем, и их научные труды по праву служили благородной задаче взаимного познания национальных культур.

Н. Ф. Петровский

КРАТКИЙ ОБЗОР ВОСТОЧНОГО ТУРКЕСТАНА¹

В 1882 году в Кашгаре учреждено русское консульство, условленное дополнительным пекинским договором еще в 1860 году, и, таким образом, трудная обязанность изучения этой своеобразной страны пала главным образом на означенное консульство.

Восточный Туркестан в его настоящих границах (35°—43° северной широты и 72°—90° восточной долготы) при взгляде на карту имеет форму удлинненного клина, расширенного к востоку и суживающегося к западу. В топографическом отношении он представляет котловину, окруженную величайшими горными системами Азии, повышенную на западе и понижающуюся к востоку, а в геологическом отношении — дно высохшего моря. Пространство его определяется приблизительно в 20 000 географических миль. Все большие реки Кашгарии или, вернее, одна главная река Тарим, принимающая в себя другие, неспособная к судоходству по своей быстроте в верхнем и среднем течении и несудоходная в нижнем, вливаются через Тарим в озеро, или, точнее, громадное болото Лобнор, лежащее в солончаковой пустыне как исчезающий остаток бывшего там некогда моря. Указанным географическим положением, характером страны и ее особенностями не только всецело обуславливалась естественная жизнь Восточного Туркестана, его историческая судьба, политический и экономический быт его населения, но и предсказывается отчасти его будущность. Заключенный горами в солончаковой

¹ См.: Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Спб., 1886. Вып. 22. С. 1—37.

котловине высохшего моря, бесплодной на многом своем протяжении, с климатом жарким и в высшей степени сухим и реками, не имеющими выхода в культурные страны, Восточный Туркестан, естественно, мог развить оседлую жизнь, земледелие и промышленность только в тех предгорных местностях и вдоль рек, где вода, отказывая в услугах сообщения, давала ему возможность воспользоваться ею как средством для орошения. Поэтому Восточный Туркестан в культурном отношении представляет ряд лежащих среди пустынь оазисов, более или менее плодородных, с городами и селениями, составляющими естественные округа, связанные общими интересами вроде древних русских городов и их пригородков. Каждый из этих округов находит в самом себе удовлетворение несложных потребностей своей экономической жизни, мало общается с округами соседними и не высылает своего населения в другие местности на заработки и отхожие промыслы; только торговцы, преимущественно русские подданные, так называемые андижанцы, разъезжая по этим городам, предлагают к услугам его населения нужные для его домашнего обихода товары — редко на наличные деньги, по большей части в кредит и на мену на произведения туземные. Обусловленная этими естественными причинами разъединенность округов, ослабляя в его населении сознание общих интересов страны, повела, с одной стороны, к утрате в нем чувства одноплеменности, а с другой — послужила причиной легкости возникновения в нем всяких смут и волнений...

Денежные знаки. Платежи в Кашгаре производятся: I) золотой, серебряной и медной монетой: а) тиллями, кокандскими и кашгарскими, б) серебряными ямбами, в) теньгами кашгарскими, г) далчинами (китайской медной монетой с отверстием посередине), носимыми связками на веревке, и II) русскими кредитными бумагами. Ямбы, теньги и далчины (два последние по преимуществу) имеют обращение в народе; тиллей в последнее время в обращении почти не встречается. Необходимо описать каждую из этих монет в подробности, упомянув для полноты и о других подобных же монетах, обращающихся в Средней Азии вообще.

1) Тилля, монета золотая; бывает бухарская (в Кашгаре не имеется), кокандская и кашгарская. Бухарская 84 7/10 пробы содержит до 1 золотника 5 1/2 долей чис-

того золота; кокандская — $924\frac{5}{5}$ пробы до $77\frac{3}{5}$ долей чистого золота. 1) Кашгарская (проба неизвестна) весит около 44 дециграммов. 2) В настоящее время в Кашгаре кокандская и кашгарская тилли стоят на серебро 4 р. 40 к. — 3 р. 30 к.

Тилля употребляется так же, как денежная мера при расчетах и уплатах серебром и кредитными билетами, в первом случае ее считают в 25 кашгарских тенег, а во вторых — в три рубля кредитных. Говорят, например, купил товар за одну тиллю, т. е. значит, дал 25 кашгарских тенег или 3 русских кредитных рубля.

2) Ямба — серебряный слиток в 4 фунта и 41 золотник и в 4 фунта 58 золотников. Номинально в них считается 50 и 51 китайских сар (1 сар в консульстве вывешанный = 8,69 золотников, или 37 граммов) и притом веса так называемого купунг, единица которого меньше другого китайского веса — шанпунг. 3) Номинально же для расчетов в них считается: в первой ямбе — 1 100, во второй 1 150 кашгарских тенег. Ямба 51 саровая стоит в настоящее время в Кашгаре 1 200 тенег, или 135 р. 30 к. кредитных. В Коканде же она стоит 137 р., а в Москве (принимая фунт серебра в 31 р. 50 к.) — 145 р. 3 к. Поэтому ямбы в большом количестве увозятся в Россию и идут затем в Кяхту на покупку у китайцев чая.

3) Теньга — монета серебряная. Бывает: бухарская 89 пробы 44 доли чистого серебра (в Кашгаре не ходит); кокандская $87\frac{3}{10}$ пробы, до 60 долей чистого серебра (в Кашгаре очень мало) и кашгарские тенги трех видов: а) отчеканенная бывшим правителем Кашгарии, ныне главнозаведующим Новой линией, сановником Лю. Двадцать таких тенег составляют по весу 1 сар, т. е. $8\frac{1}{2}$ золотников серебра; б) выпущенная бывшим правителем Кашгарии, сановником Фжаном, 22—23 теньги составляет один сар серебра и в) теньги позднейшего чекана — 25 тенег на один сар серебра.

Русский кредитный рубль принимается в Кашгаре в $8\frac{1}{2}$ тенег (т. е. в 85 к. серебра), а рубль серебряный — 9 тенег (90 к.). Наши серебряные рубли завезены были сюда пограничным комиссаром и получают на содержание консульства и конвойной команды.

В настоящее же время по случаю невысылки из Пекина ямб кредитный рубль покупается за 95 серебряных копеек, а серебряный — за 10 тенег, т. е. в действитель-

ной его стоимости или даже немного выше оной, если принимать во внимание чистоту серебра.

Фальшивая и неполновесная монета, прилив ямб (во время присылки из Пекина на жалование войскам и чиновникам) и отлив их в русские пределы, принудительные займы китайских властей у своих торговцев — все это делает денежный рынок в Кашгаре весьма колеблющимся и весьма непрочным, неблагоприятным образом влияет на все торговые сделки, оттягивая платежи и заставляя наших торговцев прибегать к мене своих товаров на произведения туземные — не всегда, по времени года (как например, мена шелка) и по другим обстоятельствам (как, например, мена маты для торговцев Ферганы, куда она требуется в меньших, чем в Семиречье, количестве), для них выгодной. Необходимо отметить еще одно обстоятельство, заслуживающее особенного внимания: русские и кашгарские торговцы не только весьма охотно приобретают русские кредитные билеты, но и сами напрашиваются на такую покупку. Причина тому заключается столько же в курсовой разнице кредитных билетов в Кашгарии и в наших пределах, сколько и в удобствах сокрытия, хранения и пересылки означенных билетов — качество в Восточном Туркестане, где народные смуты обратились в привычку и где китайские власти трудно отличают свое от чужого, весьма для торговцев важное. Если бы министерство финансов обратило на это обстоятельство свое внимание и дало бы консульству средства (например, устройством перевода денег через консульство и казначейства в Фергане) ввести в Кашгарии в обращение русские кредитные билеты, то несомненно, что вся торговля в Восточном Туркестане стала бы в зависимость от русских торговцев...

Пути сообщения. В приложении к правилам для сухопутной торговли, включенным в петербургский договор, поименовано 35 пограничных пунктов, через которые могут проезжать русские подданные, отправляющиеся для торговли в Китай.

Для Восточного Туркестана таких проходных пунктов указано пять, а именно, считая с юга: Иркештам, перевалы Суиок, Тургарт, Теректы и Бедель. Из них Иркештам и перевал Суиок прилегают к Ферганской области Туркестанского, а остальные перевалы к Семиреченской области Степного генерал-губернаторства. В торговом

отношении заслуживают внимания только четыре из вышеупомянутых пунктов, так как перевалом Суиок торговцы не пользуются...

Не вдаваясь в подробное маршрутное описание этих путей, необходимо рассмотреть их с точки зрения удобства и торгового значения.

Исходным пунктом торгового движения в Восточном Туркестане со стороны всего русского Туркестана, а также Бухары служит г. Ош Ферганской области. Город Ош, имеющий около 15 000 жителей, соединен с остальными городами Туркестанского края почтовым (два раза в неделю) и телеграфным сообщениями; в нем находится местопребывание уездного начальника и зякетное управление. От пограничного пункта Иркештама г. Ош отстоит приблизительно на 172 версты расстояния. Между Ошем и Иркештамом, в 67 верстах от первого, лежит укрепление Гульча... Пограничный пункт Иркештам, строго говоря, таковым в настоящее время быть назван не может. Иркештамом именуется местность у реки Кызылсу, на которой стоит разрушенное здание бывшей караульни того же названия. В караульне этой никто не живет, а вблизи нее и в окрестностях никаких оседлых поселений не имеется, и самые кочевки киргизов, единственного населения этой местности, расположены в горах, вдали от караульни, верстах в трех и более...

От г. Оша до Суфи-Кургана (84 версты) путь один; затем он разделяется по трем перевалам на три отдельные дороги, сходящиеся у Иркештама; от сего же последнего пункта до г. Кашгара — путь один. Все расстояние от г. Оша до г. Кашгара определяется приблизительно в 375 верст. Путь этот единственный для сообщения Туркестанского края с Кашгарией — один из самых трудных путей сообщения. На означенном расстоянии караванам приходится переходить шесть больших перевалов (в 7, 13, 10, 11, 9 и 9 тыс. футов высоты), не считая более незначительных подъемов и спусков и несколько горных речек вброд, следуя временами вдоль их русла или по горным карнизам над их берегами. Самое трудное место пути — перевал Теректы-Даван (13 тыс. футов высоты), буквально усеян костями погибших на нем в разное время кашгарских беглецов, отличается страшными буранами, бушующими здесь по неделе и более...

Трудность пути, сопряженная с риском лишиться вьючных животных и даже собственной жизни возчиков товаров, является причиной, что плата, которую они получают за доставку товаров из Оша в Кашгар и обратно, весьма значительна сравнительно с расстоянием. Плата за вьючную лошадь, нагружаемую обыкновенно восемью пудами товара, колеблется по временам года от 8 до 12 рублей, т. е. перевоз товара на 375 верст расстояния стоит от рубля до полутора рублей с пуда.

Сообщение Восточного Туркестана с Семиреченской областью и Илийской провинцией (Кульджа) через эту область, с его городами производится по путям, ведущим на перевалы (и вместе с тем переходные пограничные пункты): Туругарт, Теректы и Бедель. Путь через первый из этих перевалов направляется к г. Кашгару; перевал Теректы служит как для пути в Кашгар, так и для сообщения с Уч-Турфаном; перевал Бедель — для сего последнего города и Аксу.

Исходными пунктами торгового движения в Восточный Туркестан со стороны Семиречья служат Нарынское укрепление и г. Каракол, через который следуют все караваны, направляющиеся в города Кашгарии, главным образом из Верного, а также и прогоняются на продажу: верблюды, лошади и бараны.

Путь от Нарынского укрепления, соединенного с уездным г. Пишпекком (лежит на большой дороге и имеет телеграфную станцию) хорошим почтовым сообщением, проходит через местность и сартовский поселок Атбаши, где уже два года устраивается ярмарка. От Атбаши (40 верст от Нарынского укрепления) дорога пересекает (или через перевал Шириқты, более трудный, или через перевал Ташрабат — более легкий) Каракоинский хребет, огибает с востока озеро Чатыркуль и выходит на перевал Туругарт. Немного более кружной путь не пересекает означенный хребет, а обходит его огибая, затем Чатыркуль с запада (дорога на Чирмаш). От перевала Туругарт дорога идет на большей половине пути вдоль и по руслу речки Тоюн, переходя около 50 раз то на правую, то на левую ее сторону. Расстояние всего пути от Нарынского укрепления до г. Кашгара считается приблизительно в 240 верст.

В общем означенный путь гораздо лучше, чем Ошско-Кашгарский. Проходя до перевала Туругарта по местности, медленно и постепенно возвышающейся до 12 ты-

сяч футов высоты, и после Туругарта — по местности, также медленно понижающейся до самого Кашгара, путь этот (кроме перевала Ширикты, через который караваны ходят весьма редко) почти не имеет особенно крутых подъемов и спусков. Даже перевал Туругарт (12 фут.) вследствие значительной высоты местности, на которой он лежит, почти незаметен. К числу неудобств этого пути надо отнести отсутствие на нем зимой на большом расстоянии воды и топлива, а также кочевков киргизов и трудность движения по каменистому ложу речки Тоюн...

Торговое движение по указанным путям, кроме задержек горными буранами, производится почти безостановочно во всякое время года. Хотя с весны Ошско-Кашгарский путь через перевал Теректы-Даван, в течение некоторого времени (с середины марта по июль) становится непроходимым вследствие таяния снега, завалов и разлива речки Терека, но взамен его открывается обходной, в русских пределах, путь через Алайские горы на перевалы: Талдык и Шарт; путь этот выходит к Иркештаму.

Перевозка товаров между Кашгаром и русскими владениями производится выючным способом. Транспортирования посредством арб (двухколесных телег) не существует, хотя между Нарынским укреплением и Кашгаром, как сказано выше, имеется несколько кружный путь, огибающий Каракоинские горы с их перевалами Ширикты и Ташрабат и выходящий на довольно отлогий Туругартский перевал. По этому пути колесное движение было бы возможным. Из выючных животных для перевозки по путям в русские пределы товаров употребляются почти исключительно лошади и весьма редко верблюды. Судя по тому, что возчики товаров называются в Восточном Туркестане не керакешами, как принято в Средней Азии, а ишакчи (от ишак — осел), надо думать, что перевозка товаров производилась здесь на выючных ослах. Верблюдов (тюя) несет обыкновенно два выюка (тай или линг) по 8 пудов чистого товара и по 20 фунтов на выюк тары; такой верблюд называется полным; верблюд, навьюченный двумя выюками по 6 пудов товара и 20 фунтов на выюк тары, именуется трехчетвертным, по 4 пуда в каждом выюке и по 20 фунтов тары — половинным. Лошадь (ат) выючится двумя тюками, составляющими в сумме 8—9 пудов.

По Ошско-Кашгарскому пути ходят только вьючные лошади; по Нарынско-Кашгарскому — лошади, а также и верблюды...

Галкин

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ²

По роду оружия китайские войска, расположенные в Восточном Туркестане, разделяются на пехоту, кавалерию и артиллерию.

Пехота и кавалерия организованы в лянзы, артиллерия же имеется двух родов: лянзовая, составляющая принадлежность известной лянзы, и крепостная, из которой в случае надобности могут быть выделены орудия для формирования полевых артиллерийских лянз. Для последней цели имеется материальная часть, а также небольшое число прислуги и лошадей.

В войсках, расположенных в Восточном Туркестане, как в пехоте, так и в кавалерии, боевою и административною единицею служит лянза. Начальник лянзы носит название ингуаня и имеет помощника, который называется бам-банем или дзунг-тао. Лянза называется по имени своего ингуаня, например, лянза Ай-джу-мина, имя его нашивается на форменную куртку солдат спереди и сзади. Пехотные и кавалерийские лянзы разделяются каждая на 5 сай, которыми командуют сау-гуани, имеющие помощников фу-сау-гуаней. Пехотные сай разделяются на 8 пын, кавалерийские на 5 пын; пынами командуют си-джаны (ши-джаны), соответствующие нашим отделенным начальникам, а каждыми двумя пынами — сюн-цаз, соответствующие нашим взводным унтер-офицерам.

В мирное время лянза составляет высшую административную единицу и живет совершенно самостоятельной жизнью, а начальник лянзы подчиняется непосредственно в Кашгарии цзунг-туну, т. е. начальнику всех полевых войск Кашгарии, а в Аксуйском округе — особому тунлину, который подчинен Аксуйскому даотаю.

Главная масса людей пехотных и кавалерийских лянз

² См.: Сборник географических..., 1889. Вып. 35. С. 126—202.

завербованы на службу. Вербовка производится двумя способами: самим начальником лянзы или особыми учреждениями, которые можно назвать вербовочное депо. Первый способ практикуется главным образом в военное время, особенно при новых формированиях. В этом случае процесс вербовки заключается в следующем: избранному начальнику формируемой лянзы присылается высочайший указ Экум-мин на право формирования новой лянзы; получив указ, будущий ингуань приказывает выставить на базарах значки с объявлениями о том, что желающие могут наниматься на военную службу. При найме каждый желающий поступить на службу дает подписку в том, что он не оставит службы ранее истечения срока найма и подчинится военным законам.

Срок службы законом не определяется, однако вербующийся должен заявить, на какой срок он нанимается. Можно наниматься на определенный срок до 20 лет и даже более.

Для приготовления к офицерскому званию в Восточном Туркестане не имеется никаких военно-учебных заведений. В офицеры производятся унтер-офицеры и даже рядовые по выбору и представлению ближайшего начальства, главным образом ингуаня. Процесс производства в офицеры таков: об избранном чине ингуань делает представление цзунг-туну, который всегда его утверждает и вместе с тем делает представление об этом производстве в военное министерство (бинг-бу). Со дня утверждения производства цзунг-туном вновь произведенный офицер надевает форму и исполняет офицерские обязанности, но содержание получает унтер-офицерское, если только ближайшее начальство не найдет возможным выдавать ему офицерское содержание из каких-то своих сумм.

Нужно еще заметить, что офицеры войск Восточного Туркестана почти всегда носят наружные знаки не тех чинов, на которые им выданы патенты, а высших, пожалованных цзунг-туном. Это практикуется в широких размерах вероятно потому, что китайские офицеры получают денежное довольствие не по чинам, а по занимаемым ими должностям, и следовательно, повышение офицера в высший чин не влечет за собою никаких издержек для начальника части.

Всех офицерских чинов десять, из них пять обер-офи-

церских: вай-вей, па-цзунг, чан-цзунг, шу-би, ду-сы; два штаб-офицерских: ю-джи и сон-джан и три генеральских: фу-дзян, цзунг-пинг и ти-ду. Наружным отличием различных чинов служат шарiki на головном уборе; так первым трем чинам, вайвею, па-дзунгу и чан-цзунгу, присвоены золотые шарiki; шу-би имеет белый фарфоровый шарик, ду-сы — бесцветный хрустальный, ю-джи — синий непрозрачный, сон-джан — синий прозрачный, фу-дзян — голубой, цзунг-пинг — красный, наконец, ти-ду — розовый, коралловый.

Что касается собственно кашгарских войск, то там всех этих отличий нет; все младшие офицеры носят белый фарфоровый, а чаще бесцветный хрустальный шарик, все прочие офицеры носят синий прозрачный шарик и, наконец, все генералы красный шарик, так что в этих войсках можно отличить только обер-офицера от штаб-офицера и генерала...

Пехота Восточного Туркестана вооружена нарезными, заряжающимися с дула ружьями 6 и 7-линейного калибра различных систем. Главную массу ружей составляют американские 6-линейные ружья, среди других систем попадают и наши 6-линейные винтовки. Скорозарядных ружей очень мало.

Кавалерия также вооружена нарезными, заряжающимися с дула ружьями различных систем, большею частью пехотными укороченными ружьями...

В пехотных частях Восточного Туркестана можно встретить три типа холодного оружия, именно: пики, цхо-до и вилы, причем последние бывают двузубья и трехзубья. В кавалерийских частях имеются пики и сабли.

Древка пик готовят из бамбука и имеют в пехоте более 10 аршин длинны, в кавалерии — около 8 аршин. Для приготовления древка берут длинные полосы бамбука около полудюйма ширины и четверти дюйма высоты, склеивают их между собой при помощи мастики и полученную таким образом тонкую жердь обматывают лентой из дабы. После этого на жердь снова накладывают те же полоски бамбука, приклеивают их к ней при помощи мастики и снова все обматывают лентой из дабы. Поступая еще несколько раз подобным образом, получают древко должной толщины, очень прочное и очень гибкое. После этого на конец древка насаживается самым примитивным образом железный

наконечник, навязываются красные кисти, и пика готова.

Цходо представляет собой длинный, легкий топор, который насажен на бамбуковое древко. Древки бывают длиной в три и в четыре аршина.

Вилы имеются двух образцов: двузубые и трехзубые. Древки вил имеют также длину от 3 до 4 аршин.

Кавалерийская сабля прямая, она имеет около одного аршина длины и одного вершка ширины. Сабля помещается в деревянных ножнах, покрытых сверху сукном, обыкновенно красного цвета у офицеров и черного — у нижних чинов. Эфес у сабли прямой без дужки...

Можно положительно утверждать, что китайцы владеют этим оружием гораздо совершеннее, нежели огнестрельным. Мне приходилось видеть упражнения в рубке цходо. Эти упражнения велись в том предположении, что человек, вооруженный цходо, окружен неприятелем со всех сторон. Люди рубили с необыкновенной ловкостью и быстротой... Нужно долго упражняться и любить свое оружие, чтобы достигнуть того совершенства во владении оружием, которое приходилось видеть. В рукопашном бою это оружие должно было приносить китайцам пользу, так как поразить штыком солдата, вооруженного цходо, почти невозможно.

Приходилось видеть также упражнения в уколах пикой, но здесь не было того совершенства, какое было обнаружено во владении цходо. Во-первых, плохо уже то, что четырехнасаженную пикку китайцы держат за конец, и через это сильно устают при действии ею. Во-вторых, само оружие несовершенно. Китайская пика очень длинна и очень гибка, настолько гибка, что при горизонтальном положении ее заднего конца передний конец опускается почти на пол-аршина, так что производить ею уколы в определенное место трудно.

Наконец, я видел сабельную рубку, сделанную одним из офицеров... Рубка производилась двумя саблями в предположении, что рубящий окружен неприятелем со всех сторон. Присевши на корточки, рубящий наносил одной саблей удары в разные стороны, другой же в это время закрывался от предполагаемых ударов противника. Нужно сказать, что движения и удары были очень разнообразны и быстры...

Лянзы, расположенные в особых четырехугольных крепостях, называются импанами. Импаны состоят из

наружной стены, толщиной от 2 до 3 сажен со рвом, и внутренних построек, которые частью примыкают к наружной стене, частью же расположены отдельно от нее. В импане имеются отдельные помещения для всех офицеров и чиновников, казармы для нижних чинов, конюшни и, наконец, помещения для запасов провианта, фуража, дров и пр.

Нижние чины живут большей частью небольшими артелями в 5—10 человек, хотя есть и такие, которые живут совершенно особняком.

Лянзы, расположенные в крепостях, помещаются подобным же образом в особых кварталах, отделенных стеной от других внутренних строений крепости.

Ежедневно на рассвете в лянзах бьют зорю, по которой люди обязаны вставать. Часа через два после утренней зари люди завтракают горячей похлебкой и после завтрака иногда отправляются на учение, продолжающееся час или полтора. В полдень люди обедают, а после обеда желающие могут отправиться в город или к своим семействам, которые должны жить вне импана... Часов в пять люди ужинают. С наступлением темноты подают выстрелом из тайфуры сигнал «первый джин», после которого никто из импана не выпускается; через час или полтора подается второй сигнал, ворота импана запираются и никто в импан не впускается...

Обмундирование китайского солдата вполне рационально, только одна курма с нашитыми на груди и спине кругами служит отличием солдата от гражданина и составляет единственную форменную одежду. У пехотных солдат курма обыкновенного покроя с рукавами, у кавалеристов такая же курма, но без рукавов и с надписью на груди и спине «конный». Из форменных отличий на курме имеются только надписи, показывающие принадлежность солдата к известной части; кроме того, солдат разных частей можно различить по цвету курмы, который часто зависит от произвола начальника.

Все прочее обмундирование несколько не отличается от одежды обыкновенных граждан и состоит из рубахи, шаровар, сапор с наколенниками и головного убора; иногда солдат надевает под курму длинный халат, разрезанный на боках...

Все предметы обмундирования готовятся из бумажных или шерстяных материй разной толщины и разных цветов. Рубаха и шаровары готовятся из

тонкой дабы белого цвета; халат и наколенники — из тонкой дабы синего цвета, курма — из толстой дабы синего, оранжевого или черного цвета. Сапоги шьются из толстой полупелюшковой ткани черного цвета и толстых подошв особого приготовления...

Снаряжение пехотинца составляют: патронная сумка и мешок для носки вещей в походе. Сума делается из кожи и имеет вид закругленного снизу мешка; она носится на поясном ремне и подвешена очень плохо, так как давит на живот солдата. Мешок для носки вещей изготавливается из толстой бумажной материи и носится через плечо. Сумы и мешки относятся к числу вещей бессрочных и получают в готовом виде из Внутреннего Китая.

Снаряжение кавалериста составляют: седло с головным прибором, коржунами (чемоданами) и ремнями для прикрепления к седлу сабли. Седло очень широкое и удобное для сиденья, но очень тяжелое; мне говорили, что оно весит полтора пуда. Седло с принадлежностью выдается солдату при поступлении в часть и остается у него на руках в течение всей службы; исключение составляет только киргизская конная лянза, все чины которой имеют собственные седла киргизского образца.

Лошадь дается солдату также при поступлении на службу и остается у него до тех пор, пока не сделается негодной к службе. Замена устаревших или испорченных лошадей другими вполне зависит от начальника лянзы. Офицеры кавалерийских лянз получают также казенных лошадей, но вместе с тем имеют собственных лошадей или чаще верховых мулов, которых особенно любят...

Генералы могут быть подвергнуты наказаниям только по суду и по высочайшему повелению, причем для предания суду они вызываются обыкновенно в Пекин.

Высшая дисциплинарная власть над штабом и обер-офицерами всех чинов принадлежит цзунг-туну, который может разжаловать всякого офицера в рядовые или понизить его чин, донося об этом в министерство; он может сместить всякого офицера на низшую должность и, следовательно, уменьшить его содержание; наконец, он может присудить офицера к наказанию палками в каком угодно числе ударов; при этом офицер не только не лишается офицерского звания, но даже не теряет своей должности.

Дисциплинарная власть ингуаня над офицерами ограничивается правом сместить штаб- или обер-офицера на низшую должность и присудить его к наказанию палками в небольшом числе ударов.

Высшая дисциплинарная власть над нижними чинами принадлежит тун-лину, который может приговорить нижнего чина к смертной казни, к наказанию палками в каком угодно числе ударов и к высшей мере других наказаний.

Ингуань может присудить нижнего чина к наказанию палками в каком угодно числе ударов, к наложению колодок и к другим наказаниям, которые, часто бывают произвольны, но практикуются весьма редко.

Дисциплинарная власть остальных военных чинов заключается в праве наказывать нижних чинов большим или меньшим количеством ударов палкой, однако штаб- и обер-офицеры редко пользуются своей властью, наказания всегда исходят от ингуаня.

Если какой-либо военный чин совершит такое преступление, которое по китайским законам влечет за собой предание суду, то он предается общему гражданскому суду, причем наказание присуждается безразлично будет ли виновным офицер или нижний чин. Право предания суду принадлежит цзунг-туну, но он никогда этим правом не пользуется, а присуждает наказания своей властью...

Верховным начальником всех военных сил, расположенных в Восточном Туркестане, состоит Главнозаведующий Новой линией, Лю-дзин-тан, который есть в то же время и высшее административное лицо... Главнозаведующему Новой линией непосредственно подчинены два управителя, облеченных почти генерал-губернаторской властью и носящих наименования даотаев. Один из них имеет местопребывание в г. Аксу и заведует отделом четырех городов Восточного Туркестана, другой имеет резиденцию в г. Кашгаре и заведует отделом четырех западных городов Восточного Туркестана, который составляют бывшие округа Кашгарской, Яркендский и Хотанский...

Согласно Восточному указу даотай есть высшее гражданское и военное лицо в своем отделе. В гражданском отношении ему вполне подчинены начальники и управляющие округами первого, второго и третьего разрядов, в военном же отношении ему подчиняется коман-

дующий полевыми войсками отдела, цзунг-тун, ингуани местных лянз и те лица, которые заведуют интендантским и артиллерийским довольствием войск. Наконец, цзунг-туну непосредственно подчинены ингуа и полевые пехотные и кавалерийские лянзы, расположенные в отделе...

Высшее военное управление по делам Восточного Туркестана есть канцелярия Главногозаведующего Новой линией, в которой имеется столько отделений, сколько министерств имеется у центрального правительства. Дела военного ведомства распределяются между тремя отделениями, соответствующими военному министерству, финансовой и строительной палатам центрального правительства. Вторую и вместе с тем последнюю инстанцию составляют канцелярия цзунг-туна и канцелярия даотая; первая ведет переписку по делам полевых войск, вторая — по делам местных войск и всех военных учреждений.

К. Г. Э. Маннергейм

**ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОТЧЕТ О ПОЕЗДКЕ,
ПРЕДПРИЯТОЙ ПО ВЫСОЧАЙШЕМУ ПОВЕЛЕНИЮ
ЧЕРЕЗ КИТАЙСКИЙ ТУРКЕСТАН
И СЕВЕРНЫЕ ПРОВИНЦИИ КИТАЯ
В г. ПЕКИН В 1906—1908 гг.³**

Я выехал из Петербурга в конце июня и прибыл 5 июля в Ташкент, где и явился командующему войсками генерал-лейтенанту Субботину и вр. и д. начальника штаба округа генерал-майору Маркову. От них я никаких новых инструкций не получил. Сбор некоторой части моего снаряжения задержал меня несколько дней в Ташкенте, откуда выехал только 13 июля в Самарканд за казаками 2-го Уральского казачьего полка, назначенными по Высочайшему повелению для участия в экспедиции.

Закупив несколько лошадей на конной ярмарке в г. Узгене и заготовив необходимое снаряжение в Оше, мы тронулись 29 июля, имея большую часть экспедици-

³ См.: Сборник географических... 1909. Вып. 81. С. 26—32.

онного снаряжения и запас фуража на наемных вьючных лошадях. Закупка лошадей и необходимого вьючного материала была связана с большими затруднениями, чем ожидалось. Мои лошади обошлись в среднем в 59 рублей, а между ними были и старые и неважные. Здесь я должен с благодарностью упомянуть имя Ташкентского сарта Саид-Хана, много помогавшего мне снарядиться для дальнего пути. Я широко пользовался услугами его ошского поверенного, которому было предписано быть всецело в моем распоряжении во все время моего пребывания в Оше. Помощник начальника уезда подполковник Куропаткин, приехавший незадолго до нашего отъезда, оказал нам также немало помощи.

Проследовав на Талдынский перевал, я перешел русскую границу 11-г у Иркештама и прибыл в Кашгар 17 августа, потеряв день из-за лошади, сильно повредившей себе ногу в горах.

В Кашгаре я простоял вторую половину августа и первую сентября. Я старался использовать продолжительное пребывание в Кашгаре и усиленно занимался по китайскому языку. К тому меня вынуждала невозможность найти хотя сколько-нибудь удовлетворительного переводчика.

В бытность мою в Кашгаре мне приходилось особенно часто слышать о появлении японцев в Китайском Туркестане. О них доносили из Хами, Турфана, Урумчи, Кульджи, Суйдина, Лобнора и Хотана. Словом, сарты видели японцев всюду. Упорность этих слухов побудила меня предпринять экскурсию в Хотан, чтобы лично убедиться в присутствии японцев в южном районе Кашгара раньше, чем двинуться на север и далее на восток.

Мне не удалось напасть на какие-либо следы от японцев. Впоследствии во время моего дальнейшего путешествия на севере я стал получать о них сведения только начиная с Илийского края и склонен думать, что за исключением 2 японцев, совершивших за 2 года до моего пребывания в этих местах очень успешную и вполне открытую поездку с археологической целью, слухи о их разведках или вообще о появлении их южнее Тянь-Шанского хребта до 1907 года были преждевременны.

На обратном пути из Хотана я прошел со съемкою через Сенджу и Каргалык. Я наносил свою дорогу при помощи обыкновенной карманной бусоли, пользуясь для этого разграфленной записной книжкой, которая

удобнее планшета для маршрутной съемки верхом и имеет то немаловажное преимущество, что менее обращает на себя внимание. Вплоть до Кульджи я переносил съемку на планшет, пользуясь дневниками и вынужденными для сбора военно-статистического материала остановками в городах. На это, однако, потребовалось столько времени, что в дальнейшем путешествии я отказался от этого, отложив всю кропотливую работу до окончания всей поездки.

Узнав, что подполковник Ласточкин незадолго до меня прошел со съемкою дорогу от Кашгара через Гульджат-Даван в Уч-Турфан, я двинулся на Маралбаши, а оттуда прямо на север через безводное пространство вдоль восточного подножия гор через д. Отчал в многолюдное местечко Кальпин. Из Кальпина три дороги выходят на вьючный путь Аксу — Уч-Турфан — Гульджат-Даван. Я избрал 4-дневную вьючную дорогу через перевал Бельнинг-Тупесе-Даван.

Через Сарам вдоль каменистых ущелий рек Тунгус-бурун-джилгаси, Терек-Ават и Чегынын-сайсу я перевалил через горную цепь Каратеке, отделяющую Кальпинскую впадину от долины р. Таушкандарья. Перевал Бельнинг-Тупесе-Даван имеет 2690 м абсолютной высоты. Вода кипела при $+90,96^{\circ}$. Он вполне доступен для вьючных лошадей. После нескольких узких ущелий дорога, следуя вдоль широкой долины «Кэкры» между Кызыл и Бербертаг с частыми стойбищами киргизов племени куче, выходит в долину Таушкандарьи и подходит к г. Уч-Турфан с юго-востока.

Между 10 и 28 февраля я подробно исследовал р. Таушкандарью от Баш-Акма-Караул (в одном переходе от Уч-Турфана вверх по реке) до впадения ее в Яркенддарью на протяжении приблизительно 300 верст. Двигаясь вниз по реке, я остановился в Аксу на 4 дня для приведения съемок и другого материала в порядок.

28 февраля я возвратился снова в Аксу и простоял там две недели. Пришлось через мандаринов проверить, открыт ли Музартский перевал, так как в Аксу ходили слухи о больших снежных завалах. Даотай любезно отдал приказание о заготовке для меня (конечно, за плату) необходимого топлива и фуража на ближайших четырех станциях. Несмотря на выдающееся по любезности содействие властей, пришлось значительно развернуть мой маленький караван. Под вьюки, фураж

и съестные припасы было нанято 14 лошадей. Из них лишь две были под снаряжением, остальные 12 под фуражом, хлебом, мясом и другими припасами. Окончив свои работы по изучению Аксуйского уезда — одного из богатейших оазисов Китайского Туркестана — и приложив руку к последним дорожным приготовлениям, я выступил 13 марта с караваном в 23 лошади. Бросив большой тракт у м. Джаам, я после двух тяжелых переходов под сильнейшим снежным бураном достиг д. Кызылбулак у подножия Музартского хребта. От Кызылбулака дорога вытягивается через Кунашар — заброшенную крепостцу Якуб-бековских времен — в ущелье р. Музарт. Следующих три перехода идут по каменистому ущелью шириною в $1\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ версты между горными массивами подавляющей высоты. В самом начале есть трава, но глубже в ущелье растительности почти нет. Лишь на северных склонах наивысших гор виднеется елка да внизу растут местами колючка пучками и грубая трава. Дорога камениста и тяжела, то переходит через небольшие, но крутые отроги гор, то тянется по узким и скользким карнизам самого примитивного устройства. Внизу под обрывами видна р. Музарт, которая шумит и пенится в своем камнями заполненном русле. Дорога несколько раз переходит с подножия одной горы к другому, перекрещивая при этом реку. В это время года она имеет $1\frac{1}{2}$ —2 сажени ширины при незначительной глубине, но летом при таянии снегов или сильных дождях всякое движение по этой дороге прекращается. Русло реки местами имеет сажень 80 ширины, а местами сильно суживается между крутыми берегами. В течение мая, июня и июля он превращается в горный поток, несущий с собой большие камни и часто опрокидывающий лошадей, хотя глубина, по-видимому, не становится особенно значительной.

18 марта мы перевалили через ледник Тургр-Мус. Последний перед этим ночлег сделали у Тамгаташ почти у самого основания его в убогом сарае. Выступив еще в сумерках в 6 ч 20 мин утра, мы достигли поверхности ледника после 4-часового очень утомительного подъема. Дорога идет зигзагами вверх по почти отвесному ледяному склону. На самом крутом месте вырублено во льду десятка два больших ступеней. На недоступной высокой скале стоит небольшая мазанка, в которой живет 8 сартов-рабочих. В обязанность их вменяется ежедневно

вырубать означенные выше ступени, а также устраивать из камней примитивные мостки через трещины, которые образуются во льду. Когда караван подходит, они спускаются к нему навстречу и несут на своих плечах тяжелые вьюки там, где лошади этого не могут. За этот невероятно тяжелый труд сарт или китаец-купец в лучшем случае награждает их несколькими копейками или щепками дров. Последние ценнее денег при их безотрадной жизни в этом настоящем орлином гнезде, где редко два дня проходит без снежного бурана. От правительства они получают в месяц по 1 лану (1 р. 60 к) и 3 шын пшеничной муки (около 8 фунтов).

Наверху открывается обширный вид на долину р. Музарт и на ледник, который между двумя громадными горными массивами тянется на много верст в с.-в. направлении, где вдаль горы окружают его. Тамгаташ по anerоиду находится на высоте 2685 м; на месте нагрузки каравана на леднике 3230 м вода кипела при $+89,52^{\circ}$, а на наивысшей точке за этот день мой anerоид, определяющий лишь до 3600 м, был недостаточен. На самом леднике пересеченная дорога часто переходит через трещины глубиной в несколько сажен, но настолько узкие, что лошадь не может провалиться, но зато легко может сломать ногу. Поверхность ледника усыпана крупными камнями, которые утилизируются в виде весьма неудовлетворительных мостков поперек трещин. После 4—5-часового утомительного движения по льду открывается с севера узкое ущелье с глубоким снегом и еловыми лесами. Дорога втягивается в него. Достигнув в нем недалеко от ледника наивысшей точки, она начинает очень круто спускаться по утоптанной в глубоком снегу тропинке. Только в 11-м ч вечера после безостановочного движения с 6 ч 20 мин утра достигли мы сарая. Вьюки пришли лишь в 1 ч ночи. Переход был особенно тяжел потому, что казак Рахимжанов во время подъема заболел лихорадкой. У него оказалась температура в 40° . Вдобавок ко всему его лошадь поскользнулась и упала в трещину, из которой с трудом удалось вытащить ее. Остановиться было негде, да и топлива не было с собою. На этом переходе я насчитал более 30 конских трупов на снегу, другими словами, павших в течение зимы, а на ночлег пришел одновременно со мной сарт, оставив в глубоком снегу жену и одну дочь, умерших от истощения и мороза. Сам же он отморозил ногу, а вто-

рая дочь руку. В Хан-Яйлыке пришлось сделать дневку, чтобы ехать назад и закончить съемку. Сильный снежный буран во время следующего дня заставил нас радоваться, что накануне не переночевали у рабочих на леднике. В двух коротких, но трудных переходах по ущелью реки Ругрысу или Шато-Мурсу уже на окраине долины реки Текес достигается деревня Шато, или вернее, военный пост в одну сотню калмыков племени зурган-сумун. Дорога часто тянется по узким и очень скользким в зимнее время карнизам. Подъемы и спуски круты. Ущелье лесисто и неопишуемой красоты. Для движения полевой артиллерии на участке от ледника до Шато пришлось бы сделать ряд подрывных и земляных работ. На самом леднике двигать артиллерию при помощи пехоты возможно. От Шато дорога легка. На второй день переходят вброд р. Текес, что возможно круглый год, так как во время половодья переправа совершается на пароме. В два перехода доходят до гор, которые на третий день переваливают через Шо, или Чапчал-Даван. Местность ближе к Текесу несколько болотиста. Оба упомянутых перевала не трудны. Через первый из них мне пришлось переходить под снежным сильным бураном. Абсолютная высота перевала — 2680 м. Вода кипела при 90,54°. В этот день скончался от переутомления один из наемных людей при вьюках.

Вообще музартская дорога ежегодно требует не только лошадиных жертв десятками, но и человеческих. По этому пути двигается много бедного люда мужчин и женщин, направляющихся из Кашгарии в Илийский край, где дневная плата 5—2½ чен в то время, когда в Кашгаре платят 1,3—0,6 чен. Изнуренные вследствие недостатка пищи и плохо снаряженные, они часто не выдерживают лишений и утомлений во время этого 16—18-дневного пути. Китайское правительство ничего не предпринимает для облегчения участи этих бедняков. На самых трудных местах, где иногда снежные бураны хоронят людей десятками, сараи отстоят на громадное расстояние друг от друга и в них нельзя найти ни одного полена дров. Весь торговый обмен товаров между Кашгарией и Илийским краем идет по этой дороге, но сам по себе обмен этот невелик...

В южном районе Китайского Туркестана я сделал антропологические исследования над малоизвестными племенами абдалов, разбросанных по всей Центральной

Азии, Шихшу, Пахцу в горах около Каргалыка и долов в Маралбаши, а впоследствии, кроме калмыков и киргизов, у торгутов и желтых тангутов (хуан-фанцы) в Нян-Шаньских горах. Я обыкновенно брался за эти работы после периода времени, проведенного на больших дорогах и в провинциальных центрах.

Зурган-сумунские калмыки занимают правый берег Текес от нашей границы до выхода Мусурсу из Музартского хребта, а левый — несколько дальше монастыря Куре, где начинается земля дурбун-сумунских калмыков. Они распадаются в судебном и административном отношениях на пять зенги (судей), из которых два наибольших считают по 600 юрт. Всего у них 1500—2000 юрт. Они зажиточны, имеют много лошадей и баранов. Одних лошадей насчитывается у них не менее 5—6 тыс. Матки малы, но прекрасных статей. Представляют отличный коневодский материал, который при удобном выборе жеребцов может дать прекрасный приплод. Процент жеребности 70—75, цена 30—70 руб. Зурган-сумунские калмыки податей не платят, но должны в мирное время содержать сотню в 120 человек в Шато, а в случае войны выставить от каждой юрты по одному всаднику. Ламы составляют приблизительно 25% всего мужского населения.

Кара-киргизам отведена часть калмыцкой земли от Мусурсу по правому берегу Текес, с ущельями притоков Агияз, Коксу, Джиргалан и пр., за исключением верхнего Коксу, где зимуют торгоуты из Юлдуса. От слияния Текес с Кунгес они далее к востоку занимают оба берега последней реки. Их насчитывается вдоль Текеса приблизительно 2500 юрт, на правом берегу р. Кунгес — 1500, а на левом — 1700. Они весьма зажиточны, имеют прекрасный скот, а также немало чистых денег, так как пьянство в противоположность калмыкам не процветает у них. Киргизы любят продавать скот, преимущественно баранов, и копить деньги. Киргизы не несут военной службы. Несколько лет тому назад была набрана небольшая часть для несения караульной службы вдоль границы, но вскоре она была распущена, и пока не слышно о новых формированиях. За отмену налога они платят небольшую подать в казну, приблизительно со 100 баранов — 1, со 100 коней — 1 и т. д....

Торгоуты в долинах двух Юлдусов и их притоков делятся на 54 сумуна в 25—200 юрт каждый. Общим чис-

лом их, пожалуй, не будет более 2500—3000 юрт, хотя мандарин в Кашгаре заявил мне, что их около 10 000. Из трех тысяч юрт надо полагать около $\frac{1}{3}$ на долю лам. Летние стойбища 5 сумунов расположены к западу от Баин-Булука по направлению к Карагайташским горам; 2 сумуна ближе к перевалу того же имени (они зимуют в верхнем Коксу); 4 сумуна к югу от ханской ставки, а остальные 45 расположены по направлению к Карашару. Приходят сюда на летовку в конце мая, а уходят уже в августе. Зимой снег достигает аршинной глубины, прерывая сообщения. С севера через Нартский массив ведут перевалы Харнур, Дагин, Нарат и Адункур-Даван, которые открыты с конца мая до сентября. С востока есть сообщения с Коксу, Б. и М. Джиргаланом, но дороги трудны и перевалы открываются на $\frac{1}{9}$ —1 месяц позже Дагин. С юга — труднодоступная дорога из р. Коксу, с востока — гористая вдоль Хайдык-гол, другая — по ущелью р. Хапчкан-Усун через Котлы-Даван. От нее имеется выючная дорога в Урумчи и другая также нелегкая вдоль р. Алгой в Токсун. Дорога из Баин-Булука через Саармин-Даван и Кэкэрче разделяется на две, одна выходит в ущелье р. Хапчкан-Усун, другая через Хахрын и Харгаты-Даван — в Карашар. Все дороги выючные. Зимуют ближе к означенному городу, главным образом в ущельях Хапчкан-Усун и его притоках. Подати платят лишь своему хану. Величина их меняется в зависимости от его потребностей, но в среднем равняется 9—6% с капитала каждого торгоута. Хан получает ежегодно от богдыхана 1000 лан, а сам подводит цзян-цзюню несколько лошадей. Военной повинности нет.

Я посетил около 150 юрт и нашел их несравненно беднее зурган-сумунских калмыков и кара-киргизов. Сами они заявили, что сильно пострадали от вынужденных во время дунганского бунта перекочевков. Скота у них сравнительно немного, и все, что мне приходилось видеть, было очень запущено...

Мое впечатление, что торгоуты обеднели, и не только их лошади пошли количеством сильно назад, но они сами умирают в большом количестве, чем рождаются.

Многие из них знают по преданию о своем прежнем переселении в Россию и обратно в Китай. Слушали охотно мои рассказы об их братьях в Астраханской губернии. Жаловались мне на свою тяжелую жизнь, отсутствие кормов, болезни детей и скота...

Долина реки Юлдус втиснута между громадными горными массивами. С юга — южный Тянь-Шанский хребет, с востока — горы Сыдрулулу, врезающиеся между Б. и М. Юлдусом, с севера — Нартский хребет, а с запада — Карагайташские горы.

Карашарский уезд по площади довольно значительный, но с весьма редким населением и небольшими ресурсами. В уезде кочует 10 сумунов-хошутов под управлением Бейсэ, всего около 700 юрт. Бейсэ ежегодно получает от Богдыхана 500 лан. Они беднее торгоутов. Сам Бейсэ имеет всего 150 лошадей. Вопрос о воинской повинности обстоит у них как у торгоутов.

Карашар связан колесными дорогами с Урумчи, Турфаном, Лобнором и Кашгаром.

В 6 усиленных переходов доходят до г. Токсун. Дорога пролегает по пустынной и частью гористой местности. Вода имеется, но только в определенных пунктах, расположенных на большом расстоянии друг от друга. Есть колодцы с глубиной до 140 аршин. Дорога вполне годна для движения артиллерии. Исключая станции Уштала, совершенно нет ресурсов в смысле кормов. Мои лошади, сильно ослабленные уже до Кашгара, и здесь не выдержали, хотя я ввиду их сбережения вез все снаряжение на наемной арбе. Выбрав двух лучших лошадей, я с переводчиком двинулся усиленными переходами в Урумчи, возложив на Луканина нелегкую задачу доставить туда же всех моих изнуренных коней.

Токсун небольшой, но весьма плодородный оазис. Средний урожай пшеницы сам 10—12. В нем, кроме базара, считают всего 6 деревень с населением, смешанным из сартов и дунган...

От Токсуна 1—1½ перехода по колесной, но каменистой и большей частью безводной дороге до Турфана. До Урумчи 4 перехода, из которых 1-й весьма каменист и проходит через легкий, в смысле подъемов, перевал. За исключением октября и ноября бураны бывают здесь ежедневно. Они часто такой силы, что всякое колесное движение прекращается. За перевалом дорога выходит в широкую, но безводную пустынную долину Беанхэ, где сходятся с колесной дорогой из Турфана.

ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ О ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ

География

Основанный в 1762 г. Суй-дин-чэн, или, как его принято здесь называть Суйдин, долгое время оставался без всякой поддержки. Стены его до такой степени обветшали, что в 1883 г., когда китайское правительство решилось обратить его в резиденцию цзянь-цзюня, город пришлось заново отстраивать.

В настоящее время город Суйдин, занимающий площадь менее квадратного километра, внутри еще мало застроен. Китайский базар его невелик, жителей почти нет, и все его население составляют преимущественно чиновники, их прислуга, полицейские и солдаты собственного конвоя цзянь-цзюня. Только за его высокими стенами, в пригородах, из коих южный обнесен также стеной, высокой, но тонкой и местами уже обвалившейся, скучивается главная масса населения этого города. Базары этих предместий, почему-то называющиеся: один — таранчинский, другой — дунганский, в сущности носят один и тот же характер, ничем не отличаясь от базаров китайских: та же здесь теснота и грязь, те же открытые харчевни, те же, наконец, извозчики, развозящие в своих ящиках-клетках непритязательных пассажиров, и всюду так и лезущие в глаза громадные холщевые вывески с нашитыми на них китайскими иероглифами. Таранчинец здесь неприметен; над всеми же и всем доминирует китайский солдат...⁴

Кульджа, основанная в 1762 г., по площади, занимаемой ею, и по тому оживлению, какое замечается на всех ее базарах и к ним прилегающих улицах, производит впечатление одного из крупнейших городов китайского Притяньшанья. По всем данным, однако, в ней нет и десяти тысяч жителей. Разбросавшаяся своими предместьями, застроенная лачужками, среди которых русские домики выделяются точно яркая белая заплатка на сером рубище, она производит приятное впечатление

⁴ Грум-Гржимайло Г. Е. Описание путешествия в Западный Китай. М., 1948. С. 18.

только своими садами, которые сплошь почти окружают ее отовсюду⁵...

Страны, служившие некогда колыбелью китайской и иранской культурам, и до сих пор еще хранят столько памятников былого, что уже по этим реликвиям легко было бы составить себе понятие о каждой из них. Вся Передняя Азия наполнена развалинами, отмеченными гением строивших их народов, и такая же масса развалин, хотя и позднейшего происхождения, переполняет Китай на восток от устья Вэй-хэ. А в промежутке на тысячи километров нет ничего, что можно было бы поставить наряду с этими величавыми памятниками седой старины. Здесь, в буквальном значении этого слова, распростерлась пустыня, но не столько в смысле бесплодных пространств, сколько по полному отсутствию в них именно таких следов былой творческой жизни народов.

Правда, сюда, на восток Памира, некогда проникали иранцы; были времена, когда сюда же добирались с востока китайцы, но, здесь оседая, ни те, ни другие ничего прочного, ничего могущественного образовать не могли.

Участь таких колонистов всегда была очень печальна, а история мелких общин или даже государств, задолго до нашей эры уже организовавшихся на южных склонах Тянь-Шаня и вдоль Куэнь-Луня, полна бесконечных войн и варварских опустошений. Может быть, незадолго до нашей эры Восточный Туркестан и был блестящим собранием городов, в миниатюре — древняя Бактрия; может быть, он полон был самых замечательных сооружений, но увь! от этих времен уже ничего не осталось... Все погибло, все снесено было с лица земли теми лавинами диких номадов, которые со времен хуннов то и дело наводняли эту страну⁶...

Но если так мало нам сохранил Восточный Туркестан, то еще меньше мы должны ожидать от Джунгарии, в этой классической стране самых непредвиденных нашествий и непрестанной борьбы различных племен и народов. И, действительно, во всей Джунгарии не найдется теперь ни одного сколько-нибудь замечательного памятника древнего зодчества, ни одного пункта, с которым связывалась бы легенда народа.

Значит ли это, что сооружений, оригинальных по за-

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. 87.

мыслу и грандиозных по выполнению, здесь вовсе не существовало или что в свое время они были настолько разрушены, что от них уже и следа не осталось?

Первое всего вероятнее.

Хотя за два столетия до нашей эры мы застали в южной Джунгарии несколько владений, то живших самостоятельной жизнью, то попадавших в зависимость к воинственным чешисцам; хотя и это крошечное владение в свою очередь, просуществовало здесь вплоть до VII столетия нашей эры, ведя в течение восьмисот лет до смешного неравную борьбу с могущественным в то время Китаем и бесчисленными ордами кочевников; хотя после этого мы застаем уже здесь военные поселения китайцев, уничтоженные, впрочем, очень скоро дулгарцами, и хотя с падением могущества дулгарского дома южная Джунгария вошла в состав вновь народившейся Уйгурской державы, окончательно павшей только под ударами джагатаидов; однако за весь этот период истории южной Джунгарии нет в ней таких моментов, которые характеризовались бы особым подъемом творческих сил хотя бы одного из обитавших в ней народов.

Правда, в восточной половине южной Джунгарии находилась вторая столица Уйгурии — город Бешбалык, о котором с восторгом вспоминает Ван Яньдэ, может быть, тождественный с знаменитым «Кушаном» магометанских писателей...⁷

Были сделаны даже попытки приурочить Бешбалык к современному Урумчи, но только такой увлекающийся географ, как Риттер, мог серьезно отнестись к подобным попыткам. В самом деле, в распоряжении ориенталистов Клапрота и Ремюзы были только два указания, которые хотя несколько проливали свет на местоположение этого загадочного центра, одно время служившего средоточием трех мировых вероучений: христианского, буддийского и магометанского. Это — маршрут хана Гулагу и описание китайского чиновника Ван Яньдэ.

Итак, бывшее Урумчи нам неизвестно: история же его становится достоверной только с половины XVIII столетия...

Урумчи окружен почти отовсюду горами. Они заполнили весь юг и высятся до вечноснеговых куполов и гребней. За одной из этих морщин расположился Урумчи,

⁷ Там же. С. 88—89.

но как бессмысленно и нелепо, если принять во внимание, что мы имеем здесь перед глазами не только торговый и административный центр, но и китайскую «первоклассную крепость»!

Фортификационное дело стоит у китайцев вообще на таком низком уровне, что все подобного рода сооружения их с европейской точки зрения не заслуживают внимания...⁸

По своему положению Хамийский оазис весьма важен как в военном, так и в торговом отношениях. Через него пролегает главный и единственный путь сообщения из Западного Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию. Других путей нет в этом направлении и быть не может, так как пустыня пересекается проложенною дорогою в самом узком месте на протяжении 400 км от Ань-си до Хами, да и здесь путь весьма труден по совершенному почти бесплодию местности. Справа и слева от него расстилаются самые дикие части Гоби: к востоку песчаная пустыня уходит через Ала-Шань до Желтой реки, к западу та же недоступная пустыня протянулась через Лобнор до верховьев Тарима.

Таким образом, Хами составляет с востока, т. е. со стороны Китая, ключ ко всему Восточному Туркестану и землям притяньшанским...

Не менее важно значение оазиса Хами и в торговом отношении. Через него направляются товары, следующие из Западного Китая в Восточный Туркестан и Джунгарию, а также идущие отсюда в Западный Китай.

Таково значение Хами по словам Пржевальского. Но взгляд этот вовсе не новый. Впервые, как кажется, его высказал еще Риттер, а затем его повторяли все те, кто в своих описаниях так или иначе касался Хами. Таким образом, наш известный путешественник только подкрепил его своим авторитетным словом, устранив в то же время и всякие сомнения в его непреложности.

Между тем история этого оазиса далеко не оправдывает подобного взгляда на международное значение Хами, основанного, как кажется, на не совсем точном представлении о природе и пластике окрестной страны.

Риттер пишет, что Хами в один из цветущих периодов своего существования «достиг столь большого бла-

⁸ Там же. С. 90—91.

госостояния, что уподобился даже столице» [Риттер. Землеведение Азии. 1859. Т. 2, С. 47]. Но я не знаю такого периода. Скажу даже более. Если просмотреть историю Хами за все это время, то как торговое, так и политическое ничтожество этого пункта выступит особенно резко и во всяком случае настолько определенно, что в читателе уже, конечно, не останется никакого сомнения в том, что роль, которую будто бы «играл издавна этот оазис благодаря географическому своему положению среди обширных степей», была далеко не столь заметной, как это вообще принято думать. Некоторое значение этот город приобретает только после замирения Монголии, постройки Баркюльского укрепления и падения Джунгарского царства (1758 г.). До XVIII же века, пока Баркюльская долина и остальная Джунгария находились в руках различных орд, Хами хотя и управлялся самостоятельно, но всегда не надолго.

Пржевальский, останавливаясь перед вопросом, почему притяньшанские мусульмане, освободившись в начале шестидесятых годов от китайского владычества, не напрягли своих сил для того, чтобы утвердиться в Хами, объясняет его отсутствием в среде дунганских вождей лиц, обладавших в достаточной мере стратегическими способностями. Но это не совсем так. Дунгане, овладевшие было Хами, но дважды отбитые от Баркюля, не посмели в нем оставаться единственно из боязни быть отрезанными от Урумчи армией Цзо-цзунь-тана, которая наступала вовсе не колесной Ань-си-Куфи-Хамийской дорогой, как это думал Пржевальский, а так называемым китайским военным путем, соединяющим с Баркюлем Су-чжоу и Лянь-чжоу.

Важное стратегическое значение Баркюля вполне оценил еще император Цзянь-Лунь, выстроивший здесь не только сильное укрепление, но и оставивший в нем гарнизон из маньчжурских солдат. Если же оно ускользнуло от внимания Пржевальского, то причиной тому могло быть нелепое знакомство последнего с природой страны, лежащей на юго-восток от Хами.

Нет, кажется, в Центральной Азии другой местности, которая пользовалась бы столь дурной репутацией, как именно эта часть Гобийской пустыни; а между тем в течение двух тысячелетий она служила именно той ареной, где преимущественно сталкивались несметные полчища жунов, юэцжи, хуннов, сяньбийцев, жеужаней, цянов

(тибетцев), шатосцев, тукиесцев, и, наконец, уйгуров, которые в беспрестанной борьбе между собой и с Китаем не раз орошали потоками крови ее долины и горные склоны. Если бы эта часть Гоби в действительности была столь «страшной своим бесплодием» и «ужасной своей дикостью», как ее нередко описывали, то каким же образом можно было бы согласовать с такой характеристикой этой страны целый ряд известий о передвижениях по ней громадных армий в сто и даже триста тысяч конных людей?!

Если с юго-востока Хамийский оазис ограничен местностью, представляющей хотя и не завидные, но все же еще возможные условия для существования человека, то дальше, на запад, с понижением абсолютной высоты местности, Гоби уже приобретает действительно на больших пространствах характер настоящей пустыни. Даже склоны гор, подымающихся здесь во всех направлениях, лишены всякой растительности. Палящие лучи солнца согнали всю ее вниз, в лога и ущелья, да и там гнездится она еще далеко не везде. Это по преимуществу чиевые или тростниковые заросли, среди коих можно встретить джантак, различные солянки.

Громадное скопление серебра в таком крошечном городке, каким был китайский Хами до вступления туда войск Лю-цзинь-тана, совсем пересоздало и этот город и всю окрестную местность. Здесь появились обширные заезжие тани, бесчисленные трактиры, дотоле невиданные богатейшие китайские лавки, вырос даже целый пригород, и в довершение всего появились здесь русские люди — приказчики бийских купцов. На запад от города местность украсилась парком, разведенным по приказанию Лю-цзинь-тана, далее здесь же был выкопан пруд, и — о диво! — для него специально сколочена лодка, на палубе которой любивший-таки кутнуть генерал задавал пиры своим подчиненным. Мы застали уже только остов этой лады, но все немало подивились ее ни с чем не соразмерной величине, придававший характер полнейшей нелепости всей этой странной затее...⁹

Промышленность

Почва Турфана, даже помимо прямого человеческого содействия, постоянно обогащается солями в propor-

⁹ Там же. С. 304—307.

циях, совершенно достаточных для того, чтобы в значительной мере пополнить убыль последних. Достигается это путем ирригации.

Большинство оросительных каналов, по вычислению проф. Шмидта для вод бассейна Амударьи, успевает в год отложить на гектар более 65 килограммов фосфорнокислой извести и до 327 килограммов калия; а это, как справедливо замечает академик Миддендорф, уже настоящий возврат. Если мы примем в соображение, что воды Амударьи собираются среди снеговых полей Памира, а турфанские из недр земли, то, без сомнения, должны будем признать преимущество за последними.

Для того, чтобы совершенно покончить с вопросом об удобрении полей, я должен еще заметить, что турфанцам прекрасно также знакомы свойства как зольного удобрения, так и гуано, для получения которого в турфанских селениях содержится даже множество голубей: первое свозят исключительно только на плантации табака, второе — на дынные бахчи.

Так как птичий помет на всем пространстве азиатского континента, как кажется, решительно нигде не утилизируется для хозяйственных нужд, то нельзя ли предположить, что турфанцы сами собой додумались до этого интенсивного удобрения?

В Турфане возделываются нижеследующие хлеба.

Озимая пшеница (кузлюк-будай). Высевадается в конце сентября или даже в начале октября; при первых же морозах на поля спускается вода, которая покрывает ледяной коркой всю землю. Вызревает в конце июня, а иногда и позже.

Яровая пшеница (чигилэ-будай) — безостая, тогда как кузлюк-будай с остью. Высевадается в феврале, собирается в мае; после своза пшеницы с поля последнее немедленно же перепахивается под джугару. Яровая пшеница высевадается в значительных количествах, озимая очень редко, да и то ввиду тех выгод, которые представляет ее посев для бедных водоем хозяйств.

Джугара (ак-кунак). Высевадается в начале июня, поспевает в сентябре. Идет на корм скоту и в умолате — на изготовление хлеба, в последнем случае муку джугары мешают с пшеничной на половину. Стебли джугары служат прекраснейшим кормом для скота и продаются здесь по рублю воз.

Ячмень (кылтырлык-арпа). Высевадается в ничтожных

количествах, потому что требует много воды, зато в Ханду и Ленджине дает урожай сам — 60, поспевает в конце апреля и в начале мая, высевается же одновременно с яровой пшеницей.

Перечисленным, собственно говоря, и ограничивается разнообразие хлебов, так, если здесь и высеваются просо и рис, то в таких ничтожных количествах, которые не заслуживают никакого внимания.

Но кроме хлеба в Турфане возделывают хлопчатник. Хлопковые плантации довольно обширны и в восточных районах этой области. Почву под него не увлажняют, воды пускают немного...

Табак. Благодаря значительному доходу, который приносит земледельцу посев табака, плантации последнего составляют здесь удел даже самых малых хозяйств, к сожалению, значительный процент выгод табаководства переходит всецело в карман люкчунского вана, пользующегося правом исключительной монополии в торговле этим продуктом земледелия. Табак требует только незначительного удобрения, причем зольным пользуются далеко не повсюду, и это потому, что здесь вообще распространено убеждение, что между крепостью табака и количеством последнего существует прямая зависимость, весьма, кстати сказать, не выгодная для местных табаководов, так как лучшими сортами признаются здесь наиболее слабые табаки.

Кунжут высевается с целью получения масличного семени. Хорошо очищенное масло довольно приятного вкуса, но в том виде, в каком его продают в городах Центральной Азии, оно издает резкий, неприятный запах, который при нагревании усиливается чрезмерно.

Кроме перечисленных полевых культур, в Турфане возделываются еще кое-где люцерна и конопля. Последняя попала мне только в Пичане. Волокна ее идут на изготовление плохих веревок, чем занимаются преимущественно дунгане, семя же — на приготовление масла.

Турфан знаменит своими плодовыми и бахчевыми. И груши и яблоки его так хороши, как нигде в Туркестане, но экономическое значение для края имеют все же не они, а дыни и виноград, которые в сухом виде наполняют рынки Джунгарии, Китая и даже Восточного Туркестана, где так много своих дынь и винограда.

Насколько турфанец хороший земледelec и садовод, настолько же плохой он ремесленник и торговец.

Скотоводство в Турфане не развито по отсутствию выгонов. Ремесла и торговля находятся в руках пришлых дунган, китайцев, андижанцев и выходцев из Кашгара, Яркенда и других городов Восточного Туркестана. Но некоторые отрасли производства он и до сих пор не выпустил из своих рук и в них достиг даже возможного совершенства, так например, хлопчатобумажные ткани пользуются заслуженной славой и по добротности своей уступят разве только лучшим кашгарским сортам, в особенности же хороши здесь сорта, известные под именем «торбаг» и ткущиеся из ниток, крученых из предварительно обваренной ваты; они носятся долго, очень мягки и тонки. Затем очень еще хороша турфанская армячина и всевозможные изделия из хлопка и шерсти. Но, без сомнения, самым любопытным турфанским изделием следует считать корзины, плетеные из тонких ивовых прутьев, окрашенные ниже борта фуксином.

Население, быт

Урумчи. Китайский трактир — открытое помещение под навесом (пэн). Оно не блесит ни чистотой, ни комфортом: квадратные, а иногда, как у дунган, и длинные, насквозь промасленные столы, такие же скамейки и табуреты — вот и вся его утварь; смрад и едкий чад — обычная в нем атмосфера; копать на всем и повсюду...

...Публика в высшей степени разнообразная, всего же более голытьбы. Есть завсегдатаи, которые, кажется, на то только и существуют, чтобы украшать собой такие чертоги. Среди этих субъектов, как свежая яркая заплата на просаленном полотне, виднеются иногда довольно прилично одетые господа. Но таков уж обычай! Еда — это своего рода культ для китайцев; под покровом трактира в Китае исчезают все различия между людьми.

Туркенстанцы трактиров не держат; что же касается до дунган, то харчевни последних внешним видом своим почти вовсе не отличаются от китайских; зато там много опрятнее, да и кухня у них совсем другая.

Китайцы, как известно, едят все решительно, начиная с ужей и саранчи и кончая ослиатиной и мясом собаки; зато не выносят ничего молочного и не любят говядины. Дунгане, наоборот, хотя в способах пригото-

¹⁰ Там же. С. 251—254.

ления пищи и подражают китайцам, но едят только то, что не запрещено мусульманским законом. Вот почему за дунганским обедом вы найдете ту же смену блюд, что и за китайским: то же обилие проквашенных овощей (сянь-цай), те же в высшей степени разнообразные соусы и рис напоследок, но все это исключительно из баранины, говядины или птицы.

Много времени уделяет китаец трактиру, но еще больше базару и улице. Оттого на последних всегда такое движение и такая масса снующего люда. Это многолюдство производит ошеломляющее впечатление на иностранца, который, видя себя в подобии муравейника, получает зачастую совсем ложное представление о населенности города.

Домашняя обстановка китайца вовсе не приноровлена к тихой жизни в семейном кругу. В самом деле, в Китае наблюдается то же, что и в других государствах, где социальные условия принижают женщину до степени рабы и наложницы: рознь интересов супругов и отсутствие нравственных уз между ними.

Вся деятельность мужской половины вращается обыкновенно вне сферы домашнего очага... Чуть свет — и китаец уже толкается где-нибудь на базаре или работает тут же, в какой-нибудь каморе, которая для него одновременно решительно все, что хотите: и приемная, и лавка, и мастерская, одинаково доступная всем, за исключением, впрочем, той, которая, по нашим понятиям, должна была бы стоять всего ближе к ее обладателю...

Вот почему китайские базары так шумны, а привлекающие к ним улицы людны.

Но пройдите один — два квартала, и вас невольно поразит господствующая кругом тишина и как будто даже пустыньность: на улицах ни души, и только из-за оград доносятся изредка сюда голоса, свидетельствующие, что не все еще умерло здесь по соседству...¹¹

И я думаю, что это потому происходит, что в Китае рук много, а труд и время ставятся там ни во что. Китаец в постоянном движении и подчас ради таких минимальных выгод, которые показались бы просто смешными в Европе. Пусть находятся чудаки, вроде некоего сановника Чэн-ци-туна, вычисляющие, что средний до-

¹¹ Там же. С. 96.

статок китайской семьи простирается до 60 000 руб., мы все же иначе можем смотреть на Китай как на обширное царство пролетариев. В массе своей земледельцы, они выделяют все же громадный процент неимущих, которые в поисках заработка направляются прежде всего на большие пути. Вот почему, путешествуя по Китаю только по главным дорогам, невольно проникаешься верой в возможность существования в нем 400 миллионов человеческих душ.

Киндыкский базар в Урумчи представляет отличную иллюстрацию ко всему вышесказанному: это труба нетолченная всякого люда, который, просто уму непостижимо, откуда сюда набрался...

Но я не люблю китайских базаров.

На всем Востоке, у тюркских племен, базар самое красивое место: здесь тоже бездна народа, но каждый туркестанец одет по возможности во все лучшее; здесь тоже повсюду проглядывает грязь и убожество, но все это как-то остается прикрытым халатами туркестанцев. Вы даже на первых порах положительно потеряетесь среди этой пестроты и яркости красок, в этом разнообразии лиц и костюмов...¹²

Турфан. Несмотря на то, что пришлые тюрки должны были оказать нивелирующее влияние на обычаи и язык, последний в Турфане сохранил еще некоторые особенности, делающие его мало понятным киргизам и таджикам...

Впрочем, отличия эти быстро сглаживаются, и, по собственному осознанию местных жителей, «старых» слов остается у них все меньше и меньше.

Население Турфана исключительно земледельческое; оттого-то здесь так много селений и так мало городов. Впрочем еще и другая причина препятствует образованию в этой стране крупных центров оседлости. Эта причина — отсутствие значительных масс проточной воды. Самые крупные из рек Турфана — Булурюк-баур, Кара-ходжа, Лемджинская и Пичанская. На их берегах издавна существовали значительнейшие города древности, да и теперь Турфан, Люкчун и Пичан не перестали еще играть роли главных административных и торговых центров страны.

Развалины древних резиденций турфанских прави-

¹² Там же. С. 97.

телей поражают массивностью своих сводов и стен, но в общем размеры их незначительны. Это были скорее замки, чем города. Всего более таких развалин по р. Кара-ходжа, собирающей... свои воды частью из ключей, частью из карысей в окрестностях значительного селения Мултук и затем протекающей довольно широким ущельем поперек гряды Тузтау, т. е. древнего Хо-Янь-Шаня. В этом ущелье местами еще сохранились интересные развалины буддийских кумирен и монастыря, кельи которого целиком высечены в отвесных скалах красных песчаников; живопись замечательная необыкновенной яркостью и свежестью своих красок, алебастровая штукатурка и даже деревянный переплет, служивший для последней основой, — все это сохранилось здесь так хорошо, точно еще недавно в монастыре кипела жизнь и отправлялось богослужение! Говорят, что развалины эти всего более пострадали в 60-х годах, когда овладевшие Турфаном дунгане разрушили здесь множество келий, вдребезги разбили изваяния идолов и сорвали со стен барельефы; но и до сих пор местное население не перестает удивляться искусной живописи жившего здесь прежде народа — «уюлгур-калмыков», как они их называют.

Против этого монастыря, на противоположном берегу реки, виднеются развалины какого-то замка, а дальше, к югу, — остатки не то башен, не то надгробных памятников и других сооружений весьма древней архитектуры. Наконец, по южную сторону гор, среди обширного селения Кара-ходжа и рядом с развалинами недостроенной Якуббековской крепости, путник наталкивается на высокие стены с фланкирующими башнями, сводчатыми постройками, в которых кое-где видна еще штукатурка обвалившимися подземельями и громадными грудями мусора и всякого отброса внутри. Пораженный не только массивностью всех этих построек, но и архитектурным их стилем, Регель пишет, что он невольно вообразил себя среди развалин каких-то древнегреческих или римских сооружений, но так как, прибавляет он, «ни греки, ни римляне никогда не распространяли своей власти так далеко на восток, то всего естественнее предположить, что постройки эти относятся ко времени, предшествовавшему вторжению сюда уйгуров»...¹³

¹³ Там же. С. 222—223.

Некогда, как известно, Турфан славился не только своим военным могуществом, но и богатством; искусство турфанских ремесленников приводило в восторг даже прихотливых китайцев; библиотеки были обширны, науки, грамотность процветали, внешняя же торговля имела такое развитие, какого никогда не достигала в прочих промышленных округах Восточного Туркестана.

Ныне от всего этого более уже ничего не осталось. Мало сказать, что торговля здесь мала — ее здесь вовсе не существует. Народ обнищал и погрузился в ничтожество.

Какие же причины подготовили это, сравнительно быстрое, падение как благосостояния материального, так и умственного уровня в целом народе? Причин таких было много, но все они имеют характер более внешний, чем внутренний. Во-первых, политические невзгоды: усиление Джагатаидов на западе, стремление их подчинить себе Турфанскую область и силой привить здесь мусульманство, а затем джунгарский разгром, самая полная эксплуатация кунтайшами средств этой страны, эксплуатация, вынудившая в конце концов большую часть населения бросить родину и бежать на восток, в пределы Западного Китая; во-вторых, замена уйгурского населения элементом пришлым — узбекским, а буддийской религии — мусульманством; наконец, события наших дней: дунганское восстание, хищническое управление китайских администраторов и их достойных сподвижников и воспитанников — ванов люкчунских, непомерные подати и, как косвенная причина, общее обеднение всех народов, населяющих Центральную Азию...¹⁴

Насколько нам удалось определить характер турфана — скромность составляет его удел; я думаю, что у некоторых она переходит даже в забитость. Турфанец терпеливо выносит тиранию китайской администрации и своего природного князя, но, может быть, это только временно бездействующий вулкан. Во всяком случае он мало напоминает прежнего жителя этой страны, непокойного и вечно с кем-нибудь да воевавшего чешысца... Он предпочитает, по-видимому, мир да покой, а потому хотя и ропщет, но все же лезет в ярмо, добровольно обращаясь в батрака каждого, кому не лень наживать-

¹⁴ Там же. С. 225.

ся на счет этого добродушного человека; поэтому, мне кажется, нет страны, где бы растовщичество было так распространено, как именно здесь.

«Когда-то, — говорили нам старики, — мы переживали лучшие времена; тогда и народ был честнее... Воровство и обман строго наказывались, а теперь этих наказаний никто уже не боится...»

Можно легко этому поверить. Сама судьба заставляет человека, попавшего в лапы ростовщика, изворачиваться, затем унижаться и, наконец, даже прибегать к недозволенным законом и совестью действиям. Подобное движение по наклонной плоскости вниз так хорошо всем известно, что о нем и распространяться долго не стоит. К тому же народ, управляемый не законами, а произволом, проходит здесь очень плохую школу нравственности; про Турфан же мы скорее, чем про какую-нибудь другую страну Востока, имеем право сказать, что закон существует здесь только для тех, кто богат.

При всем том, благодаря своей аккуратности, трудолюбию и уменью довольствоваться самым малым, турфанец еще сводит кое-как концы с концами; при поверхностном взгляде он производит впечатление даже человека зажиточного: так, всегда он опрятно одет и в таком порядке находится его крошечный дворик и прилипшиеся на краю последнего жилые покои.

Обо всех туркестанцах приходится зачастую выслушивать мнение, что это народ давно изолгавшийся и вполне лицемерный, что вероломство составляет столь же враждебное у них качество, как и себялюбие или жестокость. Мы, однако, совсем не разделяем такого крайнего взгляда и желали бы дать туркестанцу иную характеристику; вот посему мы и к турфанцам решаемся отнести те слова, которые писались почтенным академиком Миддендорфом о таджиках...

«Если мы с беспристратием отнесемся к коренным чертам характера таджиков, которых частенько и жестоко ругали, то вскоре убедимся, что, кроме прекрасных склонностей к добру и мягкости души, я вовсе не хочу отрицать больших недостатков их и пороков; но они обращаются в нечто очень малое, если обратить внимание на то, при каких условиях выработалось то здоровое ядро, которое сохранилось в них и поныне...»

Мать всегда и всюду была, без сомнения, первой воспитательницей ребенка; и вот именно дети в Турфане

служат самой надежной рекомендацией для своих матерей.

В самом деле, это совершенно своеобразные дети. Сообразно со своим возрастом, они, разумеется, и бегают, и играют и, пожалуй, даже шалят; но все шалости их совсем невинного свойства. Вы нигде не увидите здесь мальгучана, лазающего по деревьям, бесцельно ломающего сучья или кусты, портящего молодые побеги лозы ради свистулек или хлыстов; они не побегут вслед за вами, не швырнут в вас исподтишка камнем, зато проводят взглядами, полными любопытства и вместе с тем какой-то недетской серьезности. Подростки лет пяти-семи уже няньки грудных младенцев и, добавлю, хорошие няньки, с десяти — они уже настоящие помощники своих матерей и отцов. Одним словом, это вполне благо-**нравные** дети. Особенно поражали нас всегда их стоицизм и какая-то в их возрасте совсем для нас непонятная сила воли. Например, я, кажется, никогда не забуду впечатления, произведенного на меня одним мальгучаном лет семи или даже шести. По неосторожности, помогая матери в приготовлении хлеба, он упал в раскаленную печь. Хотя его тотчас же и вытащили, но ожоги, им полученные, охватили всю грудь, руки и ноги; через три дня все это обратилось в сплошную, гнойную язву; тогда только испуганные родители решились обратиться за помощью к русским. И надо было видеть выражение малютки, когда принесший его к нам отец стал сдирать присохшие к страшным его ранам лохмотья!.. С его стороны ни звука, а все мы — казаки и я — просто оцепенели от ужаса... «Да что же это такое? Да как же это лечить?!» Молчание ребенка, чрезвычайные усилия воли, которые он, видимо, употреблял для того, чтобы не расплакаться, тронули нас до глубины души... Разумеется, мы лечили его как умели и через три недели имели удовольствие видеть его уже смеющимся и играющим...¹⁶

¹⁶ Там же, С. 231.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абдул-Азиз 118
Абду-аб-Карим 53
Абдулла-ходжа 102
Абу-Али ал-Хасан 42
Абу-ар-Рашид-Хан 53
Алп Кутлуг Бильге Қоган 37
Алп Кутлуг 38
Алп Тутук-оге 36
Анахуань 24
Ань Лушань 34, 35
Аньнопанто 24
Ашина 20, 23, 44
Ашина Сянь 30
Асянь-шад 21

Бартольд В. В. 44, 50, 51, 69
Банг В. 52
Бернштам А. Н. 60
Березовский М. М. 68
Бертельс Е. Э. 48
Бёкю-каган 34
Бек-кулы-бек 102
Бичурин Н. Я. 6
Бильге-каган 31, 32
Бильге Кюль Кадыр-каган 46
Богоявленский Н. В. 7, 69, 72
Боуэр 56
Бузурук-хан 102
Буку Чин 39
Бумын 24, 25
Бумын-каган Истеми 26

Валиханов Ч. Ч. 6, 58, 86—88
Валихан-тюря 109, 110
Вилькинс А. 64, 81
Ван Яньдэ 41, 42, 206
Вронченко М. П. 61
Вэньди 17

Гагарин М. П. 57
Гардизи 39, 45
Галкин 65, 109, 188
Гедин 58
Геродот 12
Громбчевский 65
Грум-Гржимайло Г. Е. 65, 66,
146, 206
Грюнведель А. 57

Данибегашвили Р. 58
Джемаль Қарши 44
Джонсон 56
Доверн 56

Доу Сянь 20
Дулатова Д. И. 132

Ефремов Ф. 55, 57

Зурдунбек 88

Иль Угеси 38
Истеми 26
Исмаил ибн Арсалан-хан 46

Кадырхан Юсуф 52
Капаган-каган 31
Катта-тюря 104
Кара-каган 26
Каульбарс 60, 115
Қир-Магомет 117
Клеменц Д. А. 67
Козлов П. К. 66
Коротков Н. Н. 69
Краснов А. Н. 66
Куропаткин А. Н. 7, 64, 70
Кунье 20

Ладыгин В. Ф. 67
Лаошань 15
Лоулань 17
Литке Ф. П. 61
Лю Цун 21
Лю Юань 21
Люй Гуан 22
Лекок А. 57

Малик ал-машрик 42
Маннергейм 7, 68, 93, 94, 195
Махмуд Кашгарский 52
Менглик-каган 52
Маодунь 14, 17, 19
Муган-каган 25
Матусовский Э. Л. 64
Милютин Д. А. 61, 62
Мухаммад Исхак-Вали 53
Мухаммед 48
Мэд Юсуф 101

Нанай-вандак 21
Насир аль-хакк ва'д-дин 43
Ню-Шицзян 31

Обручев Н. Н. 62
Ольденбург С. Ф. 68—70
Огулчак Кадыр-хан 46
Отани К. 57

Певцов М. В. 7, 60, 67, 73, 76
Петровский Н. Ф. 69, 101, 102
Петров И. 57
Пелльо П. 57
Потанин Г. Н. 7
Пржевальский Н. М. 7, 63, 64,
148—151, 153, 154, 159, 162,
165—167, 174, 175, 178
Пясецкий П. Я. 64

Радлов В. В. 68
Рашид-дин-ходжа 102
Рейнталь 60, 116
Риттер К. 96, 206
Роборовский В. И. 62, 66, 67

Санд-Якуб-ишан-ходжа 118
Сакал 31
Сосновский Ю. А. 64
Свен Хедин 78
Стейн А. 10, 57
Суйшу 20, 28, 41
Сулук 31, 32
Сунаргулов 64
Сыма Жуй 21
Сыма Цань 12—14
Тай Уди 22, 23
Татищев В. Н. 60
Тахир Марвази 45
Тенгери Бёгю-тенгрикен Инги
Бильге-каган (Бёгю-каган)
36
Тенгери Эльтутмыш Алп 34

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абат 103
Аган 66
Аксу 53, 54, 66, 68, 98, 121,
133, 138, 139, 194, 197
Ат-баш 66
Ак-том 65
Ак-Шур 136
Ак-яр 103
Аксак-Марал 80
Алтай 14, 20, 23
Алашань 63
Алтын-таг 72
Амдо 66
Амударья 76, 210
Англия 114, 122
Аньси (Куча) 31
Артуш 103
Аргу 103

Тоба Гуй 22
Токлуг-Тэмюр 41
Тоньюкук 31
Тумиду 33
Трушников Ф. 57

Уди 18
Уч-элиг 319

Форсайт Д. 56, 118

Ханеда Т. 57
Хабибулла-ходжа 102
Хосров Бёри-шада 30
Хо Цюйбин 19
Хунань 18
Хэляньбобо 23

Чжан Цян 9
Чурын каган 33

Ши Чаои 34
Шестаков 57
Шлагинтвейт А. 56

Элетмиш Бильге-каган 34

Юсуф Баласагунский 10

Ямышев Бурнаш 57
Якуб-бек 60, 101, 104, 105—107,
111, 113, 114

Арк (Карашар) 40
Афганистан 57, 119, 121

Бадахшан 136
Бай 80
Байкал 15
Баксум-Буляк 136
Баликун 11
Баранса 136
Баркюль 208
Бедель 64, 66
Безеклик 68
Бельнинг-Тупессе-даван 73
Бербег-таг 73
Бешбалык (Пенджикент) 36,
38, 39, 40, 51, 206
Бэйшань 26, 66
Ближний Восток 57

- Богушты 65
 Бухара 48, 55, 58
 Бэйтин 30, 38

Вахаб-джильга 136
 Верный 66

 Ганьсу (Хэси) 18, 19
 Ганьчжоу (Ганьсу) 35
 Гаочан 22—24, 28, 29
 Гильшат 136
 Германия 180
 Гоби 208, 209
 Гобийский Алтай 14
 Гульджат 68
 Гума 31
 Гуцзан 19
 Грунч-Кийлык 136

Даван 66
 Дарвас-Саргаут 136
 Джунгария 11, 16, 42, 44, 45,
 87, 205—208
 Дуньхуан 51

 Западный Казахстан 16
 Западный Китай 66, 78, 79, 207
 Западная Монголия 11
 Западная Сибирь 15

Ивулу (Хами) 16
 Индия 10, 58, 86, 117
 Индукшари 68
 Ирак 10
 Иркештам 68, 135, 184
 Иссык 10
 Йэттишар 58, 60, 117

Канджут 136
 Каракол 64, 66
 Қарабаг 102
 Каракорум 136
 Карашар 36, 40, 80
 Каратэке 73, 144
 Қаракаш 80, 91, 97
 Каракурчин 160, 175, 178
 Қаракыр 102
 Караул-даван 136
 Қардунг 136
 Қаргалыкский оазис 80
 Кашгария 6, 7, 72, 74—76, 79,
 82, 84, 89, 92, 96, 145, 156,
 158, 159
 Қашгар 66, 86—89, 154, 180
 Керия 63, 56, 80

 Кетэк-шаари-кум 81
 Килиан-даван 136
 Китайский Туркестан 68, 78,
 195, 198, 200
 Килиан 136
 Коканд 58, 87, 183
 Кокшал 144
 Кок-Яр 65
 Кочо 36, 41
 Коксу 101, 102
 Кунгес 201
 Куэнь-Лунь 56, 64, 65, 80, 144,
 145, 205
 Куня-Турфан 80, 102, 139
 Куку-юр 66
 Кумтаг 145
 Кульджа 196, 204
 Кунешаар 88
 Курля 64, 80
 Курган 103
 Куча 29, 36, 56, 64, 80, 88, 99
 Кучадарья 76
 Кызыл-буй 103
 Кызыл-дубя 103
 Кызыл 73, 88
 Кэкыр 73
 Кюнгут 31
 Қяхта 63, 183

Ладак 134, 136, 137
Лавлет-баг 103
 Лобнор 11, 37, 149, 150, 154,
 159, 161, 165—167, 176, 178,
 179
 Лоян 21, 34
 Ляньчжоу 33, 35

Мавераннахр 45, 47, 48
 Марал-баши 66, 80
 Маргелан 133
 Музарт 73, 198

Наманган 133
 Нань-Шань 66
 Нарын 65
 Научук 104
 Нижняя Яндама 104
 Ния 62, 66, 99, 139
 Нуч-Барсхан 36

 Ордос 14, 15, 22
 Ордукент 43, 49
 Ордубалык 35, 38
 Орхон 35
 Ош 65, 132, 195

Пиальма 65
Пиньян 22, 23
Поволжье 15, 26
Порач 103
Приаралье 26
Приуралье 15, 26
Пускам 136

Россия 58, 95, 109, 132, 135
Русский хребет 63

Саньчжу 65, 137
Самарканд 50, 195
Сарам 73
Саркол 90
Сарыкуль 90
Сарыкол 144
Саяны 14
Северная Монголия 66
Северный Тянь-Шань 53
Семиречье 11, 22, 30—33, 45
Сенчим-Агоу 68
Сунок 184
Сугет 136
Суйдин 196, 204
Суяб 31
Сырдарья 26, 31, 45, 76

Тазгун 103
Такла-Макан 10, 68, 79
Тамгаташ 74, 198
Таушкандарья 68, 73
Таш-Малык 103
Тарим 77, 78
Тегирманлык 136
Текес 200
Терск-Ават 73
Теректы 65, 132, 135, 184
Термез 47
Тибет 55, 87, 90, 118
Тор-аузы 65
Тохта-хон 65
Тургарт 65, 135, 184
Турфан 23, 51, 94—96, 149,
209—212
Тунгусберун-джилгаси 73
Турция 116
Тутилайлаг 136
Туюк-Мазар 68
Тюмень 88
Тянь-Шань 10, 14, 72, 77, 78

Урумчи 69, 95, 196, 206
Услюшь 65
Уч-Турфан 64, 66, 68, 72

Файза-бад 103
Фергана 45, 53

Хан-Арык 103
Хайдугола 64
Хами 64, 93—95, 196, 207, 208
Хорезм 2
Хотан 52, 66, 123, 150, 180, 196
Хотандарья 76
Хэбэй 21
Хэси (Ганьсу) 19, 22—24

Цагангол 14
Цзинь-Шань (Алтай) 20
Цзюцюань 20
Цилян 19

Чаннань 31
Чарсу 88
Чапчал-Даван 200
Чауджит-джильга 136
Чегенын-сайсу 73
Черчен 63, 180
Чибра 136
Чира 63, 66
Чугучак 69

Шаньси 21
Шато-Мусурси 200
Шахи-дулла 13
Шэньси 21—23

Эцзингол 33

Юрункаш 80, 91, 97

Янги-гиссар 65, 80
Янги-шаари 91
Янцзы 21
Ян-Курган 88
Япчень 136
Яргалык 136
Яркенд 43, 52, 54, 56, 87, 103,
104, 136, 180
Яркенддарья 68, 76, 80, 81, 83
Яр-Хото 68

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
История тюркского населения Восточного Туркестана. <i>Вступительная статья</i>	9
Глава I	
Из истории изучения Восточного Туркестана в России . . .	56
Глава II	
Географическое описание края	71
Глава III	
Административное устройство. Экономические и торговые отношения	101
Глава IV	
Население. Быт, нравы, обычаи	142
Вместо заключения	179
Приложения	181
Н. Ф. Петровский. Краткий обзор Восточного Туркестана	181
Галкин. Современное состояние вооруженных сил Восточного Туркестана	188
К. Г. Э. Маннергейм. Предварительный отчет о поездке, предпринятой по высочайшему повелению через Китайский Туркестан и северные провинции Китая в г. Пекин в 1906—1908 гг.	195
Г. Е. Грум-Гржимайло. Фрагменты из книги о Восточном Туркестане	204
Указатель имен	219
Географический указатель	220

**Сергей Григорьевич Кляшторный,
Александр Антонович Колесников**

**ВОСТОЧНЫЙ ТУРКЕСТАН ГЛАЗАМИ РУССКИХ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ**

*Утверждено к печати Ученым советом Института уйгуроведения
Академии наук Казахской ССР*

Рецензенты: канд. ист. наук *Б. Е. Кумеков*,
канд. филол. наук *Л. С. Савицкий*

Зав. редакцией *Л. И. Дробжева*
Редактор *А. Е. Орловская*
Художественный редактор *Л. Г. Мироненко*
Оформление художника *В. М. Грущакова*
Технический редактор *Л. Ю. Уляницкая*
Корректор *С. Ю. Вайдман*

ИБ № 2637. Монография

Сдано в набор 27.04.88. Подписано в печать 18.08.88. УГ09349.
Формат 84×108¹/₃₂. Бум. тип. № 1. Литературная гарнитура.
Высокая печать. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,97.
Уч.-изд. л. 13,17 (в т. ч. 0,55 л. на мелов. бум.) Тираж 1300
Заказ 137. Цена 2 р. 20 к.

Издательство «Наука» Казахской ССР
480100, Алма-Ата, Пушкина, 111/113
Типография издательства «Наука» Казахской ССР
480021, Алма-Ата, Шевченко, 28

